

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Голубкова Анна Анатольевна

Критерии оценки в литературной критике

В.В. Розанова

Специальность 10.01.01 – русская литература

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Научный руководитель

доктор филологических наук,

профессор М. В. Михайлова

Москва, 2005

Содержание

Введение	4
Глава 1. Теоретические взгляды В.В. Розанова на литературу	23
1.1. Философские предпосылки формирования литературной концепции В.В. Розанова	23
1.1.1. Индивидуальное начало в философской системе В.В. Розанова	23
1.1.2. Понятие о стихии и стихийном в философской концепции В.В. Розанова	25
1.1.3. Теория пола и семейный вопрос	28
1.1.4. Основные черты современности в понимании В.В. Розанова	30
1.2. Место литературы в системе ценностей В.В. Розанова	37
1.2.1. Формирование литературных взглядов В.В. Розанова (книга «О понимании»)	37
1.2.2. Цели и задачи литературы	42
1.2.3. Литература в жизни человека и общества	44
1.2.4. Писательская саморефлексия	50
1.3. В.В. Розанов о литературной критике	52
1.3.1. Периоды в истории русской литературной критики	53
1.3.2. Розанов о Белинском	56
1.3.3. Отношение Розанова к идеям 1860-х гг. Добролюбов и Чернышевский	65
1.3.4. Розанов и Аполлон Григорьев	68
1.3.5. Представления Розанова о народности литературы	70
Глава 2. Русские писатели в критической оценке В.В. Розанова	73
2.1. Розанов о Пушкине	73
2.1.1. Пушкин в сопоставлении с другими авторами	89
2.1.2. Пушкин и теория мистического значения пола	96
2.2. Розанов и Гоголь	104

2.2.1. Интерпретация творчества Гоголя второй половины 1880-х – середины 1890-х гг.	107
2.2.2. Интерпретация второй половины 1890-х – начала 1900-х гг.	113
2.2.3. Статьи к 100-летию юбилею Н.В. Гоголя (смещение интерпретаций)	123
2.2.4. Образ Гоголя в эссеистике В.В. Розанова	133
2.2.5. Изменение концепции Розанова под влиянием исторических событий	138
2.3. Лермонтов как образцовый поэт в иерархии В.В. Розанова	144
2.4. Тургенев в литературной концепции В.В. Розанова	153
2.5. Брюсов и декаденты	164
Заключение	170
Библиография	176

Введение

Постановка проблемы и актуальность темы исследования

Личность Василия Васильевича Розанова – одна из наиболее спорных и загадочных не только в Серебряном веке, но и в русской культуре в целом. Розанов известен как противоречивый писатель и философ, нарушавший в своих рассуждениях принципы формальной логики. Его литературные, политические и общественные взгляды не отличались постоянством. Розанов мог писать одновременно в журналах и консервативного, и либерального направления статьи удовлетворяющего данное издание содержания, мотивируя это тем, что душа больше любого направления и в одной статье выражена быть не может.

Литературная критика Розанова вызывала неоднозначную реакцию еще при жизни писателя, хотя именно для Серебряного века характерны попытки расширить рамки жанра критической статьи. Однако манера высказывания, присущая этому критику, делала невозможной однозначную интерпретацию его точки зрения на творчество того или иного автора. При явном интересе к Розанову значительных фигур русского литературоведения (В.Б. Шкловский, М.М. Бахтин, А.Ф. Лосев) не было выдвинуто обоснованной концепции его творческого метода, а из-за господства марксистско-ленинской методологии было невозможно научное изучение Розанова, произведения которого стали доступны широкому читателю только в конце 1980-х гг. Все это привело к тому, что фигура Василия Розанова до сих пор является спорной и недостаточно изученной, хотя без правильной оценки его роли и значения для русской культуры рубежа XIX – XX вв. понимание особенностей этого периода остается неполным и недостаточно ясным. В настоящее время близится к своему завершению издание Полного собрания сочинений Розанова под общим руководством А.Н. Николюкина. Таким образом, опубликовано уже достаточно материала для осознания подлинного масштаба личности Розанова.

Литературная критика была одним из основных направлений его деятельности, и в его творчестве она занимает такое же важное место, как и вопросы семьи и брака, а также исторического пути развития России. Кроме того, литература являлась для Розанова не только предметом критической оценки, но и фактором повседневной жизни, поэтому закономерной частью его рассуждений о литературе становится критика как собственных произведений, так и своего занятия литературой в целом, своего рода саморефлексия. Розанов постоянно пытается определить смысл литературы, ее цели и задачи, ее возможности в сфере воздействия на общество. Слово для Розанова, как и для всей русской культуры XIX в., имеет онтологическое и иногда

даже сакральное значение, являясь одним из ключевых понятий в его мировоззрении. Следовательно, именно через слово и через литературу возможно приблизиться к пониманию философской системы Розанова и прояснить, наконец, его значение для Серебряного века и русской культуры XX столетия. Кроме того, установление параметров розановской концепции творчества того или иного писателя позволит уточнить общую картину развития литературного процесса на рубеже XIX – XX вв.

Научная новизна

Литературная критика Розанова привлекает внимание многих исследователей. Большинство из них отмечает его противоречивость и амбивалентность. В.А. Фатеев, например, подчеркивает, что «Розанов чрезвычайно самобытен, изменчив, парадоксален и бесформен»¹, его мысль не поддается систематизации, ее невозможно выразить в категориях логики. По мнению исследователя, «изменения во взглядах Розанова настолько непостижимы, алогичны, что их почти невозможно предвидеть и тем более всесторонне объяснить»². Обстоятельства почти не влияют на мнение Розанова, «он ”внутренне несклоняем” и не раз демонстрировал смелость, идя поперек общего движения»³. Таким образом, противоречия и склонность к совмещению несовместимого оказываются, по мнению этого исследователя, свойством личности Розанова, которое неизбежно проявляется также и в его творчестве, в том числе и в литературной критике.

Достаточно развернутая концепция методологии розановского мышления представлена в книге А.Д. Сиявского, который утверждает, что «внутренне Розанов, как писатель и мыслитель, был целостен»⁴. Однако если смотреть со стороны, да еще принимать во внимание лишь крайние точки хода мысли Розанова, то получится «весьма пестрая и противоречивая картина». Розанов, как дерево, «дает побеги сразу в несколько сторон», «растет живою мыслью, а не следует по одному раз и навсегда избранному курсу»⁵, поэтому его противоречивость оказывается естественной. Розанов, по Сиявскому, оказывается целостным именно в своей парадоксальности, которая происходит из его попытки «идти в философии не путем рассуждения, а путем

---

¹ Фатеев В.А. Публицист с душой метафизика и мистика // В.В. Розанов: pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. В 2 т. СПб., 1995. Т. 1. С. 5.

² Там же. С. 11.

³ Там же.

⁴ Сиявский А.Д. «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. М., 1999. С. 3.

⁵ Там же. С. 62.

переживания»⁶. Проза философа и критика строится целиком или почти целиком «на раскрытии и демонстрации собственного “я”»⁷. При этом Розанов отталкивается не только от чужих штампов, но и «от собственного, только что высказанного им суждения»⁸. В критических высказываниях Розанова Синявский находит стремление «подтягивать» писателей к себе и «мерить на свой аршин»⁹. Общую концепцию развития русской литературы «по Розанову» Синявский представляет так: «... только Пушкин и отчасти Лермонтов, завершающие <...> культуру XVIII века, культуру Державина, Жуковского и Карамзина, несут в себе что-то положительное»¹⁰.

А.Н. Николюкин видит суть критического подхода Розанова в особом понимании концепции, которая может включать в себя противоположные точки зрения. В этой концепции «да» не всегда «да», а «нет» отнюдь не обязательно «нет»¹¹. Он считает Розанова «художником, а не исследователем». Вывод сделан на основании легкости обращения с фактами, так как у Розанова нередко «правда историческая отступает перед “своей”, повествовательной правдой»¹². Характерный для Розанова творческий подход к критике Николюкин объясняет особенным «антиномическим мышлением» и «экзистенциалистским протеизмом» писателя. Исследователь предлагает «попытаться понять логику розановских антиномий», настаивая на том, что существование противоречий является принципиальным для творческого наследия писателя, в ином случае «Розанов не был бы Розановым»¹³.

Н.Ф. Болдырев определяет Розанова как «исключительно фрагментарного и парадоксального по форме выражения своего “логоса”» писателя, которого невозможно понять с позиций позитивизма и «логоцентричного мышления»¹⁴. В произведениях Розанова Болдырев усматривает странную, почти непостижимую логику, сходную с логикой, присущей высказываниям юродивых и адептов дзэн. По мнению исследователя, Розанов стремился к тому, чтобы «внешне равно истинные утверждения уничтожали друг друга, давая явиться некой внесловесной сути»¹⁵. Русская литература не имеет такой метафизической направленности, поэтому Розанов

---

⁶ Там же. С. 233.

⁷ Там же. С. 126.

⁸ Там же. С. 237.

⁹ Там же. С. 303.

¹⁰ Там же. С. 292.

¹¹ Николюкин А.Н. В.В. Розанов – литературный критик // Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 7.

¹² Там же. С. 10.

¹³ Николюкин А.Н. Розанов. М., 2001. С. 183, 265.

¹⁴ Болдырев Н.Ф. Семя Озириса или Василий Розанов как последний ветхозаветный пророк. Челябинск, 2001. С. 145.

¹⁵ Там же. С. 146.

рассматривает ее как «до известной степени блефующую»¹⁶. Писатели, создавая «литературных зомби по своему “артистическому” либо “идеологическому” усмотрению», навязали обществу свои идеи и тем самым привели нацию к гибели¹⁷. Именно в этом и заключаются, считает Болдырев, основные претензии Розанова к русской литературе.

Противоречивость Розанова почти не затрагивается в работе Е.В. Осминой, которая выстраивает модель отношения Розанова к Пушкину при помощи концептов «миф» и «культурный герой». Так как «личный миф есть оригинальнейший мифопроект собственного бытия человека, являющийся для него предметом веры»¹⁸, то анализ различных точек зрения на творчество Пушкина закономерно отступает на второй план. В центре внимания Осминой находится процесс мифологизации Розановым Пушкина. По мнению исследовательницы, «используя живой характер мифа Розанов получал возможность в открытую говорить с миром, и посредником в этом диалоге выступал Пушкин в качестве культурного героя Розанова»¹⁹. Кроме Пушкина, считает Осмина, Розанов выделяет в качестве культурных героев-писателей также Достоевского, Лермонтова и Гоголя.

Рассматривая оценку Розановым творческих исканий Достоевского, Д.Н. Дианов объясняет противоречивость высказываний своеобразием эстетической позиции, обусловленной полифоничностью розановского мышления²⁰. Розанов пытался смотреть на предмет со всех возможных позиций, отражал в своих высказываниях его многогранность. Эти различные, часто противоположные точки зрения Розанов, по мнению исследователя, излагал от первого лица в отличие от Достоевского, полифоничность которого выражалась через точки зрения отдельных персонажей.

Как видим, почти все посвященные Розанову исследования исходят из тезиса о его противоречивости, которая объявляется качеством, присущим ему органически. В результате оказывается невозможным выстроить более или менее обоснованную концепцию, объясняющую мировоззрение Розанова и его позицию по отношению к тому или иному писателю, так что ни одна работа не выходит за пределы простой регистрации противоречий. Даже пытаясь дать объяснение этим противоречиям,

---

¹⁶ Там же. С. 167.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Осмина Е.В. Творение мифа и интерпретация культурного героя: Розанов и Пушкин. Автореф. канд. дисс. Кострома, 2005. С. 6.

¹⁹ Там же. С. 17.

²⁰ Дианов Д.Н. Творческие искания Ф.М. Достоевского в оценке русской религиозно-философской критики конца XIX – начала XX веков (К. Леонтьев, Вл. Соловьев, В. Розанов). Автореф. канд. дисс. Кострома, 2004. С. 15.

исследователи не рассматривают произведения Розанова как некую целостную совокупность высказываний, а ограничиваются привлечением отдельных утверждений, доказывающих те или иные положения их теории.

Несомненно, мышление Розанова можно охарактеризовать как амбивалентное и противоречивое. Однако надо указать на то, что сам он воспринимал свою личность как нечто целостное, выражая в статьях различного направления разные стороны одной души. Э.Ф. Голлербах, лично знавший Розанова, также писал о том, что его творчество, внешне бессистемное и разрозненное, является внутренне стройным и цельным²¹. Поэтому можно предположить, что существует уровень, на котором эта амбивалентность снимается и многочисленные противоречия текстов Розанова получают объяснение. Выявление этого уровня не только позволит прояснить многие спорные вопросы, касающиеся розановской концепции литературы, но и станет значительным вкладом в опыт анализа систем, выстроенных с нарушениями формальной логики. Этим и определяется новизна предлагаемой работы.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования стали как теоретико-литературные и критические статьи Розанова, так и его высказывания по поводу литературы вообще и жизни и творчества отдельных писателей в частности. Эти статьи и высказывания рассматриваются хронологически, что позволяет получить представление о логике развития концепции Розанова. Предметом исследования являются внутренние связи, которые существуют между различными розановскими интерпретациями. Эти связи оказываются не чем иным, как ценностями, на основании которых Розанов дает оценку как произведениям, так и личности писателя. Для исследования подобного рода привлечение как можно большего количества источников желательно, но не обязательно, так как наличие ценностей устанавливается уже при сравнении трех-четырех интерпретаций.

В русской литературе Розанов выделяет три эпохи: «золотую», «серебряную» и «медную». К первой эпохе относится творчество Пушкина, Гоголя и Лермонтова, которые занимают ключевое положение в розановской иерархии. Вторую эпоху составляют произведения Толстого, Достоевского, Островского, Гончарова и Тургенева, для которых, по Розанову, характерно преобладание идейного содержания над художественной формой. К третьей эпохе он относит всю современную ему

---

²¹ Голлербах Э.Ф. В.В. Розанов. Жизнь и творчество // Голлербах Э. Встречи и впечатления. СПб., 1998. С. 40.

литературу, которая, по его мнению, не создала ничего значительного ни с точки зрения формы, ни по своему содержанию. С учетом этого подхода в диссертации было подробно проанализировано отношение Розанова к Пушкину, Гоголю и Лермонтову. Писатели, отнесенные им к «серебряному веку», рассмотрены на примере Тургенева. «Медный век» в данной работе представлен В.Я. Брюсовым, которого Розанов воспринимал как одного из типичных представителей того поколения.

Розанов относится к произведениям Толстого и Достоевского как к ярчайшим явлениям русской культуры. Однако его интересует прежде всего философский аспект творчества этих писателей. В статье «Гр. Л.Н. Толстой» (1898) Розанов прямо указывает на философский характер творчества Толстого: «Его первое произведение “Детство и отрочество” есть уже философия в самой теме своей; и что бы еще ни писал Толстой, всегда заметно для внимательного читателя, что он – философствует образами, что он есть вечный и неутомимый философ; и только потому, что тема его философии есть “человек” и “жизнь” – иллюстрации к ней вытягиваются в страницы рассказов и романов»²².

Д.Н. Дианов в своей диссертации определяет критику Розанова как религиозно-философскую. Исследователь приходит к выводу, что Розанов предпринял попытку всестороннего рассмотрения художественного наследия Достоевского и обнаружил принципиально новый способ изучения религиозного мирозерцания писателя. Дианов отмечает, что Розанов «иногда искусственно пытается “подогнать” собственные литературно-критические изыскания <...> для доказательства своего понимания религиозного аспекта в творчестве писателя и подготовить основу для доказательства собственной метафизической концепции»²³. Розанов также очень часто обращается к тем или иным элементам образной системы произведений для иллюстрации собственных философских рассуждений.

А.А. Медведев подробно рассмотрел эволюцию восприятия Розановым жизни и творчества Толстого и Достоевского через категорию понимания, являющейся, по мнению исследователя, основной структурой культурной формы эссе, направленного на «личностное (целостное) переживание “предмета”»²⁴. Медведев считает, что творчество Розанова производит впечатление противоречивого, если анализировать исключительно аспект его содержания, так как розановскому сознанию присуща внутренняя диалогичность. Не случайно поэтому Розанов выбирает для своих

---

²² Розанов В.В. Гр. Л. Н. Толстой // Розанов В.В. О писателях и писательстве. М., 1995. С. 31.

²³ Дианов Д.Н. Творческие искания... С. 14.

²⁴ Медведев А.А. Эссе В.В. Розанова о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом (проблема понимания). Автореф. канд. дисс. М., 1997. С. 4.

произведений форму эссе, которое, по определению Медведева, есть «художественно-философская, феноменологическая форма личностного бытия в диалоге с другим»²⁵. Толстой и Достоевский в этом контексте закономерно оказываются «вечными и живыми собеседниками Розанова, диалог с которыми осуществлялся, как и все розановское творчество, изнутри его конкретного, живого, личного духовного опыта»²⁶. При этом исследователь выводит произведения Розанова, посвященные Толстому и Достоевскому, за рамки критики как литературной, так и религиозно-философской. По его мнению, «только с феноменологической точки зрения можно увидеть уникальность “критического опыта” Розанова как художественно-философского, конгениального “предмету”, опыта целостного понимания Толстого и Достоевского»²⁷.

Таким образом, проблема оценки Розановым творчества Толстого и Достоевского не только выходит за пределы собственно литературоведения, но и оказывается теснейшим образом связанной с вопросами становления и развития философии Розанова, которые до сих пор не исследованы в достаточной степени. Поэтому в данной работе для анализа отношения Розанова к писателям «серебряной» эпохи была взята интерпретация жизни и творчества Тургенева.

Цель и задачи исследования

Цель данного исследования – выявление того уровня, на котором преодолевается противоречивость Розанова и становится возможно рассмотреть его мировоззрение как системное. Задачи исследования: 1) выявить философские предпосылки формирования литературной концепции Розанова; 2) определить место литературы в розановской системе ценностей и в том числе прояснить его отношение к себе как писателю; 3) рассмотреть теоретические взгляды Розанова на литературную критику и его отношение к отдельным критикам, сыгравшим важную роль в становлении его литературной концепции; 4) изучить эволюцию розановской концепции творчества Пушкина, Гоголя и Лермонтова; 5) на примере Тургенева прояснить отношение Розанова к писателям, второстепенным в его восприятии; 6) определить точку зрения Розанова на современный ему литературный процесс и в том числе его отношение к декадентам.

В задачу данной работы не входит рассмотрение проблемы формирования и развития философских взглядов и мировоззрения Розанова, вопросов влияния на него

---

²⁵ Там же. С. 7.

²⁶ Там же. С. 5.

²⁷ Там же. С. 13.

тех или иных философов и писателей, а также восприятия критических концепций Розанова его современниками и полемик, вызванных его статьями.

Методология

В.В. Биbihин скептически оценивает возможность обнаружения внутренних связей в хаотических взглядах Розанова, так как это требует от исследователя «как минимум такого же грациозного жеста, такой же умной хватки»²⁸. По его мнению, наука на современном этапе своего развития к такому анализу не готова: «Современные развязные “розановеды” имитируют от силы разве что раскованность розановского слова, но совершенно не причастны закону розановских прозрений...»²⁹. Отчасти этот упрек справедлив, так как внимание ученых обычно направлено на видимую противоречивость высказываний Розанова, которая поневоле и воспроизводится в исследовании. Однако в тех случаях, когда исследователь основывает свой анализ на философских воззрениях Розанова, ему удастся приблизиться к пониманию внутренних закономерностей развития той или иной концепции. Например, Р.А. Барзукаева в своей диссертации представила философию образования Розанова как целостную систему, рассмотрев все ее различные и взаимосвязанные аспекты³⁰. Медведев при помощи феноменологического подхода выявил особенности отношения Розанова к творчеству Толстого и Достоевского. И в том, и в другом случае весьма значимой для исследования оказывается разработанная Розановым философская теория понимания.

Методология данного исследования опирается на теорию ценностей. Так как в осмыслении ценности как категории существуют значительные разногласия, необходимо рассмотреть основные этапы развития аксиологической мысли.

До середины XIX в. не существовало обобщающего представления о ценности как таковой и о закономерности ее проявления в различных конкретных формах. В рационалистической античной философии слово воспринималось как непосредственный носитель мысли. Ценности находились на периферии мышления и анализировались по отдельности, а не как единое начало. В религиозном сознании нет потребности в создании теории ценностей. В средние века единственной подлинной ценностью был Бог, все другие ценности являлись эманацией божества. В эпоху Возрождения возникает представление о земной природе сознания, однако осознание связи различных форм отношения человека к миру (нравственного, эстетического,

²⁸ Биbihин В.В. Время читать Розанова // Розанов В.В. О понимании. М., 1996. С. XXI.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Барзукаева Р.А. Философия образования В.В. Розанова. Автореф. канд. дисс. Тверь, 2004.

правового, политического) в это время еще отсутствует. Для XVII – XVIII вв. характерна опора на естествознание и лежащее в его основании безоценочное в принципе математическое знание. И только романтизм впервые противопоставил рационализму Просвещения эмоциональную активность духовной жизни человека.

Одним из первых важное место феномену ценности отвел Г. Лотце в своей работе «Основания практической философии» в 60-е гг. XIX в. Однако, по мнению М.С. Кагана, решающее значение в утверждении места ценностного сознания в культуре имела философия Ф. Ницше, который трактовал бытие не как объективную реальность, а как ценность, растворяя онтологию в аксиологии. М. Вебер, опираясь на реальность бытия ценностей в культуре конца XIX в., показал, как после Ф. Ницше и Ш. Бодлера изменилась традиционная триада ценностей (истина, добро и красота). Именно в это время становится очевидным, что прекрасное может не быть добрым, а истинное может не быть прекрасным.

В конце XIX – начале XX в. проблема ценностей вышла на первый план. М. Шелер свел к ценностям всю духовную жизнь человека. По его мнению, ценности объективны и существуют во всей природе. Они есть своеобразные качества, носителями которых являются блага. Для обнаружения ценностей необходима эмоциональная интуиция. Высшей формой ценностей являются ценности религиозные. Э. Трельч в книге «Историзм и его проблемы» выдвинул в качестве центрального пункта теории ценностей человеческую индивидуальность в виде лейбницевой монады особого уровня сложности. Исходя из этого, ценности следует понимать в их субъективном и относительном характере. М. Хайдеггер отмечал, что всякое оценивание есть субъективация, которая лишает бытие его онтологической объективности. Н. Гартман представлял ценности как независимые от сознания идеальные сущности, содержание которых меняется исторически, а форма остается неизменной. Человек может познавать их благодаря имеющемуся у него социальному «чувству ценности». Однако это познание осуществляется не на рациональном, а на эмоциональном уровне. В позитивизме ценности сводятся к проявлениям биологической полезности, к психофизиологическим оценкам, основанным на удовольствии, и к экономической стоимости. А.В. Луначарский возвел мир ценностей к биоэнергетически трактуемой красоте и выделил следующие типы оценок: сенсуальная, гедонистическая; рациональная, утилитарная; общественная, моральная; эстетическая.

Баденская школа поставила вопрос о создании философии истории как учения о ценностях. По мнению В. Виндельбанда, философия ценностей отвечает на

глубинную потребность времени, когда «массы двинулись вперед», и возникла опасность «утраты того высшего, что собственно только и составляет во все времена культуру и историю – жизнь личности»³¹. Виндельбанд выделил два типа суждений: абстрактно-логические, которые применяются при описании природы и конструируют естественнонаучную картину феноменального мира, и выражающие отношение человека к миру. Высказывания второго типа, ничего не прибавляющие к предметному содержанию суждений, являются оценками. Вынесение оценок оказывается возможным, поскольку субъект есть одновременно носитель и практического разума, и единого идеального мира ценностей, обладающего характером долженствования. Сама возможность оценки демонстрирует проявление примата практического разума над теоретическим. Ценностное ядро практического разума составляет единство истины, добра и красоты. Виндельбанд выделяет три вида оценок: логические, этические и эстетические. В них выражается норма оценки, то есть правильность проявления чувства удовольствия или неудовольствия в суждении о ценности. Философия призвана гарантировать эту правильность.

Большой вклад в разработку теории ценностей внес Генрих Риккерт, который понимал философию как науку, ставящую себе наиболее широкие познавательные задачи. Одна из задач философии – показать, каким образом субъект и объект объединяются в едином понятии о мире. По Риккерту, есть два типа мировоззрения. Одно, объективирующее, рассматривает объекты и человеческое «я» как комплекс психических процессов. Такое мировоззрение основано на понятии причинной связи субъектов и исключает суждения о смысле, который не помещается в простые причинно-следственные связи. Другое – субъективирующее – рассматривает объекты в их зависимости от субъекта, поэтому в нем можно обнаружить истины и сущность мира. Однако подобное мировоззрение не в силах дать единого понятия о мире. Риккерт считает, что «вопрос о смысле жизни надо <...> ставить как вопрос о значимости ценностей»³². Категория ценности призвана разрешить противоречия между этими двумя мировоззрениями.

Мир составляют бытие как совокупность объектов и субъектов и ценности. Объекты могут обладать ценностью, но эта ценность, обнаруживаемая в их действительности, с этой действительностью не совпадает. Например, ценность произведения искусства не равна ценности его материальных составляющих, таких как полотно, краски, лак и т.п. Для реального объекта, связанного с ценностью, Риккерт

³¹ Виндельбанд В. Философия в немецкой духовной жизни XIX столетия // Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М., 1995. С. 353.

³² Риккерт Г. О понятии философии // Науки о природе и науки о культуре. М., 1998. С. 21.

вводит термин «благо». В то же время ценность неразрывно связана с субъектом, оценивающим объекты. По мнению Риккерта, нужно различать понятие ценности и психического акта оценивающего субъекта. «Ценности всегда связаны с оценками»³³, но отождествлять их не следует. Проблема ценности есть проблема ее значимости, этот вопрос не совпадает с вопросом существования акта оценки. Более того, ценность может обладать значимостью даже и при отсутствии оценки, выражающей то или иное к ней отношение. Таким образом, «оценка» есть выражение связи ценности с субъектом.

Ценности образуют самостоятельную область, лежащую по ту сторону субъекта и объекта. Они соединяются с действительностью посредством блага и оценки, которые подлежат ведению специальных наук, изучающих бытийные проблемы методом объективации. Однако целое действительности «принципиально недоступно нашему опыту, <...> мы его можем только мыслить»³⁴. Все философские проблемы, по мнению Риккерта, есть ценности, которые можно обнаружить, взяв за исходный пункт действительность. Ценности выкристаллизовались в культуре в процессе ее исторического развития. «Сущность ценности заключается в ее значимости»³⁵. При поиске ценностей не следует обращать внимание на оценивающих субъектов, так как особенности оценок зависят не от них, а от культурных объектов. Философия стремится к единству ценностей и действительности, в то время как в реальной жизни «лишь только мы пытаемся совокупность наших элементарных и первичных переживаний подвести под наиболее обширные понятия, как они необходимо распадаются на оба не сводимые друг к другу царства ценностей и действительного бытия»³⁶.

Единство ценности и оценки обнаруживается в «нетронутom» акте переживания, если видеть в нем субъективное отношение к ценности и не касаться возможности его объективирования. «Смысл акта переживания или оценки не есть ни бытие, ни ценность его, но сокрытое в акте переживания значение для ценности...»³⁷. Единство действительности и ценности является имманентным смыслом. Объективированию поддается только акт оценки, в которую погружен смысл, а не смысл сам по себе. Таким образом, ценности обладают независимой от нас значимостью и придают нашему существованию «объективный» смысл.

---

³³ Там же. С. 23.

³⁴ Там же. С. 25.

³⁵ Там же. С. 27.

³⁶ Там же. С. 31.

³⁷ Там же. С. 35.

Ценности доступны знанию, поскольку они обнаруживаются на благах, которые всегда представлены как продукты исторического развития. Система ценностей, как все историческое, остается незавершенной и поэтому должна быть открытой. Иерархия ценностей исторически и социокультурно изменчива. В начале XX в. Г. Мюнстерберг в своей работе «Философия ценностей» попытался построить таблицу ценностей. В. Франкл классифицировал ценности как созидательные, реализующиеся в продуктивных творческих действиях, как реализуемые в переживаниях и как оформляющие отношение человека к жизни и смерти. А Маслоу в книге «К психологии бытия» (1968 г.) обозначил три уровня ценностей. Первый – общечеловеческий, это ценности, порождаемые потребностями организма. На втором уровне находятся ценности определенных групп, на третьем – ценности индивидов. В отличие от него Генрих Риккерт пытался так выстроить свою систему ценностей, чтобы в ее основании лежали «начала, преодолевающие всякую историю, не вступая вместе с тем с ней в конфликт»³⁸. Главные группы ценностей указаны И. Кантом: это ценности логические, эстетические, этические и религиозные. Соответственно культура делится на жизнь научную, художественную, нравственную и религиозную (метафизическую). Философия, по Риккерту, должна дать единое истолкование смысла жизни, поэтому все многообразие жизни в ней должно быть сведено к единому связующему центру. Для этого необходима сравнительная оценка ценностей.

Существуют три основных понятия, являющихся предпосылкой любого развития. Во-первых, это ценности, обладающие значимостью, во-вторых, блага, в которых они обнаруживаются, в-третьих, субъект, оценивающий ценности и блага. Всякий субъект, осуществляющий ценность в благах, ставит себе некоторую цель. Риккерт вводит еще одно понятие - «тенденция к свершению», которое означает осмысленное, направленное на осуществление ценностей отношение субъекта. Осуществление ценностей предполагает содержание, которое становится их носителем. Содержание состоит из целого – бесконечного и частей – конечного. Если тенденция свершения направляется на бесконечное целое, то достигаемые цели имеют значение ступеней бесконечного ряда развития или бесконечной целостности, если направляется на конечную часть материала, то достигается совершенная частичность. Последней целью, которую ставит стремление к осуществлению ценностей, является область совершенной целостности. Также эти области осуществляемых ценностей можно назвать благами будущего, благами настоящего и благами вечности.

---

³⁸ Риккерт Г. О системе ценностей // Науки о природе и науки о культуре. С. 365.

В исторической жизни существуют личности, их социальные связи, их действенность или активность. Риккерт полагает, что «люди живут в социальной связи, даже когда действенность их носит антисоциальный характер»³⁹. Кроме действенного отношения к миру есть созерцательное отношение, когда мир созерцается исключительно как объект. При созерцании личность становится вещью, изымаясь из социальных связей, поэтому блага созерцания являются асоциальными. Эстетическо-логические ценности обнаруживаются на вещах, этические – на лицах. Созерцательно мы относимся к искусству и науке, а к конкретным лицам отношение всегда в той или иной мере является действенным. Созерцание стремится упростить многообразие действительного, поэтому Риккерт относит его к монистической тенденции свершения. Активное отношение направлено на лица и носит плюралистический характер.

Наука, по мнению Риккерта, относится к асоциальным благам, так как обнаруживающаяся в ней ценность не может быть определена как социальная. Если нечто истинно, то оно остается истинным вне зависимости от интересов какой-либо общественной группы. Наука стоит перед неисчерпаемым материалом, по отношению к которому ее монистическая тенденция никогда не сможет прийти до полного завершения. Теоретическое созерцание всегда остается в своеобразном отдалении от материала, который оно стремится постичь. Дуализм формы и содержания, субъекта и объекта остается непреодоленным, в то время как «наглядно созерцающий субъект» непосредственно переживает единство, в котором и сосредоточена ценность.

Искусство также асоциально, хотя и не выходит за пределы себя самого (как наука в будущее). Искусство обладает полнотой значения в каждый настоящий момент, поскольку эстетическая ценность произведения искусства «покоится в себе как совершенная частичность»⁴⁰. Не существует эстетических суждений как таковых, есть лишь теоретические суждения об эстетической ценности. Искусство преодолевает дуализм формы и содержания, однако противоречие субъекта и объекта в нем сохраняется. По мнению Риккерта, на высшей ступени созерцания должна быть достигнута целостность. Это происходит в религии, например в буддизме, где «мистика притязает на созерцательное постижение мира в его целостности, при котором и субъект безостаточно бы поглощался Всеединным»⁴¹. Здесь снимается всякий дуализм. Пантеизм как область совершенной целостности есть чистейшее выражение безличного и асоциального характера ценностей. Таким образом, в этой

---

³⁹ Там же. С. 372.

⁴⁰ Там же. С. 375.

⁴¹ Там же.

сфере существуют три принципиально различных вида созерцания: это логические, эстетические и мистические ценности. Все остальные виды представляют собой смешанную форму этих трех основных.

К социальным ценностям Риккерт относит этические блага, брак, семью, государство и т.д. Благо, в котором обнаруживается этическая ценность, есть сама личность во всей сложности ее социальной связанности. Нравственность возникает тогда, когда человек занимает сознательную позицию по отношению к нравам, становится самостоятельным относительно общества и решает вопрос о своих обязанностях. Ценности, которые обнаруживаются в различных общественных союзах, являются социально-этическими. Риккерт считает, что главной ценностью является свобода внутри общества или социальная автономия. По его мнению, «все социальные учреждения <...> должны быть организованы так, чтобы они могли обеспечивать лицам автономию»⁴². Однако на деле достижение этического совершенства невозможно, так как нельзя преодолеть разрыв между бытием и должным. «Все должно быть нравственным, и, тем не менее, мы лишь постольку нравственны, поскольку свобода достигнута еще не во всех отношениях»⁴³.

Особую область ценностей представляет собой «совершенная жизнь в настоящем», куда относятся ценности личного, активного, социального существования. Словосочетание «ценность жизни», по мнению Риккерта, некорректно, так как жизнь сама по себе ценностно безразлична. Одна и та же личность является носителем различных видов ценностей. Кроме того, есть ценности мужские и женские: «...мужчина по существу своему более приспособлен к работе над будущим, в особенности в общественной жизни, женщина же по существу своему более приспособлена к работе над настоящей жизнью, которая протекает в тиши и сокровенности»⁴⁴. Эти ценности соединяются в половой любви, которая представляет собой высшую ценность совершенной личной жизни в настоящем.

Совершенная целостность последней ступени не должна отменять полноту личной жизни. Идеалом абсолютно совершенного субъекта является вера в личного Бога, а также другие религиозные ценности, утверждающие полноту личности и социальной действенности. Пантеизм выражает совершенную целостность объекта, теизм – субъекта. Однако, как считает Риккерт, «среди исторических религий мы <...> не найдем ни одной, которая бы вполне покрывалась этим идеалом личного

---

⁴² Там же. С. 379.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 383.

совершенства»⁴⁵. Таким образом, Риккерт выделяет две отдельные области, две иерархии, каждая из которых состоит из трех ступеней. К созерцательной безличной асоциальной области относятся наука, искусство и пантеистическая религия. В действенной личной социальной жизни выделяются ценности различных социальных структур, отдельной личности и теистической религии.

Проблема ценностей в советской философии начала активно разрабатываться в 60-е гг. XX в. Однако определение ценности, сформулированное Г. Риккертом и другими представителями баденской школы, считалось философами недостаточно убедительным. В.П. Тугаринов возражал против понимания ценности как значимости на том основании, что «значимость и значение имеют не только ценности, но и “вредности”»⁴⁶. Если имеется в виду не естественное значение объектов, а их социальная и биологическая значимость, то категория ценности неизбежно смешивается с оценкой. Естественное значение объектов описывается понятием «отражение», оценка показывает значение объекта для субъекта. А.Я. Хапсировов определяет ценности как «функции объектов познания удовлетворять наши потребности, стремления и установки»⁴⁷. Как функция ценность присуща объекту-носителю и обусловлена особенностями его структурной организации. То есть по природе ценность объективна, однако является субъективной по способу актуального существования. Хапсировов делит ценности на биологические и социальные, последние в свою очередь на материальные и духовные.

Ценности тесно связаны с оценками, являясь их источником и конечным результатом. Оценка по своему содержанию может не соответствовать оцениваемым предметам. По отношению к этому предмету оценка может быть положительной, отрицательной и нейтральной. По содержанию оценки бывают объективными, направленными на реально существующий объект, и субъективными, направленными на объект вымышленный. Форму и тип оценок определяют потребности и установки человека. По типу оценки делятся на социальные и биологические, по форме на индивидуальные и общественные.

Подробную классификацию оценок дал А.А. Ивин в своей работе «Основание логики оценок». Оценка есть высказывание о ценности, при этом под ценностью понимается всякий предмет любого интереса, желания, стремления. Процесс оценивания устанавливает определенное отношение между субъектом и объектом оценки и ее предметом. Структура оценки включает субъекта, приписывающего

---

⁴⁵ Там же. С. 386.

⁴⁶ Хапсировов А.Я. Отражение и оценка. Горький, 1972. С. 138.

⁴⁷ Там же. С. 139.

ценность некоторому предмету, объекты, которым приписывается ценность, характер оценки (сравнительная или абсолютная), основание, на котором производится оценивание. Оценка может делаться на основании чувства или ощущения, некоего образца или идеала, иной оценки, когда предмету приписывается ценность как средству достижения другой цели.

До 90-х гг. XX в. дискуссия о ценностях велась в рамках одного философского направления, в современной русской философии имеется возможность развития различных концепций. В настоящее время представления о ценностях и об аксиологии в целом отличаются значительным разнообразием. З.В. Фомина обращается к риккертскому пониманию ценности как «значимости для человека тех или иных феноменов действительности»⁴⁸. По ее мнению, действительность есть выражение сугубо человеческого оценочного восприятия. Система ценностей выражает духовную сущность человека. В аксиологическом плане духовность обратно пропорциональна степени удовлетворенности человека своим наличным бытием. Она вырастает из осознания того, что ценности внешнего предметного мира не могут удовлетворить всех потребностей человека и составить смысл его существования. Книга З.В. Фоминой посвящена исследованию духовных ценностей в их противопоставлении ценностям материальным.

По мнению Н.С. Розова, в настоящее время формируется новая форма мировоззрения, которое будет не единой последовательной системой, а миром сосуществующих ценностей. В этом мировоззрении ценности будут независимыми друг от друга, дискретными, открытыми для критики и коррекции. Розов понимает под ценностями «предельные рациональные нормативные основания актов сознания и поведения людей»⁴⁹. Не существует «ценностей вообще», любая ценность адекватна тому или иному сообществу – организации, социальному слою, группе обществ одной культуры или цивилизации. При этом имеется некое ядро ценностей или первичных нормативных суждений. Розов считает ценности объективными в смысле «объективной значимости соблюдения этих ценностей для самого существования людей»⁵⁰. Новое ценностное сознание должно обладать терпимостью к культурному и религиозному разнообразию, способностью к многоязычию и продуктивной коммуникации, наличием общезначимого ядра идей и принципов, готовностью к компромиссам.

---

⁴⁸ Фомина З.В. Человеческая духовность: бытие и ценность. Саратов, 1997. С. 125.

⁴⁹ Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск, 1998. С. 52.

⁵⁰ Там же. С. 108.

Риккерт выводит мир ценностей за пределы действительности, состоящей из субъектов и объектов. Соединяясь с объектом, ценность образует благо, при соединении ценности с субъектом получается оценка. Ценности образовались в культуре в процессе ее исторического развития, но не зависят от этой культуры. Задачей философии является осуществление единства ценностей и действительности. Этой задаче Риккерт и посвящает свои работы, стремясь в результате получить всеобъемлющую систему ценностей. В отличие от Риккерта представители современной русской философии включают категорию ценности в рамки действительности. М.С. Каган полагает, что ценность есть некая идеальная категория, выработанная обществом на определенном этапе своего развития. Ценность объективна, так как ее носителями являются объекты. Субъект оценивает объекты в зависимости от своих способностей, однако общий набор ценностей всегда остается неизменным. По мнению Кагана, цель, истина, польза, удовольствие ценностями не являются, так как эти категории не описывают субъектно-объектные отношения⁵¹. А.Н. Максимов утверждает, что человеческое сознание существует исключительно в форме ценности⁵². Ценности как изначальные формы социального существования вещей не зависят от конкретно-исторических условий. Они субъективны, но необходимо принадлежат субъекту социальному. Максимов считает, что любая попытка осмыслить реальность имеет характер ценности. При сравнении этих двух концепций с теорией ценности Риккерта оказывается, что, включив ценность в мир действительного, оба автора неизбежно вынуждены искать ее в субъекте или объекте. Каган, признавая объекты носителями ценности, по сути дела ведет речь о том, что Риккерт называл благом. Максимов обращает внимание на оценочную функцию сознания субъекта и, согласно Риккерту, подменяет категорию ценности оценкой.

Е.В. Попова в своей монографии сделала попытку применить ценностный подход к исследованию литературного творчества. По ее мнению, «рассмотрение историко-литературных явлений в свете аксиологии – это актуальнейшая задача современного литературоведения»⁵³. Первым применять этот подход в изучении литературы начал М.М. Бахтин, который ввел понятие “ценность” в терминологический оборот литературоведения и использовал его как инструментальное методологическое понятие⁵⁴. В эстетике Бахтина смысловым центром и единственной ценностью является человек, различные аспекты отношения к

---

⁵¹ Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб., 1997. С. 78.

⁵² Максимов А.Н. Философия ценностей. М., 1997. С. 114.

⁵³ Попова Е.В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества. Владикавказ, 2004. С. 7.

⁵⁴ Там же. С. 50.

реальности которого и становятся предметом анализа при интерпретации литературного произведения. Бахтин постоянно подчеркивает, что «в абсолютной ценностной пустоте невозможно никакое высказывание, невозможно само сознание»⁵⁵. Автор художественного произведения является носителем ценностей, а главной проблемой творческого акта становится его отношение к форме воплощения этих ценностей. В результате образуются два ценностных центра – автор и герой произведения, между которыми и возникает диалог. Попова отмечает место и роль категории «ценность» во всех значительных работах Бахтина и приходит к выводу, что именно «ценностные ориентиры, укорененные в сознании ученого на заре туманной юности, вывели его на дорогу больших открытий в филологии...»⁵⁶.

Несмотря на принципиальную разницу в понимании ценности как философской категории, Попова в своем исследовании стремится учесть «все огромное множество граней этого понятия»⁵⁷. Однако на самом деле все разнообразие содержания этой категории сводится ею к духовным ценностям. По мнению исследовательницы, «в сочетании “духовные ценности” первое понятие можно опустить без ущерба значению, поскольку ценности находятся исключительно в духовной области и представляют собой духовные образования, стоящие на высших уровнях иерархической системы внутреннего мира человека»⁵⁸. В результате такого понимания ценности Попова вынуждена все время обращаться к существующим нравственным идеалам и с их точки зрения оценивать различные литературные явления. Такой подход, на наш взгляд, не имеет в себе ничего нового и не может дать ощутимых научных результатов.

Методология данного исследования основывается на теории ценностей, разработанной Риккертом. В рассуждениях Розанова категория ценности не используется, однако ключевые понятия его философии оказываются близки ценностям в понимании Риккерта: они объективны, существуют в особом идеальном пространстве, имеют абсолютное значение, не изменяются со временем. Отношение Розанова к той или иной ценности может меняться, однако ее значение как опорной точки его философской системы всегда остается неизменным. В работе сделана попытка аксиологического анализа литературной критики Розанова и его отдельных высказываний о литературе. После выявления основных ценностей производится сопоставительный анализ критических концепций Розанова, который позволяет

---

⁵⁵ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 134.

⁵⁶ Попова Е.В. Ценностный подход... С. 58.

⁵⁷ Там же. С. 45.

⁵⁸ Там же. С. 61.

установить зависимость изменения точки зрения на творчество писателя от ценности, в данный момент формирующей критическую оценку.

Помимо аксиологического подхода в диссертации также используются сравнительно-исторический и историко-литературный методы. Темы Розанова во многом обусловлены биографически, так как обычно он писал о том, что его в тот момент непосредственно затрагивало (как, например, вопрос брака). Критические высказывания Розанова об отдельных писателях рассмотрены в хронологическом порядке, что дает возможность получить представление о внутренней логике развития розановской концепции. Сопоставление различных интерпретаций позволяет выявить уровень, на котором преодолевается розановская противоречивость.

Структура диссертации

Данная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы. В первой главе рассматриваются теоретические взгляды Розанова на литературу и его высказывания о литературной критике. Вторая глава посвящена анализу критических построений Розанова применительно к творчеству отдельных писателей. В заключении подводятся итоги работы.

Глава 1. Теоретические взгляды В.В. Розанова на литературу

1.1. Философские предпосылки формирования

литературной концепции В.В. Розанова

1.1.1. Индивидуальное начало в философской системе В.В. Розанова

Отношение Розанова к отдельным писателям и к русской литературе в целом очень тесно связано с его философскими представлениями о человеке и его месте в мироздании. В письме Н.Н. Страхову (август 1890 г.) Розанов признается: «Если к чему я никогда не питал ни интереса, ни любви – то это к историческому человечеству и какому бы то ни было его благу. Человека, лицо – всегда любил, человечество, да и вообще всех, кого не знаю, - никогда»⁵⁹. Главное, что интересует Розанова в человеке, – это его личность: «В противоположность животному, которое всегда есть род, вид, разновидность, - человек есть всегда особенное. “Личность” - вот его высшее, глубочайшее определение»⁶⁰. Об этом же говорится в статье «О Достоевском» (1894): «... человек, в противоположность животному, всегда лицо, ни с кем не сливаемое, никого не повторяющее собою; он – никогда не “род”; родовое – в нем несущественно, а существенно особенное, чего ни в ком нет, что впервые пришло с ним на землю и уйдет с нее, когда он сам отойдет от нее в ”миры иные”»⁶¹.

В статье «По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого» (1895) Розанов объявляет индивидуализм основополагающим принципом существования человека. Главной особенностью рода человеческого является то, что «человек есть неповторяемое в мироздании, один раз его душа приходит в мир и из него уходит – это есть истина, для всякого бесспорная»⁶². Под индивидуализмом человека Розанов понимает «несливаемость духовного лица его и даже, в зависимости от этого, лица физического ни с каким другим лицом и даже вообще ни с чем в природе»⁶³. Индивидуальность, по его мнению, – это «драгоценнейшее в человеке и в его творчестве»⁶⁴. В подтверждение своей теории Розанов ссылается на бесконечное разнообразие почерков – «нет двух человек, которые бы одинаково могли написать хоть одно слово»⁶⁵.

Личность Розанов воспринимает как некую целостность, полное воплощение заложенных в человеке потенциальных возможностей. Именно в цельном человеке

---

⁵⁹ Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев. М., 2001. С. 245.

⁶⁰ Розанов В.В. Три главных принципа образования // Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 92.

⁶¹ Розанов В.В. О Достоевском // Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. М., 1996. С. 277-278.

⁶² Розанов В.В. По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого // Розанов В.В. Легенда... С. 391.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Розанов В.В. Три главных принципа образования // Розанов В.В. Сумерки просвещения. С. 92.

⁶⁵ Розанов В.В. По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого // Розанов В.В. Легенда... С. 391.

видит Розанов смысл и цель исторического развития: «Цельный человек – вот идеал истории; пусть не гениальный, пусть даже не очень сведущий, он носит в себе полноту законов своего человеческого существования – вот почему он лучший»⁶⁶.

Личность имеет право на свободное самостоятельное развитие. Именно поэтому Розанов критикует современную ему систему образования. По его мнению, гимназия и университет нивелируют личность, уподобляя всех единому образцу. Точно так же главной претензией Розанова к Гоголю в период конца 1880-х – начала 1890-х гг. становится то, что этот писатель мешает свободному проявлению человеческой личности, а главной заслугой Пушкина, наоборот, – уважение к этой личности. Личность, по Розанову, имеет абсолютную ценность: «... я думаю, что человек прежде всего должен быть “самим собой”, всегда внутренне свободен»⁶⁷. Реальный человек важнее отвлеченной идеи: «... можно изменять всяким идеям, но не изменяй живым людям»⁶⁸. Розанов даже вступает в спор с традиционными сюжетами русской литературы: «... подлецы, сколько издевались над мольбой “жена – дети; не гоните со службы”. А ведь это самый человеческий крик; ведь разным Акакиям Акакиевичам только это из человеческого и оставалось, вернее – оставлено было»⁶⁹.

Необыкновенно важным в это время становится для Розанова религиозное начало, так как ни право, ни политическая экономия, ни другие науки личностью не интересуются, и только в религии открывается ее настоящее значение: «... личность всякая, которая жива, абсолютна как образ Божий и неприкосновенна»⁷⁰. Еще очень важным для Розанова оказывается религиозный подход к личности как к целому: «Ни история, ни философия или точные науки не имеют в себе и тени той общности и цельности представления, какое есть в религии»⁷¹. Именно религиозное отношение к человеку и к миру станет одним из основных критериев при оценке Розановым литературного произведения и результатов деятельности писателя.

Главным текстом, причем с точки зрения не столько религиозной, сколько эстетической, Розанов считает Библию: «... всякий раз, когда я встречаю (лишь бы не в проповедях, где все как-то глупо выходит) строку из Библии – она всегда всего лучше бывает; это какая-то чистая, чудная красота, и, прочтя одну строку, хочется плакать о том, что ты не способен к такой красоте, что можешь только понимать и

---

⁶⁶ Розанов В.В. Афоризмы и наблюдения // Розанов В.В. Сумерки просвещения. С. 144.

⁶⁷ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 178.

⁶⁸ Там же. С. 296.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 36.

⁷¹ Там же. С. 61.

чувствовать ее, но не создавать, что она приходит лишь к тебе, а не живет в тебе»⁷². Любое литературное произведение по сравнению с Библией оказывается ненужным и даже безнравственным: «Всякий раз, когда я читаю Библию, мне почти гадко и стыдно становится, что у нас были Бальзаки, "Хромые бесы", плутоватые авторы "Свадьбы Фигаро" <...>, даже нашего "Ревизора", скрепя сердце и запрятывая вглубь души свою любовь к нашей милой литературе, я осуждаю»⁷³.

1.1.2. Понятие о стихии и стихийном в философской концепции В.В. Розанова

Изначально понятие «стихии» входит у Розанова в дуалистическую картину мира, согласно которому жизнь есть борьба стихий и духа как организующего их принципа: «... в каждом акте [борьбы] стихии усиливаются выйти, освободиться из-под возобладавшего над ними принципа, и принцип усиливается их преодолеть, отторгнуть от собственного их закона и подчинить своему, которого они не знают и которого не хотят. Смерть физическая есть победа стихий над духом; как зарождение есть овладение духа стихиями и, до известной степени, оно есть прообраз воскресения, есть даже само воскресение – для стихий»⁷⁴. Причем творчество в этот период является для Розанова производным души, неотъемлемым проявлением ее сущности: «С последним вздохом душа, наконец, свободна; она есть то самое и теперь, чем раньше была в себе самой, но мы ее тогда не понимали; она нам силилась сказать о себе, - отсюда все формы человеческого творчества; в рисунке, песне, фантастической грезе, подвиге или, напротив, в преступлении – она приближалась к своему определению, мы ее судили; теперь она в точном определении своем, и ее будет судить Бог»⁷⁵.

Впервые противопоставление статического и стихийного (аполлонического и дионисийского) начал встречается у Розанова во второй части статьи «Психология русского раскола» (ноябрь 1896). В этой статье Розанов сравнивает Сперанского – исключительно оратора и писателя – с Орловым, Потемкиным, Суворовым и Екатериной Второй – деятелями, сделавшими историю. Характеристика, которую Розанов дает этим деятелям, почти дословно повторяет то, что позднее будет написано им о Лермонтове, Гоголе, Толстом и Достоевском: «Они неправильные, иррациональные; они то смешные, то буйные, всегда страстные, - знали тайну духовного "пива". Они были немножко поэтически опьянены и от богатств духа своего

---

⁷² Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 187.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Розанов В.В. По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого // Розанов В.В. Легенда... С. 396.

⁷⁵ Там же.

напоили окружающую жизнь. Все было поэтично около них, трудно и героично; люди умирали за них и благословляли их, отведав "пива". И им самим, опьяняющим сердца человеческие той струйкой восторга, которая вилась из них, - все было легко, исполнимо»⁷⁶. В статье о Каткове (октябрь 1897) Розанов снова возвращается к теме влияния на историю иррационального начала, приводя в пример Жанну д'Арк: «Что-то святое делается в истории, - мы не умеем лучше назвать: ибо в этом слове совмещены необходимые предикаты неразгадываемого, мощного, очаровывающего, что мы находим всегда в этих секундах...»⁷⁷. Это начало Розанов определяет как «"ветхий деньми" туман, происхождения которого мы не знаем: он оседает, выходя из каких-то глубин, на человеке»⁷⁸.

Впервые эти новые принципы по отношению к литературе Розанов применил в работе «"Вечно печальная дуэль"» (1898), которая написана по поводу статьи сына Н. Мартынова. Розанов, отталкиваясь от Лермонтова, перестраивает свою литературную иерархию. Если раньше образцом и идеальным мерилom для него был Пушкин (не случайно именно с Пушкиным Розанов все время сравнивал Гоголя), то теперь таким образцовым поэтом и писателем становится Лермонтов. Пушкин же оказывается гениальным завершителем предыдущего периода развития русской культуры, к которому последующая русская литература не имеет никакого отношения. Стихийные Лермонтов, Гоголь и Достоевский противопоставлены в этой статье простому и понятному, аполлоническому Пушкину: «Пушкин был "эхо"; он дал нам "отзвуки" всемирной красоты в их замирающих аккордах, и от него их без труда получая, мы образовываемся, мы благодарим его»⁷⁹.

Розанов определяет Лермонтова, т.е. образцового поэта, не просто как исключительную личность, но как духовного провидца и прирожденного мистика: «Поэт и всякий вообще духовный гений – есть дар великих, часто вековых жиздительных усилий в таинственном росте поколений; его краткая жизнь, зримо огорчающая и часто незримо горькая, есть все-таки редкое и трудно созидающееся в истории миро, которое окружающая современность не должна расплескать до времени»⁸⁰. В личном общении поэт может быть не слишком приятным, но его творчество имеет крайне важное значение для всего общества, поэтому на современниках лежит обязанность беречь поэта: «Но роза благоухает; она благоухает

---

⁷⁶ Розанов В.В. Психология русского раскола // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 59.

⁷⁷ Розанов В.В. Катков «как государственный человек» // Розанов В.В. Легенда... С. 266.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Розанов В.В. «Вечно печальная дуэль» // Розанов В.В. Легенда... С. 295.

⁸⁰ Там же. С. 289.

не для одного своего времени; и есть некоторая обязанность у пользующихся благоуханием сообразовать свое поведение с ее шипами»⁸¹.

Стихийное начало Розанов ассоциирует с весной: «Это все суть типично-”стихийные” души, души “пробуждающейся” весны, мутной, местами грязной, но везде могущественной»⁸². Оно воплощено в творчестве Лермонтова, Гоголя, Толстого и Достоевского, т. е. художников-психологов по определению, данному в книге «О понимании». Последователи же Пушкина – это все те же художники-наблюдатели: «Тургенев, Гончаров, Островский и как последняя ниспавшая капля ”тургеневского” в литературе – г. П. Боборыкин – вот раздробившееся и окончательно замершее ”эхо” Пушкина»⁸³. Однако актуальным оказывается именно первое направление: «Россия вся пошла в ”весну”, в сосредоточенность...»⁸⁴.

Родоначальником этого стихийного, иррационального направления русской литературы является, по мнению Розанова, не Гоголь, а Лермонтов. При определенном внешнем сходстве тем (например, «Шинели» и «Бедных людей» Достоевского) существует совершенно четкое внутреннее различие – у Гоголя нет ни психологизма (размышления Раскольникова, князь Андрей на поле Аустерлица), ни поразительного накала в постановке общественных и нравственных проблем («Великий Инквизитор», Анна Каренина), характерных для произведений Толстого и Достоевского. Зачатки всех этих тем Розанов находит у Лермонтова, который и становится предшественником и Гоголя, и всего данного литературного направления.

Еще один мотив, которого, по мнению Розанова, не было у Пушкина, – это тема смерти: «Идея “смерти” как “небытия” вовсе у него отсутствует»⁸⁵. Однако все четыре автора, которых Розанов выдвигает теперь на первый план, постоянно обращаются к этой теме, которая примерно в это же время начинает активно разрабатываться и самим Розановым. В 1898 г. в заметке «Около болящих» он пишет: «Странно, я стал впадать в какие-то не колебания, не сомнения, но недоумения религиозные. Есть такие конкретности бытия, перед коими как-то бессилен весь богословский номинализм. Я сказал не так: есть конкретности, около которых сердце обливается кровью, а все утешения становятся, как говорит Гамлет, “слова, слова, слова”... Что Бог есть – об этом-то я знаю, об этом говорят серные ванны; говорят о каком-то мистическом узле в мире, где все связуемо и который ”всяческая и во всем”. Что есть, наконец, религия – об этом опять говорят вздохи сердца, вздымания грудной клетки в ночной тиши. Но

---

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С. 296.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 298.

далее, но подробнее? ...Боже, - могила и вере страшна»⁸⁶. Именно через понятие о смерти Розанов начинает постигать мистические закономерности человеческой жизни: «Смерть есть дыхание живого синтетического лица – она есть правда, она есть святость, по крайней мере в том смысле, что божественна, как и жизнь; тогда и ее дробь – болезни – святы же. Но тогда мы получаем мистический узел вселенной в сплетении горгон и света; и тогда опять, значит, неверны все построения наших “слов, слов и слов”. Мы исполняемся религиозного страха; страх получает место в мире – как закон, и притом не греха вовсе, но и чистейшей святости. Трепет пронизывает человека – не потому, что «он погрешил или его родители», но потому, что самое Лицо, к которому он шепчет молитвы ночью, есть неисповедимое Лицо, равно исполненное ужасов и света, бурь и “тихого ветра”. Но это совсем не то, чему нас учили в школе...»⁸⁷.

1.1.3. Теория пола и семейный вопрос

Теория пола является одним из важнейших элементов в мировоззренческой системе Розанова. Подтверждение своим построениям он ищет в русской литературе, перестраивая, таким образом, литературную иерархию.

Первые упоминания о важности семейного начала и семьи как таковой встречаются в письмах Розанова Страхову и связаны, в первую очередь, с биографическими обстоятельствами. Однако отдельные мысли и высказывания Розанова по этому поводу начинают оформляться в теорию именно в 1897 г., после сближения Розанова с кружком Мережковских. Розанов отождествляет с полом иррациональное начало, которое в его философской системе в этот период становится наиболее важным: «Природа человеческая, и именно не в минеральных, а жизненных своих частях, и частнее – в темпераменте, в поле, имеет не только что-то положительное, но именно отсюда она становится мистической, и притом с благом, положительным, а вовсе не с черным, не с демоническим (как думают) содержанием»⁸⁸. Розанов приписывает полу значение ноумена: «Это [пол] – второе темное лицо в человеке, и, собственно, оно есть ноуменальное в нем лицо: от этого – творческое не по отношению к идеям, но к самым вещам, “клубящее” из себя “жизнь”; но оно так густо застлано от наших глаз туманом, что, в общем, никогда его не удавалось рассмотреть»⁸⁹.

---

⁸⁶ Розанов В.В. Около болящих // Розанов В.В. Легенда... С. 308.

⁸⁷ Там же. С. 312.

⁸⁸ Розанов В.В. Смысл аскетизма // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 170-171.

⁸⁹ Розанов В.В. Семья и жизнь // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 165.

После того, как пол приобретает мистическое значение, не случайно именно во внимании к нему Розанов видит религиозный смысл литературных произведений. И снова эти качества приписываются художникам-психологам – Гоголю, Толстому и Достоевскому: «... три великих мистика нашей литературы – Гоголь, Толстой и Достоевский, запыхавшие столь новой любовью к человеку, "незримыми" и ясно "зримыми" о нем слезами, - запыхали именно к нему "во плоти", и первые и единственные изобразили и поняли его, "обоняя как бы ландыш", среди всяческих смрадов и запахов, в окружении мяса, в земной их тяжести. И это суть единственные оригинально и до глубины религиозные у нас писатели»⁹⁰.

Семья для Розанова обычно имеет исключительно положительное значение, однако в статье «Когда-то знаменитый роман» (1905) Розанов обращает внимание и на ее отрицательную сторону: «Семья, именно когда она глубока и идеальна, имеет ужасный порок в себе, неустранимый, из существа ее вытекающий, даже из существа ее идеализма: именно – эгоизм, попечение только о себе, полное забвение мира и ближних»⁹¹. Получается, что крепкая семья разрушает общество, так как в своем эгоизме она заботится только о себе: «... счастливая семейка преспокойно будет кушать чай с вареньем при общей гибели»⁹². Такие отдельные счастливые семьи оказываются никак не связанными между собой, в результате чего исчезают нация и государство, останавливается история. Соответственно этой логике каналами, соединяющими общество, оказываются разводы и разного рода семейные драмы: «Тут растет мир, а не человек. Все связывается, ссорится, горит; сходится и расходится»⁹³. В конечном итоге Розанов приходит к выводу об изначальном существовании двух типов людей – моногамных и полигамных: «Те же древние книги показывают нам, что одновременно с Дамаянти и Ярославною было совершенно иное сложение пола, по типу уже не лебединой привязчивости, а по другим космогоническим типам: все в удовлетворение требования, идеала и (по моему глубокому убеждению) закона Божия: "Человек есть последний и в нем соединится все"»⁹⁴. И в соответствии с этими типами Розанов выделяет два типа семьи – моногамная и полигамная, каждый из которых занимает свое строго определенное место в обществе. Однако именно полигамные люди оказываются по-настоящему добрыми и талантливymi: «Я долго наблюдал. И совершенно не знал исключений из правила: 1) умеренность и аккуратность в сфере пола – сухость, лживость, бессердечие, жестокость, часто бесталанность; 2) "еда и

⁹⁰ Розанов В.В. Смысл аскетизма // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 175.

⁹¹ Розанов В.В. Когда-то знаменитый роман // Розанов В.В. О писателях... С. 186.

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 187.

⁹⁴ Там же. С. 190.

питье с блудницами” и доброта, открытость, товарищество к человечеству ”всем ровня” и часто гениальность или большой талант. И это – в обоих полах»⁹⁵. В русской литературе таким полигамным гением является Пушкин: «Невозможно, при малейшей наблюдательности, не заметить, как люди, столь же мало помышлявшие об ”умеренности и аккуратности” в данной сфере, как Пушкин или “праотцы” (они все были приблизительно одного сложения), отличались изумительной, совершенно не имеющей себе конца добротою, благостью, готовностью все для другого сделать, правдивостью, прямою»⁹⁶.

В рамках этой теории пола крайне важным оказывается мотив семени, впервые появляющийся в «Легенде о Великом инквизиторе» (1891). В 1895 г. в статье о Льве Толстом Розанов именно на семени основывает свое своеобразное понятие о бессмертии. Семя становится чем-то вроде идеи Платона или же формы Аристотеля: «Вечно форма яблони, неощутимо присутствующая в семени; незримо для нашего глаза, необъяснимо для нашего ума, эта форма сосредоточивалась в семени в моменты, как оно зрело, яблоко наливалось; и столь же необъяснимо она высвобождается из этого семени, когда последнее прорастает, и восстанавливается перед нами в том самом виде, в каком мы ее знали ранее»⁹⁷. Яблоня живет в семени «в смысле своем, значении, идее, - так, как, очевидно, ее нет там в материальной полноте форм, и, между тем, эти формы оттуда вырастают»⁹⁸. Однако если для животного и растительного мира жажда рождать неразрывно связана с воспроизведением формы живых существ, то главный принцип существования человека – это индивидуализм, а не стремление размножаться: «... есть человек не рождающий: таинственную чертою, именно разграничивающею человеческое от животного, проходит в нем это влечение жить одному и, умерев, не оставить по себе никакой плоти»⁹⁹. Человек, считает Розанов, вечен именно как лицо, он по своей сути создан не для земли, «не на земле главную свою частью, что не в земном – его принцип, его центр»¹⁰⁰.

1.1.4. Основные черты современности в понимании В.В. Розанова

Розанов воспринимает современную ему ситуацию как упадок, прежде всего упадок умственного развития общества, для которого характерны «страшный индифферентизм ко всему серьезному, а также и неспособность к умственному

---

⁹⁵ Там же. С. 191.

⁹⁶ Там же. С. 190-191.

⁹⁷ Розанов В.В. По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого // Розанов В.В. Легенда... С. 389.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же. С. 394.

¹⁰⁰ Там же.

напряжению, продолжительному по крайней мере»¹⁰¹. Причину этого упадка Розанов видит во всеобщем образовании и сильном влиянии на общество периодической печати. Образование не дает человеку цельных и однородных впечатлений, заставляя все время перескакивать с предмета на предмет, в результате чего человек вообще теряет способность к сосредоточению: «Нервы у всех так долго и так мелко трясли, что они, наконец, стали совершенно не способны ни к какому сильному и глубокому потрясению»¹⁰². Точно так же воздействует на человека периодическая печать: «Потребность газетного чтения, этой новизны мелких, невнедряющихся и, в сущности, неуслаждающих и ненужных впечатлений, пассивно переживаемых, есть продолжение привычки пассивно же, внимая только (утром) или без углубления прочитывая (вечером), воспринимать серии и серии впечатлений в школьном возрасте»¹⁰³. Газеты делают человека неспособным ни к каким убеждениям, поэтому бесполезным оказываются занятия литературой: «... никакая убедительность в наше время не действует: мы все и вечно рассеяны, развлечены, заниматься литературой теперь крайне неинтересно, бесплодно»¹⁰⁴.

В письмах к Леонтьеву Розанов также затрагивает этот вопрос и даже идет еще дальше, предлагая вообще уничтожить среднюю школу: «...кто ненавидит пиджачную цивилизацию средних, сереньких людей, - должен прежде всего желать совершенного уничтожения средней школы, этой переделочной психической машины, которая цельное, полное задатков зерно индивидуального ума, индивидуального характера переделывает у удобную, съедобную, нужную, - но уже безжизненную муку»¹⁰⁵. Здесь недостатком образования является уже не столько отсутствие цельности, сколько прямой ущерб, который наносится человеческой личности, усредняя и вовсе уничтожая ее.

Главное качество современников, по мнению Розанова, – это безжизненность. В них нет ядра, они неспособны творить и действовать: «Та “искра Божья”, которая светится в человеческом образе часто сквозь мрак, его одевающий, сквозь его грубость, необузданный произвол, невежество в этих поколениях, наружно лоснящихся, ничего выдающегося дурного не делающих, как будто погасла, и ее ничто не способно пробудить»¹⁰⁶. Розанов обвиняет своих современников в отсутствии любви, в замене живого чувства холодными словами: «Нет любящего сердца: это –

---

¹⁰¹ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 162.

¹⁰² Там же..

¹⁰³ Розанов В.В. Три главных принципа образования // Розанов В.В. Сумерки просвещения. С. 99.

¹⁰⁴ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 214.

¹⁰⁵ Там же. С. 408.

¹⁰⁶ Розанов В.В. Сумерки просвещения. С. 9-10.

риторическая любовь конца XIX века, искусственный цветок, сделанный в подражание живому, который умер»¹⁰⁷.

Исторический процесс, по мнению Розанова, не прогрессивен, а регрессивен. Наивысшие достижения человеческого духа – в прошлом. Более того, именно эти достижения, по Розанову, и исчерпали возможности человечества: оно «истощилось в произведении гениального, мудрого, героического – и осталась одна пошлость, которая, просуществовав некоторое время, исчезнет как плесень с лица земли»¹⁰⁸. Это мнение отражается и на представлении о литературе: «... время наше – время ”подделок”, и, так сказать, «маргарина» на всех путях, во всех сферах, в том числе и литературной и политической»¹⁰⁹. В статье «О символистах и декадентах» (1896) именно этим истощением возможностей человечества Розанов объясняет причины появления декадентской поэзии. Он распространяет это явление не только на литературу, но и на все остальные сферы жизни общества: «... мы должны ожидать в более или менее отдаленном будущем, декадентства философии и, наконец, декадентства морали, политики, бытовых форм»¹¹⁰.

В 1892 г. (статья «Эстетическое понимание истории») Розанов отмечает, что вершиной предыдущего периода развития литературы является творчество Льва Толстого. После него литература должна измениться: «... ей предстоит или повторяться и падать в пределах того же внешнего стиля и внутреннего настроения, или выходить на новые пути художественного творчества, искать сил к иным духовным созерцаниям, чем какие господствовали последние сорок лет, и находить иные приемы, чтобы их выразить»¹¹¹. Настоящее же состояние литературы Розанов оценивает как упадок: «...мы живем в промежуточную эпоху среди двух литературных настроений, из которых одно уже замирает, а другое еще не имеет силы родиться»¹¹².

Также упрекает Розанов современное ему общество в отсутствии понимания истинного значения человеческой личности. Он сопоставляет человека как живое и развивающееся явление с явлением природы: «...в нормальном процессе всякого развития благоденствие самого развивающегося существа есть цель; так, дерево растет, чтобы осуществлять полноту своих форм»¹¹³. Процесс истории этот природный закон нарушает. Человек в идеале должен быть целью истории, но на самом деле он

---

¹⁰⁷ Розанов В.В. Еще о гр. Л.Н. Толстом и его учении о непротавлении злу // Розанов В.В. О писателях... С. 18.

¹⁰⁸ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 409.

¹⁰⁹ Розанов В.В. Два вида «правительства» // Розанов В.В. О писателях... С. 23.

¹¹⁰ Розанов В.В. О символистах и декадентах // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 134.

¹¹¹ Розанов В.В. Эстетическое понимание истории // Розанов В.В. О писателях... С. 6.

¹¹² Там же. С. 7.

¹¹³ Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. С. 31.

выступает не более чем средством: «...в действительности он есть средство, а цель -- это учреждения, сложность общественных отношений, цвет наук и искусств, мощь промышленности и торговли»¹¹⁴. Розанов никак не может согласиться с тем, что человек приносится в жертву прогрессу: «Что-то чудовищное совершается в истории, какой-то призрак охватил и извратил ее: для того, чего никто не видел, чего все ждут только, совершается нечто нестерпимое: человеческое существо, до сих пор вечное средство, бросается уже не единицами, но массами, целыми народами во имя какой-то общей далекой цели, которая еще не показала ни чему живому, о которой мы можем только гадать»¹¹⁵.

Еще одна опасность – это пренебрежение религией, которая одна только может придать человеческой жизни твердость и устойчивость. По мнению Розанова, центр тяжести в современном мире перенесен от служения Богу к служению человечеству, которое обожествило само себя: «... культ служения человечеству все сильнее и сильнее распространяется в наше время, по мере того как ослабевает служение Богу»¹¹⁶. Человек прислушивается только к своим страданиям, но при попытке их уменьшить парадоксальным образом выходит так, что «чем более пытается человек побороть свое страдание, тем сильнее оно возрастает и всеобъемлющее становится, -- и люди уже гибнут не единицами, не тысячами, но миллионами и народами, все быстрее и все неудержимее, забыв Бога и проклиная себя»¹¹⁷. Позитивистская попытка осчастливить человечество исключительно при помощи науки вызывает у Розанова опасения: «Наука, как точное познание действительности, не заключает в себе никаких неодолимо сдерживающих нравственных начал, - и, возводя, при помощи ее, окончательное здание человеческой жизни, никак нельзя отрицать, что, когда потребуется, не будет употреблено и чего-нибудь жестокого и преступного»¹¹⁸. Главный недостаток европейской культуры Розанов видит в том, что благодаря вниманию исключительно к внешней стороне существования человека утрачен высший смысл жизни, а вместе с ним и подлинный интерес к ней: «Никакая общая мысль не связует более народов, никакое общее чувство не управляет ими, - каждый и во всяком народе трудится только над своим особым делом»¹¹⁹. Эти мысли высказаны Розановым в «Легенде о Великом инквизиторе» (1891). Впоследствии он находит

---

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же. С. 35.

¹¹⁶ Там же. С. 75.

¹¹⁷ Там же. С. 76.

¹¹⁸ Там же. С. 91.

¹¹⁹ Там же. С. 102.

средство противостоять этому процессу распада общества на отдельные части именно в семье, которая оказывается панацеей от всех бед.

В то же время, развивая в «Легенде...» идею зерна, Розанов указывает на то, что «падение, смерть, разложение – это только залог новой и лучшей жизни»¹²⁰. И эту идею он также переносит и на историю: «Так должны мы смотреть на историю; к этому взгляду должны приучаться, смотря и на элементы разложения в окружающей нас жизни»¹²¹. Похожую мысль Розанов высказывает в статье «В чем главный недостаток «наследства 60-70 годов»?». Замечая, что в настоящее время «все идеи суживаются, горизонт становится тесен и люди как будто погружаются в какой-то глубокий колодезь»¹²², Розанов предполагает, что в будущем ситуация изменится.

Социализм оказывается закономерным явлением для современной Розанову стадии общественного развития. Социалист, по Розанову, – это человек, который «потерял свое место в мире и, собственно, потерял всякое взаимодействие с ним, кроме денежного, которое его не удовлетворяет; он в этом мире не имеет обязанностей, ему в нем не нужны права, в нем он блуждает и, блуждая, разрушает, потому что ни к чему не тяготеет, не может тяготеть»¹²³. Социализму как состоянию общества Розанов противопоставляет крепкую семью, хорошо сплоченные сословия и патриархальный крестьянский быт. Нужно восстановить утраченные общественные связи: «... безродные должны получить родство, бескровные духовно – кровь, безотечественные – отечество не в смысле только территориальном, и социализма более не будет»¹²⁴. Таким образом, Розанов считает, что человек мог бы повлиять на историю, сознательно выбрав тот или иной путь развития общества. И в то же время Розанов выступает против идеи о том, что человек является творцом истории как целостного процесса. На самом деле «он в ней живет, блуждает без всякого ведения...»¹²⁵, постоянно надеясь на что-то и не получая этого. Исторический процесс объективен, и человек со всеми его планами и надеждами является ничем иным, как пассивным орудием истории: «Наши "проекты", наши расчеты и "программы", наши мечты суть нужные рычаги и блоки, с помощью которых некоторые тяжести поднимаются от земли, другие опускаются на землю для возведения здания, в плане которого вовсе не содержится чертежа этих рычагов и блоков»¹²⁶. История гармонична

---

¹²⁰ Там же. С. 47.

¹²¹ Там же..

¹²² Розанов В.В. В чем главный недостаток «наследства 60-70 годов»? // Розанов В.В. Легенда... С. 170.

¹²³ Розанов В.В. Где истинный источник «Борьбы века»? // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 121.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же. С. 123.

¹²⁶ Там же..

и целесообразна, хотя человеку угадать эти цели практически невозможно: «Быть обманываемым в истории, точнее – надеяться в ней и не получать, есть постоянный удел человека на земле»¹²⁷.

Однако смысл истории заключается именно в индивидуальности: «В индивидуальном – основание истории, ее главный центр, ее смысл, ее значительность...»¹²⁸. В человеке, в противоположность животному, существенно не общее родовое, а особенное личное. Поэтому, считает Розанов, безуспешными оказались все попытки вывести исторические закономерности: «... эти законы, если они и есть, обнимают самое незначущее в истории; в противоположность природе, где, обнимая родовое, общее, - они обнимают существенное»¹²⁹. Однако целое поколение никакого значения само по себе не имеет: «... наше значение обуславливается лишь тем, как относимся мы к вечным идеалам, подле нас стоящим, которые с отдельными поколениями не исчезают»¹³⁰. Поколение 1860-х гг. Розанов обвиняет в пренебрежении самостоятельной ценностью человеческой личности. По его мнению, люди этого поколения рассматривали человека всего лишь как средство для достижения каких-то отвлеченных целей.

Одной из основных тенденций своей эпохи Розанов считает стремление к демократизации, под которой он понимает не только стирание граней между сословиями и реформы в управлении государством, но и желание обрести широкую популярность: «...все раскрывается, спешит в толпу, ищет внимания и одобрения»¹³¹. Эта тенденция действует, по его мнению, с начала XIX в. и распространяется на все области человеческой деятельности, в том числе и на науку и на искусство: «Ницше ищет читателей; Шопенгауэр изнывает от зависти, что Гегель имеет слушателей, когда у него их нет; Леопарди, Байрон – все это глубоко демократические умы по своим затаенным стремлениям, несмотря на внешний аристократизм свой»¹³². До XIX в. «все замыкалось в корпорации, все затаивалось во внутреннем своем содержании», но теперь «никто не хочет заживо умирать; всякий рвется на солнце бытия, на солнце какого-то всемирного волнения, которое овладело человечеством после того, как оно столько веков прожило уединенной, разорванной на отдельные миры жизнью»¹³³. В статье «Демократизация живописи» (1897) Розанов приветствует этот процесс: «...

---

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Розанов В.В. О Достоевском // Розанов В.В. Легенда... С. 277-278.

¹²⁹ Там же. С. 278.

¹³⁰ Розанов В.В. Почему мы отказываемся от «наследства 60-70 годов»? // Розанов В.В. Легенда... С. 168.

¹³¹ Розанов В.В. Демократизация живописи // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 112.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

единственное основание демократии написано во второй главе книги Бытия, в удивительных словах, предшествовавших созданию подруги Адама: “Не хорошо быть человеку одному”. Вот закон, вот истина, <...> которая констатирует и освящает вечное стремление человека к человеку, вечное слияние их, вечную и священную демократию»¹³⁴.

В статье «Два вида “правительства”» (1897) Розанов обращает внимание на новое по сравнению со всеми прошлыми эпохами явление в развитии и существовании литературного процесса – появление читателя, который так или иначе начинает влиять на этот процесс: «Но вот кого нельзя обмануть, кто истинно зорек и кто беспощадно строг – это правитель-читатель. <...> попробуйте не уважить кумиров этой тысячеголовой вас слушающей толпы, не уважить ее предрассудков, привычек, иногда ее сна, ее болезни, - и она вас потрет или причинит вам столько страданий, сколько не сможет и не сумеет причинить совершенно вам чуждое “правительство” чиновников»¹³⁵. В этом контексте оказывается положительным качеством полная независимость Пушкина от мнения читающей публики. Розанов в этой статье смешивает две исторические эпохи и противопоставляет Пушкина и Тургенева по признаку зависимости от читательской популярности: «Вспомним, как мало чувствительна была, какую вообще незначительную роль в жизни Тургенева играла ссылка его в деревню за некролог о Гоголе; и какою мучительною болью через его письма, воспоминания, предисловия к сочинениям проходит то простое отчуждение, какое он почувствовал в себе в 60-е годы со стороны читателя»¹³⁶.

Историческая концепция Розанова влияет и на его восприятие литературы. Современные писатели оказываются хуже своих предшественников просто в силу регрессивного хода истории. Человек, в представлении Розанова, является одновременно и смыслом истории, и ее пассивным орудием. Однако литература способна повлиять на развитие общества и таким опосредованным способом изменить историю.

---

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Розанов В.В. Два вида «правительства» // Розанов В.В. О писателях... С. 23-24.

¹³⁶ Там же. С. 24.

1.2. Место литературы в системе ценностей В.В. Розанова

1.2.1. Формирование литературных взглядов В.В. Розанова

(книга «О понимании»)

В предисловии к переизданию первой книги Розанова В.В. Биbihин отмечает, что используемые Розановым терминология и фактология устарели уже для XIX в., однако содержание книги, высказываемые в ней мысли по своей сути были новаторскими. Розанов ставит проблемы, которые будут в центре внимания философов XX и даже XXI в.¹³⁷

Над своей первой книгой Розанов начал работать в последний год пребывания в Московском университете (1881/1882) и закончил ее летом 1885 г.¹³⁸ То есть представленные в ней категории эстетики и поэтики являются результатом размышлений Розанова в гимназический, университетский и брянский периоды его жизни. А.А. Медведев считает, что категории розановской поэтики были первоначально выявлены им «в описании собственного восприятия особенностей литературного опыта Толстого, Достоевского, Гончарова»¹³⁹.

Розанов называет «пониманием» как деятельность разума, так и цель этой деятельности. Он ставит перед собой задачу систематизации всего того, что создано человеком в «умственной области»¹⁴⁰. И закономерной частью человеческого знания оказываются учения о творении, или о процессах, и о творимом, или о формах жизни. В рамках первого учения Розанов дает определение художественного творчества, которое есть «стремление освободиться от некоторого тягостного ощущения, испытываемого художественною натурою от избытка образов красоты и от чувств, наполняющих внутренний мир ее, через воплощение этих образов и выражение этих чувств в формах очертаний, звуков или слов»¹⁴¹.

По мнению Розанова – и это мнение сохранится у него на протяжении всего его творческого пути¹⁴², – художник, выразив свое чувство, перестает его испытывать. Однако это чувство через произведение искусства передается полностью таким, каким оно было изображено, зрителям, читателям или слушателям. То есть искусство, по Розанову, оказывается прямо и непосредственно связанным с жизнью, оно может на нее влиять, менять в ту или иную сторону.

---

¹³⁷ Биbihин В.В. Время читать Розанова // Розанов В.В. О понимании. С. XII, XXI.

¹³⁸ Сукач В.Г. Комментарии // Розанов В.В. О понимании. С. 664.

¹³⁹ Медведев А.А. Эссе В.В. Розанова о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом... С. 13.

¹⁴⁰ Розанов В.В. О понимании. С. 5.

¹⁴¹ Там же. С. 416.

¹⁴² См.: Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Метафизика христианства. М., 2000. С. 456.

Розанов противопоставляет художественное творчество научному, но не по методу изучения и интерпретации действительности, а по субъективной ориентации мышления. Искусство «исходит из внутреннего мира человека, чтобы выразиться вне его»¹⁴³. А наука, наоборот, направлена на внутренний мир человека.

Художественное творчество, по Розанову, произвольно и имеет свои внутренние законы, нарушение которых ведет к уничтожению самого творчества. Поэтому художник оказывается «пассивным носителем творчества в области красоты»¹⁴⁴, неспособным ни изменить его форму, ни отказаться от него. Стремление к творческому самовыражению просто дается человеку. Однако, в отличие от демократических критиков, Розанов видит цель художественного творчества в нем самом. Искусство «не имеет своим назначением ничего, кроме создания прекрасных вещей как соединений внутренней, присущей духу формы красоты с предметами внешнего мира, которые чужды ей»¹⁴⁵. Искусство универсально и вечно, так как человек выражает в нем одинаковые для всех людей состояния духа. Оно свободно и бесцельно, «как свободно и бесцельно торжественное настроение при виде звездного неба»¹⁴⁶.

Искусство, создавая прекрасные вещи, может через них достигать и других результатов, но это, считает Розанов, не цель его, а следствие. Не имеет смысла подражать действительности: «Природа и жизнь, как бы совершенно они ни были воспроизведены, вернее и прекраснее воспроизведенного»¹⁴⁷. В искусстве для Розанова важно, прежде всего, субъективное начало – то, что художник стремится передать через изображение природы и жизни. Искусство должно преображать действительность, воплощая красоту как форму духа в «вещах внешнего мира». Такое искусство Розанов называет «чистым» и единственным «истинным и необходимым человеку»¹⁴⁸.

Подробно рассматривая учение о творимом, или о формах жизни, Розанов обращается к результатам художественного творчества. Искусство для него в этом контексте – «форма жизни <...> исшедшая из чувства»¹⁴⁹. В нем Розанов выделяет живопись, скульптуру, архитектуру и поэзию. Поэзия отличается от остальных видов искусства тем, что имеет дело не с «немymi формами» (звук, линия, тень, вещество), а

---

¹⁴³ Розанов В.В. О понимании. С. 416.

¹⁴⁴ Там же. С. 417.

¹⁴⁵ Там же. С. 474.

¹⁴⁶ Там же. С. 417.

¹⁴⁷ Там же. С. 475.

¹⁴⁸ Там же. С. 476.

¹⁴⁹ Там же. С. 441.

со словами, «из которых каждое в отдельности уже имеет смысл и понятно»¹⁵⁰. Поэтому формальные средства («ритм» для стихов и «язык», то есть слог, для прозы) должны точно соответствовать содержанию произведения: «...между тем, что говорится в поэтическом произведении, или сюжетом, и между тем, как говорится в нем, или ритмом и языком, должно быть строгое соответствие, иначе получится разлад, дисгармония в целом»¹⁵¹. Требование соответствия формы содержанию в том или ином виде присутствует практически во всех нормативных поэтиках. Оно (без этих терминов) встречается еще в «Поэтике» Аристотеля (59, а8; 59, b31-37)¹⁵².

Художественное произведение Розанов воспринимает целостно, не только как подражание реальности, но и как отражение субъективного мира художника. Поэзия включает «и думы, и чувства, и желания поэта, и текущую жизнь во всем своем разнообразии и со всеми своими контрастами»¹⁵³.

Если в начале рассуждения под «поэзией» Розанов понимает всю литературу как искусство слова, то затем появляется необходимость разделения ее на два вида: поэзию и художественность. Розанов выделяет эти виды по субъективному и объективному способу создания художественного образа: «...поэзия есть по преимуществу создание воображения, художественность есть главным образом произведение наблюдательности»¹⁵⁴. Творчество «поэта» никак не связано с действительностью. Образы возникают в его воображении самопроизвольно, они не похожи на то, что «поэт» видит в реальности. Сотворив внутри себя нечто новое, «поэт» снисходит к жизни, перенося сотворенное им из субъективного мира в объективный. «Художник», наоборот, создает свои образы, наблюдая за жизнью. Он как бы домысливает, соединяет в одно целое то, что по частям уже существует в реальности: «...берет из жизни и уносит к себе, в себе преображает и преображенное возвращает в жизнь»¹⁵⁵.

В результате у Розанова получаются два качественно разных вида литературы, использующие как материал реальность либо некоторую идеальную действительность: «Художественная литература во всем своем объеме – это опозитизированная жизнь, та же, которая есть <...> Поэзия – это вторая жизнь, над тою, которая есть, и источник ее – в духе поэта»¹⁵⁶. По мнению Розанова, вся русская литература до появления Гоголя

---

¹⁵⁰ Там же. С. 450.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Аристотель. Поэтика. СПб., 2000. С. 59, 61-62.

¹⁵³ Розанов В.В. О понимании. С. 453.

¹⁵⁴ Там же. Розанов В.В. О понимании. С. 458.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. С. 459.

была поэзией: «...ранее этого писателя не было ни одного даже посредственного художника и самое явление художественности было неизвестно»¹⁵⁷. Однако после Гоголя литература становится исключительно художественной, то есть приближается к реальности.

В «Легенде о Великом инквизиторе» Розанов приводит конкретные примеры одного и второго вида литературы. К поэзии он относит романтические поэмы А.С. Пушкина («Цыганы») и М.Ю. Лермонтова («Мцыри»). Гоголь же и ряд последующих писателей (Тургенев, Толстой, Достоевский) «имеют дело только с действительною жизнью, <...>, с положениями, в которых мы все бываем, с отношениями, в которые мы все входим»¹⁵⁸. В письме Н.Н. Страхову от 25 ноября 1888 г. Розанов противопоставляет «Скупого рыцаря» и «Войну и мир» именно как произведения, принадлежащие к разным литературным категориям, так что их нельзя мерить «одним аршином»¹⁵⁹. То есть фактически, разделяя литературу на поэзию и художественность, Розанов намечает общие контуры романтического и реалистического направлений в литературе.

Изображения человека в художественных произведениях Розанов тоже делит на два вида: типы и характеры. Через тип, который «всегда собирательная личность – таких много, как он, и еще больше тех, которые бессознательно стремятся стать такими»¹⁶⁰, выражаются закономерности общественного развития. Тип создают существующие условия жизни, он целиком и полностью определяется обстоятельствами. Для характера важно то, что «сила внутреннего «я» перевешивает в нем силу внешних обстоятельств»¹⁶¹, его главная черта – движение. Розанов противопоставляет тип и характер как пассивное и активное начала жизни, а их взаимоотношения называет борьбой между материей и духом. Тип – это отражение жизни, характер – самостоятельный дух. Снова, как и при разделении литературы на поэзию и художественность, критерием становится отношение к действительности, зависимость или независимость от нее. Характеры присутствуют как в поэзии, так и в художественной литературе, а вот типы встречаются исключительно в последней.

Продолжая размышлять о категориях типа и характера, Розанов выделяет два способа изображения действительности: наблюдение внешнего мира и изучение мира внутреннего. Первым способом изображаются по преимуществу типы, у которых

---

¹⁵⁷ Там же. С. 465.

¹⁵⁸ Розанов В.В. Легенда... С. 18.

¹⁵⁹ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 180.

¹⁶⁰ Розанов В.В. О понимании. С. 454.

¹⁶¹ Там же.

«внутренний мир несложен и неглубок»¹⁶². Если же таким образом писатель пытается нарисовать характер, то он обычно оказывается не совсем понятным и недоконченным. В пример Розанов приводит характер Веры из романа И.А. Гончарова «Обрыв». Этому же писателю принадлежит лучшее изображение типа в русской литературе - «бессмертный тип Обломова»¹⁶³. Второму способу лучше удастся изображение именно характеров, типы же рисуются «с меньшим сравнительно совершенством»¹⁶⁴. В качестве примера Розанов ссылается на роман Л.Н. Толстого «Анна Каренина», персонажей которого читатель часто понимает лучше, чем себя и своих близких.

Соответственно способам изображения Розанов делит и самих художников. Художники-наблюдатели показывают людей через то, что они говорят и делают. Такой художник «любит всматриваться в жизнь, а не размышлять о ней и длинным взглядом, с интересом артиста, следить за какою-нибудь убегающею и прихотливо изменяющеюся черточкою ее»¹⁶⁵. Художники-психологи сосредотачиваются на внутреннем мире личности, рисуют «человека через то, что он думает и чувствует, - здесь за совершаемым человеком виднеется совершающееся в нем»¹⁶⁶. Эти особенности неразрывно связаны у Розанова со свойствами личности самого писателя. Художник-наблюдатель - «всегда цельный человек, чуждый внутреннего разлада, быть может оттого и любящий жизнь и человека, что не чувствует мучительности быть человеком и жить»¹⁶⁷. Художник-психолог - «всегда больной человек – тот, у кого началось распадение духа, который утратил цельность психической жизни, хотя не до той степени, где начинается помешательство и безумство»¹⁶⁸. Точно так же Розанов противопоставляет религиозность этих двух типов писателей. Религиозная вера художников первого типа чиста, спокойна, чужда критического анализа и всегда ортодоксальна. Религиозность же художников второго типа никогда не бывает ортодоксальной. Наоборот, «религии, как установившемуся культу, ничто не грозит такой опасностью, как эти порою пламенные защитники и истолкователи ее»¹⁶⁹. Любопытно, что это же качество Розанов в письме Страхову (конец декабря 1889 г.) отмечает и у себя самого: «... все мы, религиозные искатели, в сущности, еретики, т.е. ужасающе неортодоксальны»¹⁷⁰.

---

¹⁶² Там же. С. 460.

¹⁶³ Там же. С. 461.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. С. 459.

¹⁶⁷ Там же. С. 462.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 228.

В отличие от художников первого типа, которые только наблюдают жизнь и всегда соотносят с реальностью свои произведения, художники-психологи понимают человека глубоко и всесторонне и могут предугадывать новые явления в жизни. Они как бы опережают других людей в своем развитии: «То, что, уже выделившись, существует в духе и в жизни, явно ли или скрытно, или что, еще не выделившись, только в будущем может обнаружиться, то уже выделилось нередко в распавшемся духе такого художника и известно ему»¹⁷¹. В пример Розанов приводит творчество Шекспира, который на два века раньше в образе Гамлета предсказал рефлексии и внутренний разлад, присущие людям нового времени.

К художникам-наблюдателям Розанов относит Пушкина, Тургенева, Гончарова и Островского, а к художникам-психологам - Лермонтова, Гоголя, Толстого и Достоевского. Причем из них Толстой и Достоевский, по мнению Розанова, как психологи являются наиболее совершенными: «...первенство в совершенстве изображения принадлежит Л. Толстому, а первенство в глубине изображаемого принадлежит Достоевскому»¹⁷².

Русскую литературу в общем и целом Розанов оценивает очень высоко: «Есть нечто вечное, что создал он [русский народ], что всегда будет, - это литература. И с нею будет и язык наш, а с ним и мы сами, как нечто своеобразное между народами. Отныне мы уже не стихийная сила в истории»¹⁷³.

1.2.2. Цели и задачи литературы

Розанов считает, что духовный мир человека изначально является цельным и глубоко гармоничным и что важнейшая задача каждого человека – сохранить эту гармонию внутренней жизни. Однако в результате воспитания, которое получает человек в обществе, эта цельность утрачивается: «Мы силимся стать виртуозами, не замечая, что становимся только калеками»¹⁷⁴. Поэтому литература в меру своих сил должна помогать человеку выполнять цели его жизни, которые состоят в том, чтобы «возможное в нем стало действительным». Главный вопрос, который должна раскрыть литература, – это прояснение сути человека как «некоторой системы скрытых возможностей, раскрытие, обнаружение которых может дать ответ и на все остальные вопросы»¹⁷⁵.

---

¹⁷¹ Розанов В.В. О понимании. С. 463.

¹⁷² Там же. С. 466.

¹⁷³ Там же. С. 469.

¹⁷⁴ Розанов В.В. Литературная личность Н. Н. Страхова // Розанов В.В. Легенда... С. 228.

¹⁷⁵ Розанов В.В. Два исхода // Розанов В.В. Легенда... С. 189.

По мнению Розанова, русская литература воспитывает человека, прежде всего, нравственно, помогает ему «научиться с достоинством проходить свою жизнь, быть внимательными ко всякому страданию и воздерживаться от всякого зла»¹⁷⁶. В произведениях русских писателей подробно разобраны разные житейские ситуации, с глубоким знанием человеческого сердца показаны отношения между людьми. Однако, кроме этой, перед литературой стоит еще и другая задача – осмыслить человеческое бытие как феномен. Человек, считает Розанов, стремится «сколько-нибудь уразуметь тот мир, в котором мгновение назад появился и через мгновение же исчезнет; хочет унести с собою что-нибудь вечное»¹⁷⁷. И вот этого осмысления экзистенциальных проблем в русской литературе пока что нет.

В статье «О Достоевском» (1894) Розанов определяет задачи литературы следующим образом: «"Помоги мне разобраться в моей жизни, освети, научи" - вот самая серьезная мысль, с какою может читатель обратиться к писателю; думаем даже, что это есть единственная серьезная мысль, на которой может истинно скрепиться их общение»¹⁷⁸. Литературное произведение должно помогать человеку разобраться с его индивидуальными проблемами, иначе чтение не имеет никакого смысла: «Вне этого, вне отношения писателя к нашим индивидуальным тревогам, заботам, опасениям, празден смысл самого чтения, незначаше появление книги, мишурно все, что в необъятных размерах мы называем литературою и чем любимся или гордимся как народ, но можем гордиться и любоваться с правом тогда лишь, когда она удовлетворяет только что определенной нужде»¹⁷⁹.

Значение гениального художника в том, что он обладает обширным духовным опытом, которым «он превосходит других людей, зная то, что порознь рассеяно в тысячах их, что иногда скрывается в самых темных, невысказывающихся характерах; знает, наконец, и многое такое, что никогда еще не было пережито человеком, и только им, в необъятно богатой его внутренней жизни, было уже испытано, измерено и оценено»¹⁸⁰. Художник угадывает то, чего еще нет в жизни общества: «Высокий поэт или художник есть всегда вместе и провидец; и это потому, что он уже видел многое, что для остальных людей остается на степени возможного, что для них только будущий вероятный факт»¹⁸¹. Для понимания природы гения Розанов вводит понятия бытия и существования, которые позднее будут активно разрабатываться в философии

---

¹⁷⁶ Розанов В.В. Литературная личность Н. Н. Страхова // Розанов В.В. Легенда... С. 232.

¹⁷⁷ Там же. С. 233.

¹⁷⁸ Розанов В.В. О Достоевском // Розанов В.В. Легенда... С. 277.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ Там же. С. 278.

¹⁸¹ Там же.

экзистенциализма: «...в то время, как другие люди по преимуществу существуют, гений – по преимуществу живет: т.е. он никогда не остается все тем же, разные душевные состояния слагаются в нем и разлагаются, миры созданий проходят через его сердце – и все это без сколько-нибудь прочного, уловимого отношения к действительности»¹⁸².

1.2.3. Литература в жизни человека и общества

Довольно часто в переписке со Страховым Розанов рассуждает о своем отношении к литературе, высказывая идеи, очень похожие на те, которые будут впоследствии развиты им в «Уединенном» и «Опавших листьях». В письме от 2 марта 1888 г. Розанов указывает: «... в литературной деятельности есть нечто развращающее»¹⁸³. Он выделяет как бы две стороны явления: во-первых, сам писатель или художник является всего лишь инструментом, посредством которого проявляются иные силы: «...поэт, художник или мыслитель, есть лишь жалкая, бессильная вещь, в которой совершается эта объективация жизни»¹⁸⁴; во-вторых, когда процесс творчества завершен, у человека появляются «страшные и темные мысли», появляется желание «жить в мысли или чувстве другого». Причину этого Розанов видит в природе человека: «Человек – человекоубийца по природе своей; я хочу убивать чужие мысли, хочу, чтобы чужие души жили не своею жизнью, а моею жизнью»¹⁸⁵. То есть иное, сверхъестественное содержание воплощается в человеке через агрессивное начало именно потому, что он обречен на смерть: «... насколько человек производит, настолько он умирает (тем, что он умирает всю почти жизнь) и это как в физическом, так и в духовном смысле»¹⁸⁶. Хотя сам процесс творчества, по Розанову, совершенно нейтрален: «Когда я пишу, я, конечно, интересуюсь лишь тем, о чем пишу, посторонней мысли нет никакой»¹⁸⁷.

В письме, датированном декабрем 1890 г., Розанов развивает свою мысль далее. Он видит нечто нехорошее и нецеломудренное в том, что свои самые сокровенные мысли и чувства человек выносит на суд публики, а не хранит в себе. По его мнению, это калечит писателя. Розанов признается, что, напечатав свою статью, всегда испытывает сожаление: «Я отчетливо чувствую, что сделал что-то дурное, не в меру

---

¹⁸² Там же.

¹⁸³ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 159.

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Там же.

достоинства человека, унижающее и пачкающее душевную чистоту и высоту»¹⁸⁸. Применительно к литературе возникает мотив проституции, который также будет впоследствии активно использоваться Розановым. Пока что это качество – стремление навязать миру свое сознание – Розанов приписывает всей своей эпохе: «В XIX в. все немножко проститутки (и аз грешный), все мы тянемся перед миром и жаждем: “Рассматривай нас”»¹⁸⁹.

В статье «По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого» (1895) Розанов сожалеет о том, что русская литература начала распространяться за границей: «О, как грустно, как страшно, что литература наша переступила тесные границы родной земли и потащилась на всемирный рынок, потянувшись за всемирной славой; какими это бедами для нее грозит...»¹⁹⁰.

В сознании Розанова противопоставлены рукописный и печатный тексты, о чем много пишет в своей книге А. Синявский. К печати Розанов относится с подозрением: «...всякое чувство, будучи напечатанным, кажется лишним, хочется его поубавить»¹⁹¹. В письме, датированном осенью 1895 г., он высказывает сходную мысль. По мнению Розанова, «писать – это бедствие, это – ненужное», а его собственное творчество имеет сугубо практический смысл. Во-первых, он пишет «для жизни», т.е. ради заработка, во-вторых, это требуется в процессе его внутренней работы: «...все придуманное у меня нисколько не держится в голове – сейчас нужно говорить или писать»¹⁹².

Также в переписке впервые появляется противопоставление жизни и литературы, которого еще не было в книге «О понимании». Все симпатии Розанова исключительно на стороне жизни. По его мнению, писатели оторвались от жизни и незаслуженно пренебрегают обыкновенным, простым человеком: «Мне все представляется, что Вы, большие писатели, знакомы только с писателями же, т.е. людьми, не совсем обыкновенными, житейскими, простыми. Мне все мерещится, что, судя о жизни и людях, вы что-то просмотрели самое главное, самое лучшее и так, бедные, умрете, не узнав, “чем люди живы”, до некоторой степени сами несчастные»¹⁹³. Человек важнее литературного произведения, даже самого совершенного: «... разве эти дети, этот будущий мир радостей и тревог, благородного и доброго, хоть, может быть, подчас и глупого – не стоят Ваших лучших

---

¹⁸⁸ Там же. С. 249.

¹⁸⁹ Там же. С. 309.

¹⁹⁰ Розанов В.В. По поводу одной тревоги гр. Л.Н. Толстого // Розанов В.В. Легенда... С. 406.

¹⁹¹ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 224.

¹⁹² Там же. С. 313-314.

¹⁹³ Там же. С. 241.

стихотворений?»¹⁹⁴ Вероятно, это противопоставление возникает в связи с обстоятельствами личной жизни Розанова. В письме, датированном концом июня 1888 г., он признается Страхову, что раньше думал, будто «мышление может совершенно наполнить жизнь, что за ним можно и не ощущать, что в сущности лишен всего»¹⁹⁵. Но теперь его мнение изменилось: «... мною и овладело некоторое фаустовское чувство или, пожалуй, чувство банкира, потерпевшего крах: именно, страшная неудовлетворенность теоретизмом и жажда примкнуть сухими губами к радостям обычной, маленькой жизни, о которой я до сих пор высокомерно позволял себе не думать»¹⁹⁶. Если раньше Розанов, по его признанию, посвящал свою жизнь исключительно умственным интересам, то теперь он с таким же пылом бросается в другую крайность и начинает воспевать радости простой жизни. Это изменение мировоззрения отразилось на его восприятии литературы. Розанов признает ее, как и всякое умственное занятие, вторичной по отношению к живой жизни, отдавая предпочтение хорошему человеку перед хорошим писателем.

Розанов также сомневается в нравственном воздействии литературы на общество: «...безграмотный полицейский почему не содрогается перед своею совестью, а писатель в этом именно (в советах со своею совестью) менее всего нуждается»¹⁹⁷. Таким образом, оказывается, что «литература – это поприще самых неэстетических, самых неблаговоспитанных нравственно людей и очень неумных»¹⁹⁸. Эта мысль появляется у Розанова уже после написания «Легенды о Великом Инквизиторе» (письмо датировано январем 1891 г.). Очевидно, что на мнение Розанова повлияло исследование творчества Гоголя. В дальнейшем это мнение еще и ужесточится: «Нужно быть очень тупым, чтобы не питать некоторой доли сильнейшего неуважения к литературе. <...> Хорошо делал Достоевский, что почти всегда описывал литераторов жуликами и проходимцами; они таковы и есть – в значительной степени»¹⁹⁹.

Еще одну причину своего достаточно пренебрежительного отношения к литературе Розанов видит в некотором упадке жизни общества, в неспособности современной литературы повлиять на это общество. Занятие литературой бесплодно, не приносит никаких результатов. Именно поэтому, пишет Розанов, он и предпочитает простую жизнь: «... самую маленькую действительную и благородную радость,

---

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же. С. 178.

¹⁹⁶ Там же. С. 179.

¹⁹⁷ Там же. С. 250.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же. С. 297.

которую я испытываю от кого-нибудь из окружающих меня, маленьких же лиц, я не променяю на самый громкий литературный успех»²⁰⁰.

В то же время романтическое противопоставление жизни действительной и идеальной у Розанова продолжает сохраняться. В письме Страхову (датируется февралем 1893 г.) он признается: «Все мои писания – это красноречивый сон о какой-то действительности, которую я видел и полузабыл; точнее – вижу еще, но так мало люблю ее, так мало привязан к чему-нибудь в ней конкретному, что не нахожу ничего лучшего, как грезить среди нее»²⁰¹. Таким образом, оппозиция жизнь/литература является одним из ключевых пунктов в эстетической системе Розанова. Он как бы оказывается настолько замкнутым в своем внутреннем мире, что, во-первых, исполняет все роли сразу – и читателя, и писателя, во-вторых, не может до конца поверить в существование читателя: «...я могу стать дорог читателю, интимен – это я чувствую; как дорог себе (а ведь я для себя – читатель, поверьте только) в этом грезящем высказывании»²⁰².

Тему отношений писателя и читателей Розанов затрагивает неоднократно. Так, большим достоинством статей К.Н. Леонтьева Розанов считает то, что тот не обращает внимания на публику: «Читатель, конечно, стоит где-то в стороне, но Вы его не видите и разговариваете с собою. От этого невыразимая прелесть языка Вашего, этих отрывочных, сухих и точных фраз»²⁰³. В другом письме он снова замечает, что в писательстве есть «нечто развратное», именно в силу сложности и неоднозначности отношений между писателем и читателем: «... по-моему, пишущий должен как-то ненавидеть своих читателей: они чужие ему и, однако, смеют поступать так, как близкие; и ты сам виновник того, что они так поступают с тобой, - отсюда презрение к себе, к какому-то своему малодушию или ошибке, неблагоразумию»²⁰⁴. Неведомая сила заставляет человека заносить на бумагу свои мысли, а потом представлять из разных побуждений (стремление заработать, желание распространить свои мысли, жажда славы) свои интимные мысли и чувства на суд публики, обращаясь, таким образом, к толпе как к близким людям.

Из тесной связи жизни и литературы вытекает один из главных критических принципов Розанова – взаимообусловленность биографии писателя и его творчества. Не случайно он ищет в жизни писателя подтверждение своим критическим догадкам: «И в самом деле, лишь видя, в каком отношении к реальному факту жизни стоял тот

---

²⁰⁰ Там же. С. 214.

²⁰¹ Там же. С. 291.

²⁰² Там же.

²⁰³ Там же. С. 395.

²⁰⁴ Там же. С. 401.

или иной писатель, мы можем вскрыть для себя невысказанный смысл его произведений, который дотопе нам представлялся отвлеченно-неясным...»²⁰⁵.

Идея прямой связанности жизни и искусства высказывалась Розановым уже в книге «О понимании». В письме к Леонтьеву (август 1891 г.) Розанов связывает эту идею со своими представлениями об упадке культуры, характерном для всего XIX в. Именно в развитии искусства видит Розанов главную причину этого упадка: «...психическая деятельность истощает органическую энергию, что в нее уходит первая, и раз что-нибудь хорошее написано, нарисовано, совершено – некоторая доля жизни вышла из человечества, пропала в нем навсегда»²⁰⁶. В доказательство Розанов приводит наблюдение за своим собственным творческим процессом: «... в разных местах моих сочинений Вы найдете отдельные страницы, написанные с большой страстью или где блесит совершенно оригинальная мысль, доказательства коей льются сами собой. Я испытывал, что, написав эти страницы, я всегда физически ослабевал (как мужчина) и становился психически раздраженным, сумрачным, злым почти; а перед написанием бывали минуты какого-то удивительного просветления и счастья, повышения жизни»²⁰⁷. Свое субъективное переживание Розанов переносит на исторический процесс. В сборнике «Последние листья» (1916 г.) он упрекает русскую литературу за частный и личный характер, то есть такой, когда за предметом не видно человека. Последний, по мнению Розанова, кто «интересовался Россией и любил Россию», - это Пушкин²⁰⁸. И это «великое забвение всею литературою, вполне классическою по форме, всей и всякой русской действительности» послужило причиной «нигилизации» России гораздо в большей степени, чем «отрицательное движение 60-х годов»²⁰⁹. Россия «сделана царскою заботою и солдатским трудом и крестьянским и поповским долготерпением», а литература не нужна, потому что от нее «никому ни тепло, ни холодно»²¹⁰. Русские писатели, заявляет критик, всегда отличались легкомыслием, которого не может быть ни в одном по-настоящему религиозном человеке²¹¹.

Концепция зависимости жизни от литературы разворачивается в работе «С вершины тысячелетней пирамиды (Размышление о ходе русской литературы)» (1918 г.). Розанов отмечает, что «история русской литературы от Петра Великого и до

---

²⁰⁵ Розанов В.В. Культурная хроника русского общества и литературы за XIX век // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 73.

²⁰⁶ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 410.

²⁰⁷ Там же. С. 409-410.

²⁰⁸ Розанов В.В. Последние листья. М., 2000. С. 166.

²⁰⁹ Там же. С. 168.

²¹⁰ Там же. С. 172.

²¹¹ Там же. С. 215.

могилы русского царства есть явление настолько исключительное, что оно может назваться «всемирным явлением», всемирною значимостью – независимо нисколько от своих талантов»²¹². По мнению критика, именно литература «сломила наконец царство», «разнесла жизнь народа по косточкам». Если обратиться к высказыванию из «Опавших листьев», то такое воздействие на жизнь литература оказывает потому, что Розанов считает описание полностью исчерпывающим переживание. Именно поэтому он высказывает парадоксальное мнение о том, что в русской истории литература есть суть, а не явление, что даже войны совершались только для того, чтобы писатели их описывали, и в результате литература становится не чем иным, как причиной смерти своего отечества.

Розанов утверждает, что в литературе было «одно служение, одно бескорыстие, одно – самоотвержение», но направлено это служение было на доказательство того, что «пыль земная – священное звезд»²¹³. Русская литература обличительного направления доказывала, что «сапоги выше Пушкина, - и притом действительно выше и священнее, святее его»²¹⁴. Ответственность за произошедшее Розанов возлагает на христианство, которое ставит «Лазаря в ранах выше Давида, играющего псалмы на арфе». По мнению критика, вовсе не русская литература выдумала противопоставление «Пушкин» и «сапоги», это истина, которую возвестил «Голгофский Страдалец»²¹⁵. Кроме Христа, Розанов винит в случившемся Петра Первого и западников.

Розанов называет русских нацией, «как бы слабо отпечатанной на космическом печатном станке», не оригинальной, а живущей впечатлениями и подражаниями. О слабости России говорит и ее беспрецедентная гибель от словесности. Единственное, что было в России гениальным, - это литература, которая, несмотря на всего один только век ее существования, стала совершенно универсальным явлением, никому «не уступающим в красоте и достоинствах своих»²¹⁶. И весь XIX век, который «Россия прожила в литературе», русское общество верило, что «переживает какое-то священное писание, священные манускрипты»²¹⁷.

---

²¹² Розанов В.В. С вершины тысячелетней пирамиды // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 666.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же. С. 669.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Там же. С. 673.

²¹⁷ Там же.

1.2.4. Писательская саморефлексия

Переписка со Страховым содержит также достаточно много рассуждений и творческом методе самого Розанова, на котором следует остановиться для того, чтобы лучше понять те принципы, по которым Розанов критикует литературные произведения. Во-первых, весьма любопытен избирательный метод чтения: «...я читаю, напротив, очень мало, и только то, что меня очень заинтересовывает: с каждой книгой я живу некоторое время, думаю о ней ночью, когда просыпаюсь, и на досуге снова и снова открываю ее, где попало и прочитываю что-нибудь»²¹⁸. Во-вторых, Розанов неоднократно указывает на спонтанность и непреднамеренность своих мыслей и своих занятий: «... в деле занятий не я их направляю, куда хочу, но они, т.е. собственно течение мыслей, абсолютно произвольное и постоянное, повертывает меня как утлую лодку без парусов и без руля, то туда, то сюда, но отнюдь не в ту сторону, куда по благоразумию я хотел бы пристать»²¹⁹. В это время Розанов пишет свои статьи, в отличие от последующего периода журналистской деятельности, только тогда, когда его к этому побуждает какая-то внутренняя потребность: «... если придет очень сильное желание писать, а то иначе у меня ничего не выходит, особенно если преднамеренно»²²⁰. Более того, мысль должна быть записана непременно в момент формирования, как только она продумана до конца, Розанов сразу же утрачивает к ней интерес: «...могу написать мысль, только пока та совершается, а как прошла и установилась – нет»²²¹. В то же время жизнь идеи не заканчивается с ее выражением в том случае, разумеется, если интерес автора к этой проблеме продолжает сохраняться. Идея зерна и постепенного развития мысли продолжает быть для Розанова актуальной: «... если мысль выражена даже кое-как – нужно не отбрасывать ее, но обрабатывать и улучшать, вносить в нее поправки и дополнения»²²². Существование идеи похоже на любое явление из жизни: идеи «не появляются готовыми и неопровержимыми, они высвобождаются из-под “неточностей” и ”ошибок”, как цыпленок выклевывается из яйца, а не сразу бежит и несет яйца»²²³.

Розанов называет себя созерцателем: «... я все о чем-нибудь думаю или чем-нибудь волнуюсь, не имеющим ничего общего с окружающей действительностью. Действительности же этой, равно и своей внешней жизни, я позволяю течь куда угодно

---

²¹⁸ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 158.

²¹⁹ Там же. С. 175.

²²⁰ Там же. С. 171.

²²¹ Там же. С. 207.

²²² Там же. С. 204.

²²³ Там же.

и как угодно»²²⁴. Может быть, именно из этого ощущения оторванности от жизни и происходит пристальное внимание Розанова к мелочам и почти болезненная любовь к бытовой стороне человеческой жизни. Очень важно для Розанова найти верный тон для своего произведения. Его деятельность преподавателя мешает ему, прежде всего, тем, что не дает сосредоточиться на своих мыслях: «Не самому писанию мешают занятия географией и историей, но именно установке какого бы то настроения – и с ним тона. А без этого все слова и все мысли – ”медь звенящая”»²²⁵.

Цель своей литературной деятельности Розанов определяет в письме от 29 ноября 1889 г.: «... никогда и ничему не буду служить и не могу служить лучше, как приведению общества к этому чистому и радостному свету, который есть в религии, в церкви»²²⁶. Он предсказывает преобразование искусства через изменение отношения к религии: «...будут и среди художников, и среди композиторов люди, которые почувствуют себя иначе, чем наши художники и музыканты, и все будет у нас, все – и культура, и другое искусство, и другая философия – с чертами святости, с пониманием этого и стремлением к этому»²²⁷. Таким образом, Розанов отражает в своих высказываниях общие тенденции и потребности эпохи, т.е. не случайно впоследствии происходит быстрое и легкое сближение его с писателями-реформаторами религиозных умонастроений. Для этого существовали не только внешние, но и внутренние предпосылки.

Еще одна цель, вернее, один из основных мотивов литературной деятельности Розанова – это любовь к истине: «... для меня важно быть правым, любить истину и уметь находить ее – все же прочее несущественно»²²⁸. Больше всего Розанова интересует человеческая душа. Именно попыткой понять чужую душу и являются, по большому счету, его рассуждения о писателях и об их творчестве: «Боюсь, не показалось бы Вам бессовестным мое залезание в чужую душу – но иначе я не умею писать; да, в сущности, это и интересует меня больше всего»²²⁹. Он признается Страхову, что, когда пишет письмо, то как бы настраивается на своего корреспондента, пытается попасть в тон его мыслей: «... когда я пишу (и всегда при этом думаю о Вас), стараюсь иногда отгадать Ваши мысли и написать так, как будто это Вы это сказали»²³⁰.

---

²²⁴ Там же. С. 230.

²²⁵ Там же. С. 183.

²²⁶ Там же. С. 223.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. С. 205.

²²⁹ Там же. С. 243.

²³⁰ Там же. С. 205.

1.3. В.В. Розанов о литературной критике

Рассказывая в статье «Город и школа» о своих университетских годах, Розанов вспоминает о кружке студентов, к которому он принадлежал: «...человек пять-шесть, ближе сошедшихся характерами, - шалопаев, но которые любили философию и, кроме нее, не любили ничего, а главное – не хотели ничего любить... То есть мы не одну философию любили, скажу для оправдания: но и в истории, и в литературе мы любили тоже только одну философию. Так нас Бог уродил»²³¹. Этот фрагмент достаточно четко проясняет позицию Розанова по отношению к различным видам гуманитарного знания и задачи, которые он ставил перед собой как литературным критиком. Действительно, в литературе как процессе, в жизни и творчестве различных писателей и в отдельных литературных произведениях его в первую очередь интересуют именно философские вопросы. Хотя в письме Страхову (датируется февралем 1893 г.) Розанов отказывается называть себя философом, так как он просто высказывает свои мысли, а не доказывает их, но в данном случае он, вероятно, намеренно сводит философию исключительно к логическому аппарату доказательств. Цель всех писаний Розанова – «высказать себя – через критикуемое, через историю etc.»²³². Однако не стоит забывать о том, что человеческая личность и ее положение в мироздании – это именно то, что больше всего интересует Розанова. То есть «высказывание себя» - это тоже своеобразный метод философского исследования. В этом же письме Розанов отказывается называть себя критиком, так как слишком мало любит критикуемое, и историком, так как не знает истории. Тем не менее, ближе всего ему оказывается именно философия с ее стремлением абстрагировать и проанализировать сущность явления. И в истории, и в литературе Розанов, по сути дела, ищет и находит примеры для своих отвлеченных философских построений. По его собственному признанию в письме Страхову, которое датируется осенью 1889 г., критика литературных произведений для него является задачей второстепенной: «Я не могу без некоторой лености писать критические статьи о писателях, ибо все это, в сущности, для меня постороннее, вовсе не вытекает из моей мысли»²³³. Таким образом, Розанов не считал себя литературным критиком. Обычно в своих статьях он затрагивал какие-то общие философские или социологические вопросы, так или иначе связанные с литературой. Поэтому работ, посвященных собственно теории и истории литературы, у него очень мало, и относятся они в основном к раннему периоду его деятельности.

²³¹ Розанов В.В. Сумерки просвещения. С. 212.

²³² Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 292.

²³³ Там же. С. 219.

1.3.1. Периоды в истории русской литературной критики

В статье «Три момента в развитии русской критики» (1892) Розанов выделяет эстетический, этический и научный периоды в соответствии с целями, которые ставили перед собой отдельные критики. Фактически в статье представлен исторический анализ места и роли литературы в жизни русского общества.

Для первого периода, высшим выражением которого Розанов считает деятельность В.Г. Белинского, характерно стремление «отделить в литературных произведениях прекрасное от посредственного и выяснить эстетическое достоинство первого»²³⁴. Эта задача - одна из самых важных для критики: «Знать, что именно следует ценить в ней и чем пренебрегать, - это значило для общества начать ею воспитываться и для писателей - стать относительно других литератур в положение оценивающего зрителя, а не слепого подражателя»²³⁵. Этот период, по мнению Розанова, закончился со смертью Белинского, после чего изменились установленные им критерии оценки литературного произведения. Из всех последующих критиков Розанов сближает с Белинским К.Н. Леонтьева. Розанов называет работу Леонтьева «Анализ, стиль и веяние: по поводу романов гр. Л.Н. Толстого» лучшим критическим этюдом за много лет²³⁶. По его мнению, у Леонтьева снова на первый план вышла именно эстетическая оценка художественного произведения.

Однако Розанов считает эстетические принципы неактуальными для современного ему литературного процесса: «... для очень длинного фазиса нашей истории, конца которого сейчас и предвидеть нельзя, спокойные времена, времена неторопливого созидания и чуткой, наслаждающейся своим предметом критики, прошли безвозвратно»²³⁷. Леонтьев, по мнению Розанова, идет даже дальше Белинского, сосредотачиваясь исключительно на внешней красивости. И этот принцип кажется Розанову неполным и слишком недостаточным для всестороннего анализа литературного произведения: «... ни у кого же, как у Леонтьева, в силу этой чистоты своей, она не чувствуется столь недостаточной для удовлетворения цельного нашего существа, требований цельной жизни, чему в конце концов должна уметь удовлетворять литература»²³⁸.

Во второй период своего развития русская критика поставила перед собой задачу «связать литературу с жизнью, заставив первую служить последней и понимая

---

²³⁴ Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В.В. Легенда... С. 234.

²³⁵ Там же.

²³⁶ Там же. С. 235.

²³⁷ Там же.

²³⁸ Там же.

последнюю через явления первой»²³⁹. Эстетический критерий отошел на второй план, и «наслаждение только им было признано мало достойным»²⁴⁰. Самым главным признаком литературы в это время начинает считаться ее способность верно и глубоко отражать жизнь как с внешней, так и с внутренней ее стороны: «Художник или поэт есть как бы бессознательный мудрец, который в выводимых им образах или передаваемых фактах концентрирует рассеянные черты жизни, иногда схватывает глубочайшую их сущность и даже угадывает их причины»²⁴¹. Поэтому литература имеет очень большое воспитывающее и просвещающее значение. Однако не все писатели и не все литературные произведения одинаково хорошо выполняют эту задачу: «... несмотря на совершенство, например, в изображении и обобщении, оно может неверно определять смысл изображаемого или, еще чаще, может погрешать в указании его причин»²⁴². Отсюда закономерно главной задачей критики в этот период становится исправление ошибок писателя: «Она есть строгий и обстоятельный комментарий к литературе, который вносит в нее недостающее, исправляет неправильно сказанное, осуждает и отбрасывает ложное, и все это – на основании сравнения ее содержания с живою текущею действительностью, как ее понимает критик»²⁴³. В такой критике «волевой элемент преобладает над рефлексивным», она стремится вмешаться в жизнь и, «разбирая литературное произведение, собственно разбирает в нем нарождающееся явление жизни, страстно отстаивая его против других, еще могущественных, хотя и стареющих ее течений»²⁴⁴.

Этот взгляд на литературу сделал писателя главным лицом в обществе, «именно под его влиянием литература приобрела в нашей жизни такое колоссальное значение»²⁴⁵. Роль литературы в формировании духовной жизни общества сильно возросла: «Не знать ее, не любить ее, не интересоваться ею – это значило с того времени стать отщепенцем своего общества и народа, ненужным отбросом родной истории, узким и невежественным эгоистом, которому никто не нужен и который сам никому не нужен»²⁴⁶. Таким образом, Розанов обращает внимание на литературоцентризм русского общества, который, по его мнению, сформировался именно в 1860-е гг.

---

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Там же.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же. С. 235-236.

²⁴³ Там же. С. 236.

²⁴⁴ Там же. С. 238.

²⁴⁵ Там же. С. 236.

²⁴⁶ Там же.

Этот период связан для Розанова, прежде всего, с именем Н.А. Добролюбова, деятельность которого «вошла органическим звеном в духовное развитие нашего общества»²⁴⁷. Добролюбов повлиял на несколько поколений, которые усвоили и его душевный склад, и направление его мыслей. Именно в силе этого влияния, в противопоставлении жизни и книжной мудрости и состоит, по мнению Розанова, положительная сторона деятельности Добролюбова: «К нему примыкали все наши надежды, вся любовь и всякая ненависть»²⁴⁸. Однако результаты его деятельности все-таки отрицательные. Добролюбов через критику влиял на литературу и, таким образом, формировал «желания общества», то есть общественное мнение. Почти все литературные оценки, сделанные Добролюбовым, Розанов считает ложными. Причину этого Розанов видит в характере критика: «Натура всего менее рефлексивная и пассивная, он совершенно неспособен был, отрешившись от себя, подчиниться на время произведению, которое ему нужно было понять, войти в мир образов и идей его творца»²⁴⁹. Точно так же из характера Добролюбова Розанов выводит полное расхождение критики и литературы, характерное, по его мнению, для второй половины XIX в.: «... не будучи способен понять что-либо разнородное с собою, Добролюбов подчинил своему влиянию все третьестепенные дарования»²⁵⁰. В результате произошли «упадок критики и обращение почти всей литературы в тенденциозную – с одной стороны; отделение от этого течения и совершенно свободное, вне всякой зависимости от критики, развитие нескольких самобытных дарований – с другой»²⁵¹. К третьестепенным дарованиям Розанов относит Марков-Вовчок, Некрасова и Салтыкова-Щедрина, к великим самобытным дарованиям – Достоевского, Островского, Гончарова, Толстого.

Добролюбов, по мнению Розанова, породил целую плеяду своих более слабых подражателей, которые, в свою очередь, послужили причиной появления еще более слабых прозаических и стихотворных произведений. Это направление, считает Розанов, полностью пришло в упадок в современный ему период. Критика теперь существует только в виде традиционного отдела периодических изданий, «чего-либо ведущего, направляющего, какой-либо внутренней силы в ней не осталось и следа»²⁵². Писатели, не подчинившиеся этой критике, составили второй поток литературного процесса. Каждый из них, и это очень важно для Розанова, прежде всего глубоко

---

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Там же. С. 237.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Там же.

²⁵² Там же. С. 238.

индивидуален и самобытен. Неприятие их критикой Розанов считает далеко не случайным: «... когда общество зачитывалось их произведениями, несмотря на злобное отношение к ним критики, а одобряемых ею романов и повестей никто не читал – критике невозможно было не почувствовать всей бесплодности своего существования»²⁵³.

Выделяя третий период, Розанов отступает от принципа хронологии. Впоследствии в примечании 1913 г. к письму Страхова от 26 августа 1890 г. Розанов отмечает, что ошибочно отнес Аполлона Григорьева к третьему периоду. Главной чертой этого периода Розанов называет научность. Критика поставила перед собой задачу объяснить и истолковать литературное произведение. Эта цель достигалась двумя путями: «... во-первых, раскрытием существенных и своеобразных черт в каждом литературном произведении и, во-вторых, определением его исторического положения, то есть органической связи с предыдущим и отношения к последующему»²⁵⁴. К этому периоду относится деятельность Аполлона Григорьева, продолжателем и истолкователем идей которого Розанов справедливо считает Н.Н. Страхова.

1.3.2. Розанов о Белинском

В статье «Три момента в развитии русской критики» (1892) Розанов называет деятельность Белинского высшим выражением первого, эстетического, периода русской критики. Именно в этом и состоит основное значение его деятельности, которое останется непреходящим, так как выяснение эстетических достоинств произведений – это одна из самых важных задач критики: «Знать, что именно следует ценить в ней и чем пренебрегать, - это значило для общества начать ею воспитываться и для писателей – стать относительно других литератур в положение оценивающего зрителя, а не слепого подражателя»²⁵⁵.

Белинский, по мнению Розанова, обладал величайшей чуткостью к красоте в ее единичном, индивидуальном проявлении. Однако при этом ему не доставало способности к теоретическим обобщениям. Белинский мог безошибочно определить, что в литературном произведении хорошо и что плохо, но не смог вывести «никакого общего мерила для прекрасного, никакого постоянного критерия для отделения в

---

²⁵³ Там же. С. 239.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же.

литературных произведениях хорошего от дурного»²⁵⁶. Это представляется Розанову большим недостатком деятельности Белинского.

Статья «50 лет влияния (Юбилей В.Г. Белинского – 26 мая 1898 г.)» посвящена пятидесятилетию со дня смерти критика. Так как написана она после изменения у Розанова некоторых основополагающих принципов подхода к литературе, то в ней по сравнению с предыдущей статьей акценты расставлены совершенно по-другому. На первый план выходят стихийность Белинского, его идеальность, то есть оторванность от жизни, и устремленность в мир трансцендентного.

В самом начале статьи Розанов сопоставляет Белинского с Рудиным, то есть жизнь снова оказывается тесно связанной с литературой – одно явление прямо соотносится с другим. Главное значение Белинского Розанов видит в том, что он был «основателем практического идеализма в нашем обществе»²⁵⁷, а также в силе и в продолжительности его влияния. В судьбе Белинского, считает Розанов, биография удивительно совпала с его миссией: «Он был один, совершенно один: только светлая голова, только руки; кровь <...> температуры 100° и пульс 200 ударов в минуту»²⁵⁸. Очень важным Розанову кажется то, что Белинский не окончил университет, – этот факт подтверждает его наблюдения над недостатками образования, приводящего к усредненности.

Всероссийская известность и огромное влияние на общество соединяются в Белинском с полным отсутствием уверенности в завтрашнем дне. Его деятельность Розанов называет «горением», которое, по его мнению, было «чисто “человеческим”, “духовным”, почти без примеси извне подбрасываемых дров»²⁵⁹. Именно в отсутствии связи с волнующими обычных людей земными проблемами и видит Розанов суть деятельности Белинского: «... тайна Белинского и сущность его души, его миссии и была совершенная несвязанность ни с какими формами быта, практики: в чистейшем веянии, и не “по” земле, а “над” землею»²⁶⁰. Совершенно другое направление в русской литературе представлено Толстым, Достоевским и отчасти Гоголем и Лермонтовым, которые обратились уже к «самосветящимся земляным частицам»²⁶¹.

В отличие от статьи 1892 г., в которой главную заслугу Белинского Розанов видит в применении к русской литературе эстетического критерия, здесь этот момент отступает на второй план. На первый же выходит именно практический идеализм

---

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Розанов В.В. 50 лет влияния // Розанов В.В. Легенда... С. 300.

²⁵⁸ Там же. С. 300-301.

²⁵⁹ Там же. С. 302.

²⁶⁰ Там же. С. 301.

²⁶¹ Там же. С. 305.

Белинского: «Он именно все "светлое" возлюбил и ко всему ему, в полном очерке, возбудил надолго светлые и именно практические усилия»²⁶². Теперь наиболее значимым результатом деятельности Белинского становится то, что он «зажег идеализм в "рабских" слоях нашего общества и надолго сделал невозможным обратное впадение этих слоев в "вино" и всяческую житейскую "грубость"»²⁶³. Теперь родоначальниками эстетического направления русской критики становятся Боткин и Грановский, а Белинский остается в первую очередь практиком, а не теоретиком: «От него пошло именно все идеальное в практике, как и он сам был человек, который сейчас же бы променял слово на всякое открывшееся возможное дело...»²⁶⁴. Белинского последнего периода его деятельности обвиняют в измене эстетическому принципу, но Розанов с этим обвинением не согласен. По его мнению, никакой измены не было, просто от прекрасного в литературе Белинский обратился к прекрасному в жизни: «Прекрасно думать "прекрасное" и еще прекраснее его "совершать"»²⁶⁵. Поэтому и протест Белинского оказывался, по мнению Розанова, более мягким и человеческим, чем протест Добролюбова.

Розанов отмечает, что «Белинский все любил издали, и потому все, облитое им любовью, облито особенно страстно»²⁶⁶, вследствие чего его идеализм до конца остался «беспримесно-книжным» и теоретическим. Розанов также соглашается с мнением Гончарова, который указывал в своей статье, что Белинский был очень образован и, тем не менее, всю жизнь продолжал учиться. Еще и в этом Розанов видит причину влияния статей Белинского на русское общество: «... именно этим "учащимся" своим тоном, тоном безмерно пытливого и недоверчивого к себе ученика, - они и производят такое заражающее действие; от этого течет их воспитательное значение»²⁶⁷. Однако труды Белинского имеют не только воспитывающее, но и просвещающее значение: «Он от "Литературных мечтаний" и до последних годовых обзоров текущей литературы остался неумолчным борцом за свет вообще "идеи" против грубости косной "глины", "красной земли", где еще не веет "дух Божий"»²⁶⁸. Розанов отдает себе отчет в существовании определенных противоречий в концепции Белинского, однако гораздо важнее для него те принципы, которые одушевляли его деятельность: «... важно и вечно, что в каждую минуту бытия своего он горел к

---

²⁶² Там же. С. 302.

²⁶³ Там же.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Там же. С. 303.

²⁶⁶ Там же. С. 304.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Там же.

лучшему и что лучшее это было для него “умственный”, “духовный”, “образовательный” свет против косного лежания, против великой оцепенелости его родины»²⁶⁹.

Если в статье «Три момента...» Розанов считал значение Белинского непреходящим, то здесь его деятельность оказывается явлением, в первую очередь, историческим: «Умственное наследие Белинского уже подернулось археологическою ветхостью»²⁷⁰. Его идейное влияние на общество ограничивается теперь годами ученичества. Однако Розанов продолжает очень высоко оценивать значение личности Белинского: «Ничего не умерло в чертах его нравственного образа, и в них он несет столько значения, что стал вечно нужным существом...»²⁷¹. Основные черты Белинского, благодаря которым он продолжает сохранять свое значение, - это смирение, бесформенность, одухотворенность. Розанов называет Белинского одной из самых видных фигур XIX в. и противопоставляет его Карамзину, влияние которого закончилось сразу после его смерти.

В следующий раз Розанов обращается к фигуре Белинского опять в связи с юбилеем – столетием со дня рождения критика. В статье «В.Г. Белинский» Розанов отчасти повторяет, а отчасти и развивает идеи, высказанные им в статье «50 лет влияния». Прежде всего, это мысль об историческом значении деятельности Белинского. Розанов пишет свою статью как последнее живое воспоминание о критике, поскольку через сто лет, считает он, Белинский будет практически забыт: «Двухсотлетие рождения Белинского если и будет когда-нибудь праздноваться, то уже с таким ощущением археологичности, старины, чего-то “быльем поросшего” и всеми забытого, что жутко и представить себе»²⁷².

В этой статье Розанов видит основное значение деятельности Белинского в воспитании юношества: «Он был друг, великий и прекрасный, наших гимназических дней; у других – студенческих; но вообще – друг поры учения, самого впечатлительного возраста, первых убеждений»²⁷³. В связи с этим Розанов вспоминает о своих гимназических годах, когда он от руки переписал «Литературные мечтания» Белинского, которые произвели на него очень большое впечатление: «... слог его, мысли, пафос, этот летучий язык, обернувшийся около стойких предметов и поваливший их, очаровал, обворожил меня»²⁷⁴. Именно Белинский заставлял

---

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же. С. 305.

²⁷¹ Там же. С. 306.

²⁷² Розанов В.В. В.Г. Белинский // Розанов В.В. О писателях... С. 501.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ Там же.

задуматься о судьбах России, делал мальчика гражданином, то есть «сознательным человеком, волнующимся всеми волнениями России, ее будущего, ее прошлого, ее литературы, ее гражданского и политического бытия»²⁷⁵. Влияние Белинского на гимназистов было всеобъемлющим и всемогущим: он был «не только критиком, но каким-то “духовником”, к суду которого мы относили свои поступки, к суждению которого относили свои зарождавшиеся мысли»²⁷⁶. По мнению Розанова, один Белинский сделал для просвещения России больше, чем все министерство просвещения. Розанов называет Белинского учителем жизни и первой идейной энциклопедией. В этой статье главную заслугу Белинского Розанов видит в том, что «личным своим волнением он взволновал всю Россию»²⁷⁷. До этого русское общество зачитывалось Пушкиным, однако эстетическое наслаждение, по Розанову, является по своей природе тихим и спокойным. Более того, этого волнения не внесли в общественную жизнь ни Грибоедов, ни Лермонтов, ни Гоголь. Белинский же «поднялся и начал учиться, так пламенно, как немногие во всемирной истории: и все за ним вскочили и бросились к книгам, журналам, своим, переводным, учась и учась с его же пламенностью»²⁷⁸. То есть Белинский повлиял на Россию своим примером, заразил русское общество своей страстью к познанию.

Белинский «критически осветил всю русскую литературу до него и ему современную, и верно, чутко, гениально отгадал только что начавших при нем выступать новых писателей...»²⁷⁹. На это же значение Белинского Розанов указывал в статье «Три момента...», однако здесь оно отходит на второй план. По мнению Розанова, выполнить эту задачу мог бы и кто-нибудь другой, однако «волнующего и возбудительного его значения никто не мог заменить»²⁸⁰. Более того, влияние Белинского продолжается и до современного Розанову исторического момента: «Его лихорадкой даже и до сих пор продолжает лихорадить общество»²⁸¹. Именно это волнение и помешало Белинскому стать настоящим критиком. На самом деле, утверждает Розанов, лучшая критическая статья во всей русской литературе – это «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенева, «Мильон терзаний» Гончарова серьезнее и интереснее статей Белинского, и даже краткие высказывания Пушкина намного ценнее всего написанного критиком. Розанов считает критику Белинского безнадежно

---

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Там же. С. 502.

²⁷⁷ Там же. С. 503.

²⁷⁸ Там же.

²⁷⁹ Там же. С. 503-504.

²⁸⁰ Там же. С. 504.

²⁸¹ Там же.

устаревшей, главным образом потому, что он никак не мог повлиять на восприятие и интерпретацию реалистических произведений более позднего периода: «"Натуральная школа" русской литературы принесла в себе так много новой зрелости, что Белинский из "вечно молодого" стал невольно и неодолимо превращаться в "наивного"»²⁸².

Однако влияние Белинского было не только положительным, в нем есть также и отрицательные черты: «... с ним мы разучились несколько постигать суть реальных вещей, потеряли несколько вкус к ним; потеряли их осязание, потеряли их обоняние»²⁸³. Просвещающее значение Белинского, считает Розанов, свелось только к разговорам и потому не имело никакого практического результата. Отношение Розанова к периодической печати продолжает оставаться отрицательным: «... то общество духовно погибло бы, нравственно погибло бы, для будущего погибло бы, в котором вдруг все члены обратились бы в "газетный народ" с этим талантом "говорить сколько угодно"»²⁸⁴. И то, что Белинский был в первую очередь журналистом, дает Розанову повод назвать его деятельность плоской, хотя и гениальной. Роль Белинского перестает быть прогрессивной, а, наоборот, становится задерживающей именно потому, что в нем присутствует идеальность: «Какого-то "корешка" в нем не было, - "уходящего в землю"»²⁸⁵. Увлечение русского общества Белинским Розанов сравнивает с первой идеальной любовью, которая никогда «не исчерпывает жизни»²⁸⁶.

Таким образом, к концу статьи воспитательное значение деятельности Белинского отступает на второй план и актуализируется именно практический идеализм критика. Так как Розанов оценивает его отрицательно, это заставляет его фактически пересмотреть свое мнение о Белинском, и, начав статью с признания заслуг критика, он заканчивает ее обвинениями в безжизненности. Логическим продолжением этой интерпретации является другая юбилейная статья Розанова - «Вековая годовщина», которая была написана в то же время и опубликована в «Русском слове» под псевдонимом В. Варварин. Видимые противоречия двух статей отчасти объясняются тем, что Розанов отдельно доводит до логического завершения два изначально связанных положения своей интерпретации.

В этой статье Розанов подчеркивает, прежде всего, книжный характер идей Белинского, противопоставляя мир книг миру обычных человеческих страстей и устремлений: «Мальчик "ушел из дому", - не буквально, а духовно: он ушел в "странствие по книгам", и с ними - в странствие по странам, временам, народам,

---

²⁸² Там же.

²⁸³ Там же.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Там же. С. 507.

²⁸⁶ Там же.

культурам»²⁸⁷. Ничего интересного в прошлом России Белинский не находит, привлекает его только фигура Петра Великого. Розанов считает Белинского новым типом человека в русской истории: «Он был отовсюду “изгой”; он был глубоко один. “Изгой” из дома, с которым его не “роднило” ничто; из университета...»²⁸⁸. Белинский был связан только с миром книг, «все реальные связи его с действительностью были тусклы, не крепки, не интересны (для него)»²⁸⁹. Розанов дает ему определение «великий книжник» и в этом определении видит и значение его деятельности, и ее ограниченность. Фактически здесь повторяются и развиваются далее обвинения, высказанные в адрес критика в статье «В.Г. Белинский». Розанов сопоставляет Белинского с Гутенбергом, так как Белинский, по его мнению, впервые в России «доказал книгу и оправдал книгу»²⁹⁰.

В статье «50 лет влияния» Розанов писал о том, что Белинскому нельзя поставить памятника, поскольку его идеи еще продолжают действовать на русское общество: «... около него еще бьются сердца, волнуются страсти»²⁹¹. Через 13 лет поставить такой памятник оказывается вполне возможным, и Розанов даже делает своеобразный набросок этого памятника: «... взъерошенный, с сухощавой фигурой, впавшими щеками, он вскочил с дивана <...> и, обращаясь с взглядом, и пламенным, и негодующим, вниз, к зрителям, толпе, народу, к ученикам, студентам, к самим “господам профессорам”, он ударяет сухощавым пальцем, согнутым в суставе, <...> - в переплет книги, которую держит другою рукой»²⁹². Книга стала для Белинского религией, считает Розанов, и поэтому он сравнивает Белинского с религиозными реформаторами – Лютером и Кальвином. Розанов как бы примеривает критику разные маски, пытаясь как-то определить феномен Белинского. То особенное, что было в Белинском, по мнению Розанова, не повторилось больше ни в ком, хотя многие другие критики писали лучше: «Грановский писал изящнее его; Герцен писал красивее, разнообразнее, сильнее; по тону, по стилю – Добролюбов был сильнее его; Чернышевский был подвижнее, еще живее, разнообразнее»²⁹³. Но дело в том, что Белинский был прирожденным лидером: «Это и есть личность, первоначальная, первозданная, “верховодящая” в истории, которая всех заражает; все за нею следуют и хотят следовать, и сама она учит с таинственным прирожденным правом – учить,

---

²⁸⁷ Розанов В.В. Вековая годовщина // Розанов В.В. О писателях... С. 509.

²⁸⁸ Там же. С. 510.

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Там же. С. 511.

²⁹¹ Розанов В.В. 50 лет влияния // Розанов В.В. Легенда... С. 306.

²⁹² Розанов В.В. Вековая годовщина // Розанов В.В. О писателях... С. 511.

²⁹³ Там же. С. 512.

руководить, указывать путь»²⁹⁴. Белинский был именно реформатором, и его значение в том, что без него русское общество было бы другим. Однако влияние Белинского, основанная им «церковь», кончается там, где начинается «толща жизни», поэтому Розанов противопоставляет Белинскому Аполлона Григорьева и его почвенные веяния.

Характеризуя идеи Белинского, Розанов отмечает, что это идеи несамостоятельные, переработанные: «В них вовсе не чувствуется своего, непосредственного, личного впечатления; не чувствуется своего осязания, своего глаза, своей прицелки к действительности, своей работы над действительностью»²⁹⁵. Недостаток Белинского в том, что он «жил вне государства, родины, народности, в сущности, - вне истории, кроме идейной, литературной», он жил «на почве, но без всякой связи с почвою»²⁹⁶. Розанов снова повторяет мысль о плоскости Белинского, отчего личность критика оказывается действительно незначительной в отличие от фигур Гоголя и Лермонтова. Гоголь и Лермонтов в этом контексте возникают не случайно, Розанов обвиняет критика в «отсутствии обоняния вещей» и, следовательно, в отсутствии «колдовского начала», которое в полной мере присутствовало у этих двух писателей. Белинский увлек всех оттого, что был «костью от кости “всех”»²⁹⁷, и это увлечение имело положительное значение: «... для истекшего времени, с его грубостью, бескнижностью, неуважением к книге и к идеям, это было высочайше просветительно и высочайше необходимо»²⁹⁸.

В 1914 г. в статье «Споры около имени Белинского» Розанов снова обращается к этой проблеме. Статья появилась в связи с выходом книги Ю.И. Айхенвальда «Спор о Белинском» и с полемикой вокруг нее. Отношение к этим спорам у Розанова двойственное: с одной стороны, он во многом согласен с упреками Айхенвальда в адрес Белинского, с другой стороны, по его мнению, вообще не следовало поднимать этого вопроса из соображений нравственного порядка.

Отношение Розанова к Белинскому, по его собственному признанию, менялось от восторженного восхищения в гимназии до равнодушного в университете и после него: «... мне было просто скучно читать Белинского, и скучно читать о Белинском, и скучно – разговаривать о Белинском»²⁹⁹. Причину этого Розанов видит в бессодержательности и ненужности эстетического метода. Его в юности увлекали не мысли Белинского, а «рождение в себе другой души, новой и лучезарной, которой

---

²⁹⁴ Там же.

²⁹⁵ Там же. С. 514.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Там же. С. 515.

²⁹⁸ Там же.

²⁹⁹ Розанов В.В. Споры около имени Белинского // Розанов В.В. О писателях... С. 586.

восприимчиком был Белинский»³⁰⁰. Белинский со своим «практическим идеализмом» был противоположен стихии провинциального быта: «Он расторгал этот “дождь действительности”, “дождь будней”, исторических будней, и всякую душу вводил в необозримый мир, который можно назвать обобщенно “идейностью”»³⁰¹. И хотя Белинский занимался только критикой, но эта критика включала в себя и политику, и социологию, и философию.

Русские критики, считает Розанов, были всегда в сущности философами, пусть и немного «кустарными». Розанов полагает, что это закономерное следствие исторических обстоятельств, так как из-за отсутствия в России многовековой культуры приходится создавать все практически на пустом месте. Белинский во всем ошибался, по мнению Розанова, но он был первым, кто обладал «живым и деятельным своим умом, умом закругленным и (по темам) универсальным, он стал “критически изучать” все вещи, изучать их “по поводу”, - пытаясь об их “основательности”, разумности и благости»³⁰². Именно это теперь становится у Розанова причиной волнующего и воспитательного воздействия деятельности Белинского, у которого имелся какой-то врожденный метод нравственного воспитания. Он научил русское общество добру, дал ему моральный канон, и даже его эволюция научила общество немедленно бросать все, что оказывается ложным: «Он положительно “наложил свой образ” на “всех нас”...»³⁰³. И пусть Белинский заблуждался, но именно от него пошел «тип “вечного странника” и “бездомного скитальца” на Руси, который ищет в неопределенных и безбрежных чертах чего-то “лучшего, чего еще нет”, и “правды, которая не осуществлена”»³⁰⁴.

В статье «Белинский и Достоевский», написанной в то же время, Розанов продолжает рассуждать на эту тему. Среди ниспровергателей Белинского, предшественников Айхенвальда, Розанов называет Страхова, Аполлона Григорьева и Достоевского. Все они считали Белинского неглубоким, незрелым и излишне самоуверенным писателем. Значение Айхенвальда, считает Розанов, не настолько велико, чтобы противопоставлять его Белинскому: «Нужно брать соизмеримые, равнозначашие величины и силы, нужно брать действительные соперничества в идейном и духовном мире»³⁰⁵. Такой величиной Розанов считает Толстого и Достоевского.

---

³⁰⁰ Там же. С. 587.

³⁰¹ Там же. С. 588.

³⁰² Там же. С. 589.

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ Там же. С. 590.

³⁰⁵ Розанов В.В. Белинский и Достоевский // Розанов В.В. О писателях... С. 592.

Достоевский назвал Белинского тупым, и Розанов соглашается с этим определением, реализуя в своем рассуждении прямое значение этого слова: «Страшная и смертная часть Белинского заключается именно в недостаточной даже для его времени остроте глаза, остроте восприимчивости вообще и в недостатке остроты ума и вкуса»³⁰⁶. Кроме того, у Белинского не было оригинальности ни в уме, ни в характере. Тем не менее его личность стала целым явлением в жизни русского общества. Розанов сравнивает Белинского с Лютером как с носителем «бродильного идейного начала», а изменения, внесенные им в жизнь русского общества, называет своеобразной реформацией: «Он есть основатель литературного и идейного скитальчества и бродяжничества на Руси, русских “умственных неудач и исканий”...»³⁰⁷. Белинский является прямым предшественником 60-х гг.: «Белинский основывает линию и традицию общественного негодования и общественного отмищения, которая к нашему времени сделалась омерзительной, но лет тридцать после Белинского была воистину прекрасной»³⁰⁸. Именно последствия деятельности Белинского и названы Достоевским «чем-то смрадным и тупым». В результате своих рассуждений Розанов приходит к выводу, что «Белинского нет возможности читать, и нет возможности о нем думать, и нет возможности серьезно бороться с его “традицией”»³⁰⁹. В конечном итоге эта традиция потребовала упрощения личности, так как обществу оказался нужен не ум, а только честные убеждения, поэтому в современную ему эпоху, замечает Розанов, традиция Белинского выродилась окончательно. Тем не менее Айхенвальд не прав в том, что поднял эту тему: «Тишина да будет всегда около могил»³¹⁰.

1.3.3. Отношение Розанова к идеям 1860-х гг. Добролюбов и Чернышевский

Очень важной в начале 1890-х гг. оказывается для Розанова полемика с идеями революционных демократов. Он с удовлетворением отмечает, что идеи этого поколения уходят в небытие: «... дети, возвращенные ”людьми шестидесятых годов”, отказываются от наследства своих отцов, от солидарности с ними и идут искать каких-то новых путей жизни, другой ”правды”, нежели та, к которой их приучали так долго и так, по-видимому, успешно»³¹¹. Главное, в чем упрекает Розанов людей, принадлежащих к этому поколению, - это недооценка человеческой личности,

---

³⁰⁶ Там же.

³⁰⁷ Там же. С. 594.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Там же. С. 599.

³¹⁰ Там же. С. 600.

³¹¹ Розанов В.В. Почему мы отказываемся от «наследства 60-70 годов»? // Розанов В.В. Легенда... С. 159.

принесение индивидуальных интересов человека в жертву отвлеченной идее: «И если мы видели, как опять и опять человек рассматривается только как средство, если мы с отвращением заметили, как таким же средством становится и сама истина, могли ли мы не отворотиться от поколения, которое все это сделало?»³¹² Чуть позже, в 1899 г., Розанов снова напишет о преодолении этих идей, осуществленном декадентами и символистами: «... это – реабилитация плоти, ставшей изможденной после 30 лет "свободы"; это торжество "личности" над средой, это – "дети", вдруг оказавшиеся импотентными породить внуков. Наказание слишком скоро последовало за преступлением»³¹³.

В статье 1898 г. «50 лет влияния», посвященной Белинскому, Розанов сравнивает с ним Добролюбова. По его мнению, Добролюбов был утонченнее, страстнее и сильнее Белинского. Но хотя его деятельность была глубже деятельности Белинского, и для нее в первую очередь характерна односторонность: «... она была гораздо более груба и материальна по целям, движению, объектам усилий»³¹⁴. Слово из предмета игры вдруг стало оружием.

К концу 1900-х гг. отношение Розанова к идеям 1860-х гг. несколько меняется. Статья «Юбилейное издание Добролюбова» (1911) посвящена выходу первого полного собрания сочинений Добролюбова. Сначала Розанов критикует форму издания, которое, по его мнению, не соответствует ни духу эпохи, ни сути деятельности Добролюбова, который заслуживал бы более «изящного, стильного издания, непременно небольшими томами, с заставками, с рисунками на обложке, где можно же было бы выразить дымную и пламенную атмосферу тех лет исторической России...»³¹⁵ Розанов называет Добролюбова маяком времени. Он сравнивает критика с Чернышевским и отмечает, что Добролюбов был менее разнообразен и менее талантлив, но зато более чист душой и, помимо этого, он не был ни славолубив, ни честолюбив.

Критику Добролюбова Розанов называет реальной и публицистической. И это, считает он, соответствовало задачам того времени – эпохи реформ и освобождения крестьян. Добролюбов выражал идеи и стремления всего общества, поэтому Розанов сопоставляет его с поэтом-пророком из стихотворения Лермонтова «Кинжал», в результате чего правда оказывается на стороне именно Добролюбова, а не полемизировавших с ним Достоевского и Страхова. Розанов отмечает, что значение

---

³¹² Там же. С. 168.

³¹³ Розанов В.В. Эмбрионы // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 225.

³¹⁴ Розанов В.В. 50 лет влияния // Розанов В.В. Легенда... С. 303.

³¹⁵ Розанов В.В. Юбилейное издание Добролюбова // Розанов В.В. О писателях... С. 556.

критики Добролюбова осталось в прошлом, однако он по-прежнему остается важным благодаря своему писательскому мастерству: «Он умер как критик, но как “писатель” он не умер и не умрет. За силу свою, за упор, за значительность»³¹⁶.

Совсем по-другому Розанов оценивает деятельность Чернышевского. Статья «Когда-то знаменитый роман» (1905) написана по поводу переиздания романа Чернышевского «Что делать?». Розанов вспоминает о чтении этого романа в пятом классе гимназии и признает, что написан он «свежо, ярко, молодо, с верою дело», но устарел чуть ли не сразу же после своего появления. Самое примечательное в романе Чернышевского, по мнению Розанова, – это попытка преодоления ревности: «... Чернышевский не только отрицал, но резко топтал ногами древнее чувство ревности: то чувство, на котором в сущности единственно держится личный брак, держится семья – как личное и исключительное, как “мое” и еще “ничье” явление»³¹⁷. Однако это осталось всего лишь теорией, поскольку «инстинкты человеческие текут вовсе не из убеждений, не из теорий»³¹⁸. И в то же время Розанов полагает ревность чувством эгоистическим и собственническим, которое не существовало у невинных первобытных народов и которое удастся преодолеть некоторым людям в эпоху, современную Розанову. Заслуга Чернышевского как раз в том и состоит, что он «очень наивно, очень грубо, очень деревянно» указал на существование в обществе не только моногамной, но и полигамной семьи.

Современники после появления романа Чернышевского испугались развала семьи, но никакого развала не произошло именно потому, по мнению Розанова, что полигамный тип семьи существует изначально и занимает в обществе свое особое, строго определенное место. Более того, в среде интеллигенции наиболее распространен именно тип моногамной семьи: «... сколько я наблюдаю много лет, нигде тип семьи, моногамически-верный, ”по типу лебедя”, не укрепился так, как именно в квартирках, где большая фотография Чернышевского висит среди разных Марксов и других ”страшилищ”, среди домашнего “иконостаса”»³¹⁹. Таким образом, Чернышевский как писатель и критик Розанова не интересует, эта фигура оказывается всего лишь поводом порассуждать о волнующих его проблемах.

---

³¹⁶ Там же. С. 557.

³¹⁷ Розанов В.В. Когда-то знаменитый роман // Розанов В.В. О писателях... С. 184.

³¹⁸ Там же. С. 185.

³¹⁹ Там же. С. 192.

1.3.4. Розанов и Аполлон Григорьев

Имя А.А. Григорьева в первой книге Розанова «О понимании» не встречается. На его значение внимание Розанова обратили труды Страхова и переписка с ним. Григорьева, по Розанову, отличает «обилие мысли и богатство собственных, уже пережитых, настроений»³²⁰. Эти качества позволили критику «понять и своеобразие каждого литературного произведения, и внутреннюю, духовную связь многих из них между собою»³²¹. Розанов сожалеет о том, что наряду с внутренней глубиной Григорьев не обладал блестящим литературным стилем – «теми внешними качествами блестящего изложения, остроумия или игривой шутки, которые так привлекают к себе читателей»³²². Поэтому публика не сумела понять его идеи. По мнению Розанова, перевес Добролюбова над Григорьевым был «собственно перевесом литературного стиля над мыслью»³²³. Сравнивая Григорьева с Белинским, Розанов отмечает, что Григорьев был осторожнее в суждениях и дальновиднее Белинского. Однако это не личная заслуга критика – просто изменилась эпоха, накопился новый «опыт фактов и психического развития»³²⁴. Белинский понимал все, что было в его время, Григорьев и Страхов же, которых Розанов объединяет, поняли и разобрали только то, чего в их время было с избытком, значит, им была доступна ограниченная часть русской действительности. Такая оценка критического наследия связана с тем, что в это время (1898) у Розанова изменились основные принципы построения критической концепции. Именно поэтому ранее очень важные для Розанова фигуры Аполлона Григорьева и Страхова уходят на второй план, а на первом оказываются Белинский и «страстный», то есть стихийный, Добролюбов.

В статье «К 50-летию кончины Ап.А. Григорьева» (1914) Розанов снова возвращается к своей первоначальной оценке и называет Григорьева «самым вдумчивым и самым глубокомысленным из наших литературных критиков»³²⁵. Его идеи представляются Розанову истинными. Наиболее важными его статьями Розанов считает «О правде и искренности в искусстве», «Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства», «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», «Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина», «Парадоксы органической критики». Также Розанов выделяет сделанные

---

³²⁰ Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В.В. Легенда... С. 239.

³²¹ Там же.

³²² Там же.

³²³ Там же.

³²⁴ Розанов В.В. 50 лет влияния // Розанов В.В. Легенда... С. 303.

³²⁵ Розанов В.В. К 50-летию кончины Ап.А. Григорьева // Розанов В.В. О писателях... С. 600.

критиком разборы произведений Тургенева, Островского, Гоголя, Лермонтова и Грибоедова.

Григорьев был «выброшен из литературы русской в качестве “несогласно мыслящего”» критическим направлением, к которому принадлежали Добролюбов, Чернышевский и Писарев. Теперь к этому направлению Розанов относится крайне отрицательно как к разрушителям эстетики и уничтожителям Пушкина. Розанов обвиняет Чернышевского и Добролюбова в ограниченности: «Для Чернышевского “вне Чернышевского” не было России, и для Добролюбова “человеческий разум” оканчивался там, где не читался “Современник”»³²⁶.

Главное в Григорьеве для Розанова – это «безмерная любовь к словесному искусству»³²⁷, которая лежит в основании всех его критических работ. То, что Григорьев сам был поэтом, помогало ему «страстно чувствовать поэтические и художественные образы»³²⁸. Кроме того, критик обладал большими познаниями в русской и мировой литературах, его мысль была полностью самостоятельной. Розанов снова возвращается к своей периодизации истории русской критики, упоминая три этапа ее развития – эстетический, публицистический и органический. Органическая критика в целом и Аполлон Григорьев в частности рассмотрели «словесное художество единичных писателей в свете народных идеалов, как они сложились в зависимости от крови, рода, племени и исторических обстоятельств»³²⁹. Этот подход представляется Розанову наиболее оправданным в отличие от эстетического, который зависит от личного вкуса критика, и публицистического, тесно связанного с интересами литературной партии.

Одна из самых важных заслуг Григорьева – это применение к литературе понятия народности, которая была для критика выражением стихии русской души, умением «через конкретный образ передать вечное начало этой души»³³⁰, и разработка понятий почвы и почвенности. Более того, в этой статье Григорьев становится у Розанова вдохновителем Первой мировой войны: «... мы пошли на Германию и Австрию, добывая отчину свою, отчину Владимира Святого и Ярослава Мудрого, - исполняя, хотя и неведомо для себя, исторические и культурные грезы этого благородного писателя»³³¹. Таким образом, в конце своего творческого пути Розанов

---

³²⁶ Там же. С. 601.

³²⁷ Там же.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же.

³³¹ Там же.

использует критерии оценки, которые были для него актуальными в первый период его деятельности.

1.3.5. Представления Розанова о народности литературы

Понятие народности литературы, очевидно, сформировалось у Розанова под влиянием Белинского и Аполлона Григорьева. В письме Страхову от 25 ноября 1888 г. Розанов отмечает, что национальная особенность русского народа состоит «в характере нашего отношения к жизни и ее отдельным проявлениям»³³². Именно в этом смысле, как выразитель народного отношения к жизни, оказывается национальным поэтом Пушкин.

В статье «Три момента в развитии русской критики» Розанов отмечает, что впервые прояснил смысл понятия народности на примере поэзии Пушкина Аполлон Григорьев: «... впервые же становится понятно, как много нужно было сил, чтобы стать народным поэтом и к каким это привело результатам»³³³. Подход Григорьева – «сведение всего вопроса на психическую почву» - Розанов считает глубоко философским. Григорьев рассматривает разные народы как особые психические типы, которые и отразились в национальных литературах. Кроме этого, на литературу влияет историческое настроение. Таким образом, европейская литература оказывается «совокупностью национальных типов и психических настроений, различных по историческим эпохам»³³⁴. Изучение этой литературы Розанов уподобляет анализу музыкального произведения: «... расчленять эту гармонию на отдельные тоны и следить за звуком каждого из них, то заглушаемым, то заглушающим; понимать ее смысл – значит находить в себе и пробуждать к жизни душевное настроение, звучащее во всяком тоне»³³⁵.

Одна из самых важных проблем для русской литературы – определение ее отношения к литературе западноевропейской. Русская литература XVIII в., по мнению Розанова, усвоила себе внешние формы европейской литературы, но сохранила глубокую внутреннюю самобытность, оставаясь, таким образом, вполне национальной: «В комедиях Фонвизина, в одах Державина, в сатирах Новикова, в Феофане Прокоповиче или в Кантемире, несмотря на их чуждое, внешнее убранство, мы слышим тон и звук, которые совершенно национальны, вытекают прямо из духа и

---

³³² Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 184.

³³³ Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В.В. Легенда... С. 239.

³³⁴ Там же. С. 240.

³³⁵ Там же.

жизни своего времени и народа»³³⁶. Ту же самую тенденцию Розанов видит и в увлечении русского общества всем европейским: «Предметами внимания их были создания чужой жизни и истории; но и они, внимавшие, и самое внимание их не заключали в себе ничего привнесенного, были продуктом своей земли и своей истории»³³⁷.

Первым настоящим русским европейцем Розанов считает Карамзина: «В нем первом европейская цивилизация коснулась уже не форм нашего быта, поэтического творчества и мышления, но тронула внутреннее содержание наше, коснулась самой души»³³⁸. Эта тенденция в полной мере отразилась в «Письмах русского путешественника», в которых «впервые склонилась, плакала, любила и понимала русская душа чудный мир Западной Европы...»³³⁹. В дальнейшем эту тенденцию продолжили Жуковский, воплотивший в своей поэзии «дух германских народов», Батюшков, отразивший античность, а также Пушкин и Лермонтов в некоторых своих стихотворениях. В результате литература совершенно отделилась от жизни: «... как факты жизни нашей, дела катились одною стороною, тогда как душа бродила по иным и фантастическим мирам, как будто вовсе ничего не зная об этих фактах и делах»³⁴⁰. Фактически здесь смешались представления о разных литературных направлениях – романтизме и реализме.

В статье «Демократизация живописи» Розанов одобрительно высказывается о демократизации общества, характерной, по его мнению, для конца XIX в., так как эта тенденция позволяет распространить и на народ достижения науки и искусства: «... сущность демократизации в том и состоит, чтобы всякий вкус, всякую тонкость внести в народ, а не "смаковать" ее в уединении»³⁴¹. И в то же время эта демократизация не должна привести к снижению искусства: «Народ никогда не должен быть *vulgus*, и "народное" не должно состоять в опошлении»³⁴². Личное начало в произведении искусства должно сохраняться: «Сохраняй и закрепляй образ, но позади его станови свет души своей, особенной, уединенной души – души именно художника, который ведь отличен же от других людей, несет на себе печать особенного избрания»³⁴³. К народу в целом Розанов тоже относится как к художнику в своем роде: «Никогда на него [народ] не следует смотреть как на ребенка, или даже как на малолетнего.

---

³³⁶ Там же.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Там же. С. 241.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Там же. С. 242.

³⁴¹ Розанов В.В. Демократизация живописи // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 113.

³⁴² Там же. С. 114.

³⁴³ Там же.

Народная стихия полна серьезности, полна содержательности. Народ пережил и ежеминутно переживает в себе, в частном быту своем, глубочайшие душевные драмы; он чутко наблюдателен; он упорно размышляет»³⁴⁴.

Литературная критика является для Розанова одной из важнейших составляющих литературного процесса. Однако четкого разделения критики и собственно литературы у него не существует. Предъявляя к критическим статьям требования стилистического совершенства, Розанов фактически включает критику в границы литературы. Кроме того, задачи критики в представлениях Розанова довольно близки задачам художественной литературы: точно так же критика, помогая читателям правильно понять литературное произведение, должна их воспитывать и направлять.

Розанов оценивает результаты деятельности критиков, во-первых, с точки зрения их писательского мастерства, во-вторых, по вкладу, сделанному в разработку некоторых философских категорий, в-третьих, по их влиянию на русское общество. По первому признаку самым значимым критиком оказывается Добролюбов, содержание произведений которого, по мнению Розанова, свое значение утратило, а форма продолжает до сих пор оставаться актуальной. Второй признак наиболее интенсивно проявился в статьях Аполлона Григорьева, который внес большой вклад в развитие философского подхода к русской литературе. Третий признак присущ в наибольшей степени деятельности Белинского, оказавшего на русское общество влияние, как считает Розанов, по своему значению сопоставимое с влиянием Гоголя.

---

³⁴⁴ Там же. С. 115.

Глава 2. Русские писатели в критической оценке В.В. Розанова

Разработанная Розановым регрессивная схема исторического развития действует одинаково как для литературы, так и для культуры в целом. Невозможно превзойти прошлые достижения человечества, поэтому современная культура неизбежно оказывается несовершенной. При формировании литературной иерархии в этом случае главным критерием оценки становится удаленность во времени. Согласно этому принципу Розанов, как уже было отмечено во введении, выделяет в русской литературе три эпохи: «золотую», «серебряную» и «медную». Ключевое положение в розановской иерархии занимают Пушкин, Гоголь и Лермонтов: «... весьма возможно в будущих судьбах русской литературы, что мастерство слова трех поименованных художников не будет вообще никогда превзойдено, ибо под пером их, во вдохновениях их духа, русский язык натурально и естественно созрел, завершился»³⁴⁵. За ними следуют Толстой, Достоевский, Островский, Гончаров и Тургенев, для которых характерно меньшее словесное мастерство при более глубоком проникновении во внутренний мир человека. «Форма его бессильна, но зато какое содержание. Этим содержанием, том за томом, глава за главой, он покорила себе мир!»³⁴⁶ - пишет Розанов о Толстом. Современную ему литературу Розанов оценивает достаточно скептически. По его мнению, писатели эпохи конца XIX – начала XX в. не создали произведений, интересных своим формальным или содержательным аспектом.

2.1. Розанов о Пушкине

А.Д. Синявский обращает внимание на восторженное отношение Розанова к Пушкину: он даже не читал его, а «пел, как поют молитвы»³⁴⁷. А.Н. Николукин считает поводом для непосредственного обращения Розанова к творчеству Пушкина полемику критика с В.С. Соловьевым. Исследователь характеризует в целом восприятие Розановым Пушкина как положительное, хотя и указывает на то, что в чем-то Розанов отдает предпочтение Кольцову³⁴⁸. Наиболее близкой Розанову в Пушкине, по мнению исследователя, была интимность, причем критик «видел даже больше этой "интимности", чем было высказано самим поэтом»³⁴⁹. Под интимностью в данном случае Николукин понимает пристальное внимание Розанова к семье и вопросам пола.

---

³⁴⁵ Розанов В.В. На закате дней: Величайший мастер слова // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 224.

³⁴⁶ Там же. С. 226.

³⁴⁷ Синявский А.Д. «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. С. 253.

³⁴⁸ Николукин А.Н. Розанов. С. 183.

³⁴⁹ Там же. С. 189.

С.А. Кибальник в статье «В.В. Розанов "за" и "против" Пушкина» рассматривает концепцию Розанова с точки зрения пушкиниста. Он упрекает критика в излишнем субъективизме и находит, что большинство статей написано Розановым не о Пушкине, а по поводу него. Исследователь отмечает у критика при рано сложившемся общем восприятии Пушкина постоянные сомнения и колебания в оценке творчества и личности поэта³⁵⁰. Первый довод в пользу Пушкина состоит в идеале нормального, здорового развития, второй связан с «многобожием» поэта, но впоследствии именно эти доводы «за» не раз становились доводами «против» Пушкина как признаки его бессодержательности и конформизма. Кибальник приходит к выводу, что Розанов неправильно понял стихотворение «Эхо», так как отклик поэта на всякий звук вовсе не означает, что ему безразлично, какой это звук³⁵¹. Исследователь сопоставляет мнение Розанова о статичности Пушкина с точкой зрения символистов, которым поэт нередко казался слишком простым. Розанов, по мнению автора статьи, пытается «установить границы пушкинской актуальности для художественного сознания XX века»³⁵², так как его не устраивает декларация вечной современности Пушкина при чисто формальном характере поклонения ему. Кибальник отмечает, что отношение Розанова к Пушкину, оставаясь в каких-то своих общих основах константным, изменяло знак в зависимости от эволюции исторической концепции критика. Исследователь находит противоречие в том, что, осудив статью Владимира Соловьева «Судьба Пушкина», сам Розанов в дальнейшем подчиняет поэта своей собственной теории пола. Эта противоречивость представляется автору статьи свойством личности Розанова и «проистекает из чисто художественного ощущения неисчерпаемости жизни во всех ее конечных интерпретациях»³⁵³. Мысль Розанова развивается как художественная тема, и в этом критик оказывается конгениален Пушкину.

Кибальник основывает свою точку зрения на общепринятом мнении о парадоксальности Розанова, что сводит объяснение к простой констатации противоречий. В результате автор находит парадокс там, где его нет, так как критика чужой концепции и дальнейшее выдвижение своей еще менее обоснованной теории не может являться исключительной привилегией В.В. Розанова. Весьма важным, однако, является наблюдение о влиянии символистов с их культом дионисийских стихий и

---

³⁵⁰ Кибальник С.А. В.В. Розанов «за» и «против» Пушкина // Новый журнал. СПб., 1993. № 1. С. 91.

³⁵¹ Там же. С. 92.

³⁵² Там же. С. 93.

³⁵³ Там же. С. 94.

устремленностью к мистическим глубинам на развитие образа Пушкина в критических работах Розанова.

Генриэтта Мондри в статье «А.С. Пушкин – “наше” или “мое”: О восприятии Пушкина В. Розановым» обращает внимание на сознательный субъективизм критика в подходе к творчеству поэта. По мнению автора, Розанов выступает как «читатель-творец, генерирующий личностное восприятие текста и жизни Пушкина»³⁵⁴. Розанову в Пушкине интересно исключительно его отношение к вопросам семьи и сексуальности. Поэтому исследователь считает ключевыми статьи «Кое-что новое о Пушкине» (1900) и «К кончине Пушкина» (1916), а остальные высказывания критика находит ординарными и банальными. По мнению Мондри, между этими двумя статьями, которые явились реакцией на биографический материал, Розанов не проявляет к Пушкину большого интереса³⁵⁵. В первой работе исследовательница указывает на угаданную Розановым ветхозаветную мудрость Пушкина и важность роли семьи в иудаизме, вторая посвящена демонстрации того, как Пушкин-пантеист не выполнил в жизни роль ветхозаветного мужа. Автор статьи считает, что Розанов, используя интересующие его вопросы одновременно в качестве объекта и метода исследования, разрушает биполярность субъективного и объективного³⁵⁶. Мироощущение и философия жизни Розанова сходны, по ее мнению, с восприятием мира таких мыслителей, как Мерло-Понти, Ж. Делез, Ж. Батай.

Точно так же, как Пушкин, согласно представлению автора статьи, служит Розанову исключительно в качестве способа демонстрации своего мировоззрения, которое сводится к теме еврейства и теории пола, для самой Мондри Розанов становится простой иллюстрацией ее собственных выкладок, примером возможности преодоления границы между субъектом и объектом. Поэтому в целях получения стройной и четкой концепции автор статьи и отсекает все другие высказывания Розанова о Пушкине. Духовная сторона интерпретации Розанова оказывается полностью перекрыта его материальным отношением к телу, что значительно сужает возможность адекватного понимания точки зрения критика.

Е.В. Осминина, как уже было указано, рассматривает отношение Розанова к Пушкину как пример мифологизации реальной исторической личности. Пушкин становится культурным героем Розанова, что дает критику возможность расширить рамки своего диалога с миром. Пушкин выступает «посредником между внешним

---

³⁵⁴ Мондри Г. А.С. Пушкин - «наше» или «мое»: О восприятии Пушкина В. Розановым // Вопросы философии. М., 1999. № 7. С. 67.

³⁵⁵ Там же. С. 70.

³⁵⁶ Там же. С. 71.

миром и миром самого автора»³⁵⁷. При таком подходе проблема формирования розановской концепции жизни и творчества Пушкина отступает на второй план, так как категория мифа позволяет снять противоречия отношений субъекта и объекта. Ключевым понятием интерпретации Розанова Осминина считает «пушкинскую гармонию», которая, по мнению исследовательницы, определяет общую тенденцию размышлений Розанова. Однако отказ от принципа хронологии не позволил Осмининой выявить все семантические оттенки, которые Розанов вкладывал в это понятие на всем протяжении своего творческого пути.

Тема Пушкина присутствует в работах Розанова с самого начала его критической деятельности. Розанов постоянно обращается к личности и творчеству поэта, используя его в качестве эталона по отношению к различным явлениям культуры. Имя Пушкина очень часто встречается в статьях, написанных совершенно по другому поводу. Свое отношение к поэту Розанов в «Опавших листьях» определяет следующим образом: «Пушкин... я его ел. Уже знаешь страницу, сцену: и перечтешь вновь; но это – еда. Вошло в меня, бежит в крови, освежает мозг, чистит душу от грехов»³⁵⁸. Он сравнивает стихотворение Пушкина «Когда для смертного умолкнет шумный день» с пятидесятым псалмом и находит, что оно так же «велико, оглушительно и религиозно». Скорее всего, этот фрагмент отражает настоящие чувства Розанова-читателя по отношению к Пушкину-автору. Однако когда Розанов-критик начинает рассуждать о Пушкине-поэте, картина совершенно изменяется.

Несомненно, точкой отсчета для размышлений Розанова о Пушкине явилась знаменитая речь Достоевского. В статье «А.С. Пушкин» (1899 г.) прямо говорится о том, что «все золото мысли и слов» уже было сказано в 1880 г. в Москве при открытии памятника поэту, и остается только «подвести скромно итог тогда сказанному, без претензий на оригинальность и новизну»³⁵⁹. Вероятно, в этот период Розанова устраивает концепция Достоевского, личность Пушкина представляется ему достаточно понятной и не требует дополнительных размышлений. В своем труде «О понимании» (1886 г.) Розанов определяет Пушкина как художника-наблюдателя. Для критика это «всегда цельный человек, чуждый внутреннего разлада, быть может оттого и любящий жизнь и человека, что не чувствует мучительности быть человеком и жить»³⁶⁰. То есть художник этого типа как бы не дорос еще до понимания всей

³⁵⁷ Осминина Е.В. Творение мифа... С. 19.

³⁵⁸ Розанов В.В. Опавшие листья. СПб., 2000. С. 157.

³⁵⁹ Розанов В.В. А.С. Пушкин // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 163.

³⁶⁰ Розанов В.В. О понимании. С.462.

сложности и трагичности бытия. Таким образом, уже в этом утверждении заложена возможность будущего критического отношения к творчеству поэта.

Очень характерно то, что впервые Розанов пытается определить сущность личности и творчества Пушкина для того, чтобы лучше понять Гоголя. В статье 1891 г. «Пушкин и Гоголь» Розанов сравнивает Гоголя с Пушкиным для определения тех изменений, которые внес Гоголь в жизнь русского общества, отклонив ее от «первоначального и естественного направления». Розанов находит, что «Пушкин есть как бы символ жизни: он — весь в движении, и от этого-то так разнообразно его творчество»³⁶¹. Пушкина влечет все живое: «... слова его никогда не остаются без отношения к действительности, они покрывают ее и чрез нее становятся образами, очертаниями»³⁶². В Пушкине нет «ничего напряженного», «никакого болезненного воображения или неправильного чувства». Исходя из этих соображений Розанов делает вывод, что именно Пушкин «есть истинный основатель натуральной школы, всегда верный природе человека, верный и судьбе его»³⁶³. Еще в работе «О понимании» критик задумывался о литературном направлении, к которому можно причислить Пушкина, и пришел к выводу, что творчество поэта относится к периоду, когда литература была «исключительно поэзией» и направлений как таковых еще не существовало. Розанов указывает, что «в «Скупом рыцаре» Пушкина нет ничего ни натурального, ни ненатурального»³⁶⁴. В дальнейшем под «натуральностью» Розанов понимает «естественность, правдивость, сообразность творимого с жизнью и природою человека, какова она есть»³⁶⁵. И именно по этому признаку критик противопоставляет Пушкина Гоголю. Розанов считает уникальной любую человеческую личность, поэтому для него «тип в литературе — это уже недостаток, это обобщение; то есть некоторая переделка действительности, хотя и очень тонкая»³⁶⁶. Он особенно подчеркивает то, что Пушкин не воздействовал на эту «главную драгоценность в человеке»: «любя его поэзию, каждый остается самим собою»³⁶⁷. Творчество Пушкина является для Розанова примером того, каким должно быть искусство: «... поэзия лишь просветляет действительность и согревает ее, но не переиначивает, не искажает, не отклоняет от того направления, которое уже заложено в живой природе самого человека»³⁶⁸.

---

³⁶¹ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Легенда... С. 137.

³⁶² Там же.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Розанов В.В. О понимании. С.465.

³⁶⁵ Там же. С. 466.

³⁶⁶ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Легенда... С. 138.

³⁶⁷ Там же.

³⁶⁸ Там же. С. 137.

В статье 1892 г. «Три момента в развитии русской критики» Розанов интерпретирует те положения речи Достоевского, согласно которым может показаться, что в Пушкине отсутствует «оригинальность, самобытность и, следовательно, какое-либо величие в историческом положении»³⁶⁹. По мнению критика, поэт, не вступая в борьбу с усвоенными формами поэтического творчества, сумел пережить «все душевные настроения, исторически сложившиеся в Западной Европе». Каждое «настроение» казалось Пушкину «окончательным и совершенным», но «ни одно из них не насытило его окончательно, и, когда душа его утомилась всеми ими, он возвратился к народному»³⁷⁰. Еще в работе 1890 г. «Литературная личность Н.Н. Страхова» Розанов называет творчество Пушкина началом движения русской литературы к возвращению самостоятельности и созданию типов и характеров, которые «совершенно гармонируют с душевным складом, до сих пор живущим в нашем простом народе»³⁷¹. В данном случае тип имеет значение «склада» духовной жизни. Розанов подчеркивает «необъятную мощь» пушкинского гения, сумевшего выразить разнообразные «духовные настроения», что не удалось никому «из наших поэтов и художников, начиная от Жуковского и кончая Л. Толстым»³⁷². Таким образом, Розанов переосмысляет утверждение Ф.М. Достоевского об универсальности и всемирной отзывчивости Пушкина как выражении основных качеств русского народа. Для Достоевского Пушкин народен тем, что он одинаково бесстрастно отражает многообразные культурные явления, в интерпретации Розанова Пушкин, пережив увлечение западной культурой, возвратился к тому духовному началу, которое сохраняется в русском народе.

Как можно заметить, концепция Достоевского не совпадает с собственными впечатлениями, полученными Розановым в процессе чтения произведений Пушкина. Однако поначалу критик не решается открыто оспорить эту концепцию. В статье «О Достоевском» (1893 г.) он рассуждает об особенностях личности Достоевского и приходит к выводу, что «в натуре своей, тревожной, мятущейся, тоскливой, он не только не имел ничего родственного с спокойным и ясным Пушкиным, но и был как бы противоположением ему, сближаясь с Гоголем и, еще далее, быть может, с Лермонтовым»³⁷³. Достоевский, по Розанову, рассматривает Пушкина «как хранителя своего, как лучшего оберегателя от смущающих идей, позывов» и пытается при помощи Пушкина принести успокоение и в жизнь русского общества. Однако экстаз

---

³⁶⁹ Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В.В. Легенда... С. 242.

³⁷⁰ Там же.

³⁷¹ Розанов В.В. Литературная личность Н.Н. Страхова // Розанов В.В. Легенда... С. 230.

³⁷² Розанов В.В. Три момента... // Розанов В.В. Легенда... С. 243.

³⁷³ Розанов В.В. О Достоевском // Розанов В.В. Легенда... С. 284.

Достоевского и его призывы к всемирному братству не имеют ничего общего с «покоем» Пушкина. Причиной этого Розанов считает другую «психическую атмосферу, нежели какою жили и дышали люди пушкинской эпохи; то время умерло, и навсегда; худшее или лучшее, но навсегда же наступило другое время»³⁷⁴. Это мнение Розанова подчеркивает не только его убежденность в прямой зависимости литературы от духовного состояния общества, но и его идею отсутствия исторической преемственности.

В статье 1897 г. «Два вида правительства» Розанов утверждает, что Пушкин «народен и историчен» и именно это раздражает «те части общества и литературы, о которых покойный Достоевский в «Бесах» сказал, что они исполнены «животною злобой» к России»³⁷⁵. Критик выступает против распространенного мнения о легковесности и поверхностности поэзии Пушкина, у которого «каждая страница может быть развита в философский трактат и каждая строка может быть раздвинута в страницу»³⁷⁶. Розанов, возражая Спасовичу³⁷⁷, выдвигает оригинальную концепцию взаимоотношений Пушкина и правительства. Он меняет смысл слова «правительство», утверждая, что для писателя единственным правительством являются читатели, от которых непосредственно зависит творческая судьба художника. По отношению «к этому-то истинному и истинно страшному для писателя «правительству» Пушкин, не вступая с ним в прямую борьбу, сохранил полную достоинства независимость»³⁷⁸. Однако обратной стороной такой независимости является одиночество, потому что никто не способен следовать за поэтом в «высшие сферы созерцаний».

В отличие от высказанных в дальнейшем соображений Розанов в этой статье утверждает, что нельзя рассматривать Пушкина как всегда и со всем примиренного поэта: «... напрасно думать, что он ни от чего окружающего не страдал»³⁷⁹. Поэт, по мнению критика, испытывал «невыразимую любовь» к «обществу, людям, всей шумящей жизни», с чем «всегда хотел быть слит», но, тем не менее, в силу своей «седой мудрости» и скептицизма смотрел на все это как «на пору нашего исторического детства, где так же грубо ошибочно было бы что-нибудь презирать, как и чему-нибудь последовать»³⁸⁰. Таким образом, Розанов приписывает Пушкину

---

³⁷⁴ Там же. С. 285.

³⁷⁵ Розанов В.В. Два вида правительства // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 21.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Спасович утверждал, что Пушкин безвыгодно «подыгрывался» к правительству и изменил дружбе, когда его друзья оказались в беде.

³⁷⁸ Там же. С. 24.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Там же. С. 25.

мудрость и олимпийское спокойствие, от которых поэт страдает, так как при всей любви к живой жизни он оказывается обреченным на одиночество. В интерпретации критика Пушкин оказывается независим и от общества, и от мнения читателей, и от правительства в отличие от автора разбираемой статьи г. Спасовича. В заключение Розанов выводит эффектную формулу: «... и вот свободного раб зовет на суд и обвиняет в рабстве»³⁸¹.

И все же в это время у Розанова превалирует представление о личности Пушкина как о цельной и лишенной внутреннего разлада, и это приводит к тому, что в статье «Вечно печальная дуэль» (1898 г.) поэт становится завершителем предыдущих традиций, по структуре своего духа обращенным к прошлому, а не к будущему. Пушкин «заканчивает в себе огромное умственное и вообще духовное движение от Петра и до себя»³⁸². Это высказывание явно контрастирует со статьей «Три момента...», где Пушкин предстает родоначальником нового направления в русской литературе. Теперь Розанов по сути отказывает поэту в новизне и оригинальности и видит значение его творчества в том, что все, «ранее его бывшее, - в нем поднялось до непревосходимой красоты выражения, до совершенной глубины и, вместе, прозрачности и тихости сознания»³⁸³. Розанов не соглашается с определением заклинателя «демонических стихий природы человеческой», данным Пушкину Аполлоном Григорьевым, и называет душу Пушкина «простой» и «несколько не стихийной». Поэтому Пушкин не мог повлиять на таких писателей, как Гоголь, Лермонтов и Достоевский. Из чего Розанов делает вывод, противоречащий его более ранним утверждениям: «... с версией происхождения нашей литературы “от Пушкина” - надо покончить»³⁸⁴.

При этом Розанов не отказывается от своей любви к Пушкину, поэт для него по-прежнему «многодумнее и разнообразнее Лермонтова», но теперь он становится «милее по свойству нашей лени, апатии, недвижимости». Роль Пушкина сводится к передаче «отзвуков» всемирной красоты в их замирающих аккордах»³⁸⁵, которые возвышают и образуют читателей, не требуя от них особого труда. Розанов обнаруживает и главный недостаток Пушкина, который, по его мнению, заключается в том, что идея «смерти» как «небытия» у поэта отсутствует, поэтому и «природа у него существенно минеральна»³⁸⁶. Критик считает, что в произведениях поэта материя -

---

³⁸¹ Там же. С. 26.

³⁸² Розанов В.В. Вечно печальная дуэль // Розанов В.В. Легенда... С. 290.

³⁸³ Там же.

³⁸⁴ Там же.

³⁸⁵ Там же. С. 295.

³⁸⁶ Там же. С. 298.

«персть», «красная глина» - преобладает над «дыханием Божиим»³⁸⁷. Таким образом, в данной статье реализуется противоречие, заложенное в определении «художник-наблюдатель». Только лишь «наблюдающий» Пушкин, не чувствующий «мучительности быть человеком и жить», для Розанова менее актуален, чем писатели, в полной мере воплотившие этот разлад в своем творчестве.

Как уже упоминалось, в статье «А.С. Пушкин» Розанов продолжает развивать идеи Достоевского. Он называет Пушкина «главным светочем нашей литературы» и утверждает, что «в его единичном, личном духе Россия созрела, как бы прожив и проработав целое поколение»³⁸⁸. Розанов сравнивает жизнь Пушкина с явлениями природы, так естественно все текло в ней, так чуждо было «преднамеренности»³⁸⁹. Даже поддаваясь различным влияниям, Пушкин вырастал из каждого «поочередно владевшего им гения, - как бабочка вылетает из прежде живой и нужной и затем умирающей и более не нужной куколки»³⁹⁰. Критик сопоставляет биографии Пушкина и Достоевского и приходит к выводу, что у Пушкина не было ни «чрезвычайных переломов в развитии», ни «швов и сшивок в его духовном образе». Если раньше критик определял самое существенное в поэте как «цельность», то теперь это превращается в «слитность» и «монолитность». Одной из важнейших особенностей личности Пушкина Розанов считает неразрывность проявления в нем поэта, философа и гражданина³⁹¹. Критик предполагает, что проживи Пушкин дольше, спор между западниками и славянофилами проходил бы в менее резкой форме, так как «этот спор между Европейским Западом и Восточной Русью в Пушкине был уже решен»³⁹².

Вслед за Достоевским Розанов указывает на универсальность Пушкина, понимая под этим «трезво спокойное настроение души» и «тяготение воображения к совмещению на небольшом куске полотна разительных противоположностей»³⁹³. При этом, отмечает критик, Пушкин ни на чем не останавливается, любит все одинаково и одинаково всем очаровывается. Но оказывается, что это свойство является для Розанова большим недостатком: «... есть великолепие широкой мысли, но нет той привязанности, что не умеет развязаться, нет той ограниченности сердца, в силу которой оно не умеет любить многого, и в особенности – любить противоположное, но зато же не угрожает любимому изменою»³⁹⁴. Отсутствие постоянства приводит к тому,

---

³⁸⁷ Там же.

³⁸⁸ Розанов В.В. А.С. Пушкин // Пушкин в русской философской критике. С. 173.

³⁸⁹ Там же. С. 163.

³⁹⁰ Там же стр.167.

³⁹¹ Там же. С. 171.

³⁹² Там же. С. 173.

³⁹³ Там же. С. 170.

³⁹⁴ Там же. С.168.

что критик называет Пушкина «вечным гением – среди преходящих вещей»³⁹⁵. Пушкин все время находится в состоянии восхождения, завершения которому не предвидится. Вследствие этого «простые люди», «слабейшие» не могут дышать с ним одним воздухом, не могут видеть темной пустоты, открывающейся «безотчетно сумрачному» гению. Из-за своей «царственной души» Пушкин оказывается в полном одиночестве. Несмотря на идею постоянного восхождения, то есть самосовершенствования поэта, Розанов в этой же статье заявляет, что Пушкин исчерпал свое поэтическое вдохновение и, по всей вероятности, «остальная половина его жизни не была бы посвящена поэзии и особенно не была бы посвящена стихотворству»³⁹⁶. Тем самым критик практически повторяет мысль Владимира Соловьева.

Проведенный анализ позволяет говорить, что идея всемирной отзывчивости интерпретируется Розановым как любовь ко всему на свете, которая на самом деле оказывается любовью беспредметной. А поскольку в словаре Розанова слова «простой» и «слабый» наделены положительным значением, - далее следует признание несовместимости гения и простого человека. Так под влиянием формулы Достоевского Пушкин начинает казаться Розанову «холодным», а его любовь к поэту становится двойственной, теряя свои прежние черты абсолютного одобрения.

В статье «О Пушкинской Академии» (1899 г.) высказывается мысль о невозможности прямого определения сущности поэта. Пушкина можно определять лишь отрицательно³⁹⁷, то есть обозначая то, чем поэт не является. Понятие универсальности (всемирной отзывчивости) переходит здесь уже в политеизм. Розанов называет Пушкина «всебожником», а его жизнь – «прогулкой в Саду Божиим». В этом саду Пушкин «не издал ни одного «аха», но зато «вторично, в уме и поэтическом даре, он насаждал его, повторял дело Божиих рук». Однако выходят у него не вещи, а «идеи о вещах, - не цветок, но песня о цветке, однако покрывающая глубиной и красотой всю полноту его сложного строения»³⁹⁸. Все это не очень согласуется с идеей о «наблюдательности» и «восприимчивости» Пушкина. По мнению критика, творчество Пушкина рассчитано на средний интеллектуальный уровень, так как поэт, предлагая «цветок-стихотворение» «на каждую вашу нужду», «способен пропитать Россию до могилы не в исключительных ее натурах»³⁹⁹. Но России необходимо «подышать и атмосферой исключительных настроений», свойственных Гоголю и Лермонтову,

---

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Там же. С. 173.

³⁹⁷ Розанов В.В. О Пушкинской Академии // Пушкин в русской философской критике. С. 174.

³⁹⁸ Там же. С. 175.

³⁹⁹ Там же. С. 176.

которых Розанов называет «монотеистами», поэтому она не будет ограничиваться творчеством Пушкина.

В отличие от Владимира Соловьева, считавшего вдохновение Пушкина исходящим от Бога, Розанов воспринимает Пушкина не как пророка, а как исключительно земного поэта. Стихотворение «Пророк» интерпретируется им как отражение страницы сирийской истории. Пушкину открыта только земля, но зато это «вся земля». Поэту было суждено не обогатить землю чем-то новым, но полюбить то, что уже существует: «... вознести ее к небу, и уж если обогатить, то самое небо – земными предметами, земным содержанием, земными тонами»⁴⁰⁰. По мнению Розанова, Пушкин обладает даром забвения, на котором основывается его обращение к новому и столь же сильное восхищение совершенно противоположным⁴⁰¹. Таким образом, Розанов высказывает предположение, что доминантой личности Пушкина является способность к постоянному переключению внимания.

Статьи «А.С. Пушкин» и «О Пушкинской Академии» написаны в один и тот же, 1899, год. Тем не менее в них возникают две разные интерпретации личности Пушкина. В первой Пушкин – это холодный универсальный гений, находящийся в непрерывном бесцельном движении, рядом с которым нечего делать «простому человеку». Во второй Пушкин оказывается исключительно «земным» поэтом, близким каждому. Это противоречие, вероятнее всего, свидетельствует о внутренней скрытой полемике Розанова с Достоевским, авторитет которого для критика велик настолько, что он готов соглашаться с ним почти во всем. Однако понятие всемирной отзывчивости не соответствует тому чувству душевной близости, которое возникает у Розанова при чтении Пушкина, поэтому и вырисовывается несогласие.

В этом же году Розанов пишет «Заметку о Пушкине», где называет Пушкина «дружным человеком», для которого «условием созидания служит внешнее и почти пространственное ограничение»⁴⁰². Это качество отличает его от таких писателей, как Гоголь, Достоевский и Лермонтов, которые «суть оргиасты в том значении, и, кажется, с тем же родником, как и Пифия, когда она садилась на треножник»⁴⁰³. В отличие от них Пушкин – «больше ум, чем поэтический гений», мир стал после него лучше, так как «многому в этом мире, то есть в сфере его мысли и чувства, он придал чекан последнего совершенства»⁴⁰⁴. Розанов, однако, повторяет свою мысль о том, что ничего нового в этот мир поэт не принес. Роль Пушкина сводится критиком к роли

---

⁴⁰⁰ Там же. С. 178.

⁴⁰¹ Там же. С. 179.

⁴⁰² Розанов В.В. Заметка о Пушкине // Розанов В.В. Легенда... С. 423.

⁴⁰³ Там же. С. 424.

⁴⁰⁴ Там же.

учителя: «по многогранности, по все-гранности своей» он – «вечный для нас и во всем наставник»⁴⁰⁵. И от этого поэт начинает казаться критику слишком строгим и серьезным. В этой заметке Розанов, следуя своему тезису о глубине философского содержания творчества Пушкина, отдает предпочтение пушкинскому уму перед его поэтическим гением. Пушкин-наставник оказывается также близок к Белинскому, деятельность которого имела, в первую очередь, воспитательное значение.

В статье «Ив.С. Тургенев» (1903 г.) Розанов выдвигает положение о статическом и динамическом началах в русской литературе. Он причисляет Пушкина вместе с Гончаровым и Тургеневым к статическому направлению, противопоставляя их динамическому началу, олицетворяемому Гоголем, Лермонтовым, Толстым и Достоевским. По мнению Розанова, «Пушкин был зенитом того движения русской литературы, которое прекрасно закатывалось, все понижаясь, в «серебряном веке» нашей литературы, 40-50-60-70-х годов, в Тургеневе, Гончарове и целой плеяде рассказчиков русского быта, мечтателей и созерцателей тихого штиля»⁴⁰⁶. Для всех этих писателей характерно отсутствие «бури и порыва», они показали Россию так, как «она жила и есть», и этим «выковали почти всю русскую образованность, на которой спокойно, почти учебно воспитываются русские поколения, чуть-чуть скучая, как и всякий учащийся скучает над своим учебником»⁴⁰⁷. Таким образом, в этой статье Розанов разделяет русскую литературу на два направления – статическое и динамическое, то есть – по Ф. Ницше – аполлоническое и дионисийское, и относит Пушкина к первому из них. Эта интерпретация уменьшает долю художественности в творчестве Пушкина и ограничивает его роль воспитанием молодого поколения.

В восприятии творчества Пушкина Розановым можно выделить два уровня. Розанов как читатель не меняет своего отношения к поэту, но, начиная рассуждать о Пушкине в качестве критика, по разным причинам испытывает затруднения с определением сущности его творчества. Прежде всего потому, что точкой отсчета для размышлений Розанова о Пушкине, как уже отмечалось, является речь Достоевского. Впоследствии Розанов прямо скажет о том, что речь Достоевского по своему духу соответствует не Пушкину, а лирическим отступлениям Гоголя: «... гоголевские “лирические места”, так безотчетные и так невольные, были ”эмбрионами”, ”начальными завитками” этих бушующих речей Достоевского, вот как на пушкинском празднике»⁴⁰⁸ (1911 г.). Еще в 1893 г., рассуждая о Достоевском, Розанов отмечал, что

---

⁴⁰⁵ Там же. С. 425.

⁴⁰⁶ Розанов В.В. Ив.С. Тургенев // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 138.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ Розанов В.В. О происхождении некоторых типов Достоевского // Розанов В.В. Легенда... С. 580.

этот писатель по своей природе противоположен Пушкину, но вывода о невозможности в данном случае адекватного понимания личности и творчества поэта не делал, хотя в подтексте своих статей и осуществлял полемику с Достоевским. В представлениях Розанова личность художника находит прямое и полное выражение в его творчестве. Следовательно, для того, чтобы понять произведения писателя, нужно изучить его личность, а это невозможно, если индивидуальности автора и его критика полностью противоположны.

Определяя Пушкина как «художника-наблюдателя», Розанов по сути дела спорит с Аполлоном Григорьевым, поскольку Пушкин, который «не чувствует мучительности быть человеком и жить», не может быть «всеми» для русского общества и русской литературы. Сначала это убеждение не влияет на восприятие Розановым творчества поэта, однако с конца 1890-х гг. именно этот тезис становится для критика актуальным, что воплощается в его статьях «Вечно печальная дуэль», «Заметка о Пушкине» и отчасти влияет на образ поэта, представленный в статье «О Пушкинской Академии». На воззрения Розанова, вероятно, накладывается и концепция Ницше о двух творческих началах – аполлоническом и дионисийском. Итак, в зависимости от выбранной точки зрения Розанов по-разному оценивает роль Пушкина в литературном процессе: «всемирно отзывчивый» Пушкин определяет все будущее русской литературы, а «статичный» Пушкин обращен к прошлому и всего лишь завершает, хотя и блистательно, традиции предыдущего периода.

Из вышеизложенного видно, что более или менее определенного образа Пушкина и мнения о его значении и месте в литературе у Розанова не сложилось. В дальнейших высказываниях критика о личности и творчестве Пушкина все большую роль начинает играть его историческая концепция. Во-первых, поэт противопоставляется обличительному направлению литературы, которое привело к разрушению существующего строя. Во-вторых, когда Розанов начинает считать причиной падения России всю русскую литературу, то и Пушкин оказывается виновным так же, как и все остальные писатели. В первом случае отзывы критика о поэте положительны, во втором – отрицательны.

В заметке «Среди анархии» (1905 г.) Розанов называет Пушкина «анархистом» наряду с Грибоедовым и Лермонтовым⁴⁰⁹. В статье 1906 г. «В настроениях дня» Розанов сожалеет о том, что Пушкину так и не пришлось побывать за границей. Критик определяет Пушкина как «соловья с выколотыми глазами», а его поэзию – как «грезу безглазого гения», отчего «она так и закруглилась, без шероховатостей, без

---

⁴⁰⁹ Розанов В.В. Среди анархии // Розанов В.В. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 65.

запятых, которые, - увы! – во всякую мечту сумеет вставить действительность»⁴¹⁰. Таким образом, у критика возникает новое объяснение универсальности и совершенства поэта, которые не являются естественными, а происходят в результате внешних ограничений. По Розанову, эта ограниченность была почти намеренно спровоцирована властью: «Зачем господину глаза соловья? Он, владыка, богач, ведь не смотрит ими: от соловья он имеет только песню, ему нужна только песня. И когда она может быть лучше от вырванного глаза, - пусть будет он вырван! Вот судьба Пушкина»⁴¹¹. А в заметке 1909 г. «Погребатели России» критик замечает, что Пушкин «умел быть свободен и независим, стоя непосредственно около царя»⁴¹². Для Розанова творчество Пушкина становится доказательством того, что, «кроме России печатной, есть Россия живущая», которая вовсе не состоит из «гадов»⁴¹³ («О психологии терроризма», 1909 г.). А в статье «Наша русская анархия» (1910 г.) Розанов настаивает на том, что Пушкин выразил «сущность российской или всероссийской «музыки», как некоего сладкого ничегонеделания, но в высшей степени художественного»⁴¹⁴, тем самым умалив значение русской государственности: «перед лирой Пушкина померк, побледнел ... просто умер Бенкендорф»⁴¹⁵. Как видим, Розанова волнуют взаимоотношения художника и государства. Причем он выступает то от лица охранителей, то против них.

В работе 1912 г. «Возврат к Пушкину (К 75-летию дня его кончины)» Розанов выражает сожаление по поводу того, что, хотя Пушкин и занимает свое место «первого русского поэта», он не вошел «другом в каждую русскую семью»⁴¹⁶. Критик убежден, что русский читатель больше любит Лермонтова и Гоголя. Если бы Пушкин пользовался такой же популярностью, «он предупредил бы и сделал невозможным разлив пошлости в литературе, печати, в журнале и газете, который продолжается вот лет десять уже»⁴¹⁷, на что Лермонтов и Гоголь в силу их «монотеизма» оказываются неспособными. Розанов считает, что для юношей, знакомых с Пушкиным, немыслим марксизм, так как «разносторонность его души и занимавших его интересов предохраняет от того, что можно было бы назвать “раннею специализацией души”»⁴¹⁸.

---

⁴¹⁰ Розанов В.В. В настроениях дня // Розанов В.В. Когда начальство ушло... С. 131.

⁴¹¹ Там же. С. 132.

⁴¹² Розанов В.В. Погребатели России // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 424.

⁴¹³ Розанов В.В. О психологии терроризма // Розанов В.В. Легенда... С. 546.

⁴¹⁴ Розанов В.В. Наша русская анархия // Розанов В.В. Легенда... С. 558.

⁴¹⁵ Там же. С. 560.

⁴¹⁶ Розанов В.В. Возврат к Пушкину // Розанов В.В. Среди художников. М., 1994. С. 371.

⁴¹⁷ Там же. С. 372.

⁴¹⁸ Там же. С. 373.

Таким образом, Пушкин в некоторых статьях Розанова выступает некой «охранной грамотой» от всего наносного и дурного.

Пушкин для Розанова - это «какая-то странная вечность». По сравнению с ним произведения Гете, Толстого и Достоевского кажутся критику устаревшими. Самое важное в Пушкине для Розанова то, что он был «в высшей степени не специален ни в чем: и отсюда-то – его вечность и общевоспитательность», а также то, что «Пушкин всегда с природою и уклоняется от человека везде, где он уклоняется от природы»⁴¹⁹. В данной статье Розанов упоминает в положительном контексте то, что Пушкин «на все благородное» дал «благородный отзвук», что «каждому возрасту он сказал на ухо скрытые думки его и слово нежного участия, утешения, поддержки», в то время как в сопоставлении с творчеством Лермонтова эти же качества оцениваются критиком отрицательно. Теперь он видит значение Пушкина в том, что «он есть вся русская словесность, но не в начальном осуществлении, где было столько ”ложных шагов”, а в благородной первоначальной задаче»⁴²⁰. Поэтому он предлагает своим современникам любить Пушкина так, как люди «потерянного рая» любят и мечтают о «возвращенном рае».

И в «Опавших листьях» (1913 г.) Розанов высказывается о Пушкине в основном положительно. По мнению критика, Пушкин «не ставил себя ни капельку выше “капитана Миронова”; и капитану было хорошо около Пушкина, а Пушкину было хорошо с капитаном»⁴²¹. Эта мысль возвращает нас к статье 1891 г. «Пушкин и Гоголь», где Розанов отдавал предпочтение Пушкину потому, что поэт относился с уважением к каждой человеческой личности. Розанов думает, что не всякий «читающий Пушкина» имеет что-нибудь общее с Пушкиным, а лишь тот, кто «вслушивается в голос говорящего Пушкина, угадывая интонацию, какая была у живого»⁴²². Таким образом, критик предлагает рецептивный подход к восприятию текста, заявляя, что те, «кто “живого Пушкина не слушает” в перелистываемых страницах», на самом деле читают «кого-то взамен его». Теперь Розанов осуждает свою собственную раннюю интерпретацию творчества и личности поэта. По сравнению с «необыкновенной полнотой пушкинского духа» Розанов чувствует свой дух «вовсе не полным» и называет себя «растрепанным», «судорожным» и «жалким»⁴²³. Также в этой книге Розанова существует несколько замечаний на тему значения Пушкина для русской культуры, в которых критик повторяет свою мысль о

---

⁴¹⁹ Там же. С. 374.

⁴²⁰ Там же.

⁴²¹ Розанов В.В. Опавшие листья. С. 61.

⁴²² Там же. С. 33.

⁴²³ Там же. С. 74.

том, что Пушкин, а теперь и Лермонтов «кончили собою всю великолепную Россию, от Петра и до себя»⁴²⁴.

В одной из заметок, включенных в «Опавшие листья» (1913 г.), Розанов высказывается о влиянии литературы на действительность. По мнению критика, когда «всякое переживание переливается в играющее, живое слово», то «этим все и кончается, - само переживание умерло, нет его»⁴²⁵, поэтому так ужасна для Розанова «литературность души». Исходя из этой мысли, Розанов делает вывод, что «после “золотых эпох” в литературе наступает всегда глубокое разложение всей жизни, ее апатия, вялость, бездарность»⁴²⁶. Из этого умозаключения следует, что «нужна вовсе не ”великая литература”, а великая, прекрасная и полезная жизнь»⁴²⁷. Мысль о превосходстве жизни над литературой подкрепляется следующими наблюдениями: «”сапогов” же никаким Пушкиным нельзя опровергнуть», потому что «сапоги носил сам Александр Сергеевич, и притом любил хорошие»⁴²⁸, а в «Апокалипсисе нашего времени» (1918 г.) лучше Пушкина уже оказывается «белоснежный творог с обезжиренным молоком (чуть-чуть присыпав сахарных крошек)»⁴²⁹.

Наряду с бытом Розанов превыше всего ставит православие, которое является причиной возникновения «нашего ”литого из бронзы” народа, с его великолепными лицами, и характерами, и пословицами», и, по убеждению критика, произведения Пушкина намного уступают величайшим словам церковных текстов⁴³⁰. В другом отрывке по сравнению с существованием Бога, загробного мира и бессмертия души оказывается глупостью уже вся «наша литература (даже и с Пушкиным), цивилизация, культура, гимназии, школы, университеты»⁴³¹. Розанов предполагает, что и Пушкин, и Карамзин осознавали свою незначительность по сравнению с Россией и никогда не стали бы относиться к ней презрительно («Мимолетное», 1914 г.). Оба были «ей послушны и чувствовали себя около нее чем-то маленьким и даже отнюдь не необходимым, не неизбежным, не ”мужами рока и судьбы”, а – случаем и подробностью»⁴³². В 1914 г. Розанов утверждает, что русская литература

---

⁴²⁴ Там же. С. 86.

⁴²⁵ Там же. С. 10.

⁴²⁶ Там же.

⁴²⁷ Там же. С. 11.

⁴²⁸ Там же. С. 117.

⁴²⁹ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 242.

⁴³⁰ Розанов В.В. Сахарна. М., 1998. С. 247.

⁴³¹ Там же. С. 267.

⁴³² Розанов В.В. Мимолетное // Розанов В.В. Когда начальство ушло... С. 456.

заканчивается, так как «душа кончилась», и поэтому бессмысленно ждать, чтобы «когда-нибудь явились создания выше Толстого, Гоголя и Пушкина»⁴³³.

По мере усиления общественного и государственного кризиса в произведениях последних лет жизни критика нарастает мотив отрицания литературы. Пушкин, с одной стороны, вместе со всей русской литературой несет ответственность за конец царства, с другой стороны, его «пророчественное и великолепное» творчество составляет славу этого царства. В русской литературе начиналось все радостно, и «утихающий восторг» от этого радостного начала, «что-то крепкое и славное держится в Батюшкове, Жуковском, Языкове, Пушкине»⁴³⁴, что и составляет, по Розанову, «высший расцвет, зенит» русской литературы. Затем «взвилась звездой не то утренней, не то вечерней узкая лента поэзии Лермонтова, что-то сказочное, что-то невероятное для его возраста, для его опыта», потом появился «черный гном» Гоголь, а потом все обрушилось.

2.1.1. Пушкин в сопоставлении с другими авторами

Отсутствие определенного мнения о значении Пушкина и его месте в литературе при общей достаточно высокой оценке личности и творчества в целом не мешало Розанову сопоставлять поэта с другими писателями. Образ Пушкина может меняться в зависимости от контекста, в который помещает его Розанов, и каждый раз выделенные и акцентированные критиком те или иные черты Пушкина будут служить для создания характеристики интересующего его художника. Пушкин не просто становится неким эталоном, но в некоторых случаях оказывается самостоятельной ценностью и сам по себе выступает в качестве критерия оценки.

Как уже отмечалось выше, Розанов впервые обращается к личности Пушкина для того, чтобы лучше понять сущность Гоголя. В статье 1891 г. «Пушкин и Гоголь» критик приходит к выводу, что эти писатели различаются и по форме, и по внутренней сущности творчества. «Разнообразный и всесторонний» Пушкин составляет «антитезу к Гоголю, который движется только в двух направлениях: напряженной и беспредметной лирики, уходящей ввысь, и иронии, обращенной ко всему, что лежит внизу»⁴³⁵. Самым важным для Розанова является то, что в отличие от Гоголя Пушкин не навязывает читателю своего мировоззрения.

В заметке «Кое-что новое о Пушкине» (1900 г.) Розанов утверждает, что Гоголь, создав образ Янкеля, только прикоснулся к еврейской теме, а «Пушкин сразу

---

⁴³³ Там же. С. 591.

⁴³⁴ Розанов В.В. С вершины тысячелетней пирамиды // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 671.

⁴³⁵ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Легенда... С. 137.

угадал: всемирное в «жиде» – его старость»⁴³⁶, то есть критик считает взгляд поэта более проницательным и точным. В статье «Гоголь» (1902 г.) Розанов подчеркивает, что Пушкин показал красоту души русского человека, однако в то же время он указывает, что поэт не создал «таких чудодейственных фантазий, как Гоголь»⁴³⁷. По мнению критика, «русское» в Пушкине естественно возвышается «до величайшей, до глубочайшей и высочайшей общечеловечности», и заслуга Пушкина заключается в том, что с него «начинается русский настоящий патриотизм, как уважение русского к душе своей, как сознание русского о душе своей»⁴³⁸. При этом он считает, что творчество Пушкина настолько определяется индивидуальным складом его души, что бессмысленно выделять его последователей в качестве особой школы. Розанов называет «биографическими» страдания поэта, подчеркивая, что все переживания сливаются у него «в какую-то гармонию». В заключение критик заявляет, что невозможно объяснить феномен появления Пушкина: он просто «удался» истории.

В отличие от предыдущей статьи в работе «Загадки Гоголя» (1909 г.) Пушкин представлен критиком как нормальный и лишенный тайн художник, единственную загадку которого составляет уяснение того, «каким образом можно было без борьбы, без усилий, даже без видимых размышлений стать в самую точку, в самую середину, откуда во все стороны расходятся лучи этой нормативности, этого спокойного и прекрасного в человечестве»⁴³⁹. Розанов не находит для Пушкина ни одной параллели ни в мировой литературе, ни в «мировой психологии» и ставит его наследие выше произведений и Лермонтова, и Гоголя. Критик приходит к выводу, что «душа Пушкина осталась свободной и непреклонной даже перед такими могуществами, как христианство и как обаяние и сила античной цивилизации, перед которыми решительно никто не мог устоять»⁴⁴⁰. Этим Пушкин напоминает Розанову Рафаэля, вместившего в себя «частицу ангела». В Пушкине, несмотря на однообразие, простоту и покой, тоже был сверхъестественный луч. Однако в отличие от Гоголя эти качества в Пушкине трудно рассмотреть, так как «все в нем лишь “просвечивает”, а не кидается в глаза»⁴⁴¹.

Но вывод о достоинствах творчества Пушкина не является окончательным, потому что в статье этого же года «Русь и Гоголь» оказывается, что вовсе не Пушкин, а Гоголь показал нам высшее могущество слова. Пушкин возвел в идеал такие черты

⁴³⁶ Розанов В.В. Кое-что новое о Пушкине // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 184.

⁴³⁷ Розанов В.В. Гоголь // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 120.

⁴³⁸ Там же.

⁴³⁹ Розанов В.В. Загадки Гоголя // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 333.

⁴⁴⁰ Там же. С. 334.

⁴⁴¹ Там же.

русского народа, как простота, кротость, терпение и всемирная отзывчивость. Он возвеличил своими поэтическими образами «бедный и несвободный русский народ», тогда еще неизвестный в Европе с духовной стороны. А Гоголь «необъяснимыми тревогами души своей <...> разлил тревогу, горечь и самокритику по всей Руси»⁴⁴². Однако в творчестве обоих писателей русское слово получило «последний чекан». Именно они определили золотой век русской литературы⁴⁴³.

И все же в работе «Гений формы» (1909 г.) Розанов указывает, что форма произведений Гоголя совершеннее пушкинской. Гоголевское повествование «по яркости, силе впечатления, удару в память и воображение» превосходит Пушкина⁴⁴⁴. Кроме того, Гоголь «страшным могуществом отрицательного изображения отбил память прошлого», которая была характерна для творчества Пушкина. В статье этого же года «Отчего не удался памятник Гоголю?» Розанов повторяет эту мысль, утверждая, что «форма» Гоголя и его «словечки» подчинили себе даже Пушкина. Очевидно, что в данном случае критик интерпретирует факты так, как ему необходимо для подтверждения мысли о неодолимости влияния творчества Гоголя. Эту же идею Розанов развивает в работе «Гоголь и его значение для театра» (1909 г.), утверждая, что «все последующее движение русского театра продолжало и продолжает собою Гоголя, а не Пушкина, продолжает "Ревизора", а не продолжает "Бориса Годунова"»⁴⁴⁵.

Таким образом, Розанов, обращаясь к Пушкину для определения особенностей творчества Гоголя, испытывает постоянные сомнения по поводу критерия оценки. С одной стороны, Гоголь являет собой отклонение от естественного пути развития литературы, с другой стороны, он, считает Розанов, оказал более сильное воздействие на общество, хотя творчество Пушкина, как указывалось ранее, тоже имело большое воспитательное значение. Критик не может прийти к однозначному мнению о том, что составляет высшее могущество слова: быть душевно близким каждому, давая ему возможность оставаться самим собой, или же воздействовать на общественное самосознание. Розанов отдает предпочтение то одному, то другому варианту, не делая окончательного выбора. Тем не менее по сравнению с гоголевским творчеством Пушкина представляется критику более светлым и жизнеутверждающим, то есть в данном контексте актуализируется положительное содержание определения «аполлонический».

---

⁴⁴² Розанов В.В. Русь и Гоголь // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 353

⁴⁴³ Там же. С. 354.

⁴⁴⁴ Розанов В.В. Гений формы // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 347.

⁴⁴⁵ Розанов В.В. Гоголь и его значение для театра // Розанов В.В. Среди художников. С. 300.

Совсем по-другому предстают личность и творчество Пушкина, когда Розанов начинает сравнивать его с Лермонтовым. Уже в статьях «Вечно печальная дуэль» (1898 г.) и «Заметка о Пушкине» (1899 г.) Розанов, указывая на то, что в произведениях Пушкина материя преобладает над духом, считает преобладающим у поэта ум, а не поэтический гений, противопоставляя его стихийному Лермонтову. В работе «Концы и начала, “божественное” и “демоническое”, боги и демоны (По поводу главного сюжета Лермонтова)» (1902 г.) Розанов, сравнивая изображение младенца в творчестве обоих поэтов, утверждает, что Пушкин «чувствует младенца» идиллически, а Лермонтов физиологически. На основании этого сравнения критик приходит к выводу о различии в природе поэтического взгляда у Пушкина и Лермонтова: взгляд Пушкина скользит по предмету художественно успокоенным «горизонтальным лучом», а взгляд Лермонтова падает на предмет вертикально, пронзая его⁴⁴⁶.

В статье «Пушкин и Лермонтов» (1914 г.) Розанов уподобляет творчество Пушкина библейскому раю. Пушкин воспевает счастье и мировую гармонию, он «закономернейший из всех закономерных поэтов и мыслителей, и, можно сказать, глава мирового охранения»⁴⁴⁷. Поэт, по мнению критика, отвечает на все мучающие человечество вопросы: «на вопрос, как мир держится и чем держится», и на другой - «стоит ли миру держаться»⁴⁴⁸. Если прислушиваться только к Пушкину, то ни перемен, ни движения в мире происходить не будет. При Пушкине должна быть «одна колоссальная созерцающая голова, один колоссальный вселюбующий глаз»⁴⁴⁹. Но мир находится в движении и этим отрицает и рай, и счастье, и блаженство. Покоя нет, считает критик, потому что люди умирают: «... если “смерть”, то я хочу бежать, бежать и бежать, не останавливаясь до задыхания»⁴⁵⁰. Поэтому соотношение творчества Пушкина и Лермонтова Розанов уподобляет истории человеческого грехопадения: «Лермонтов, самым бытием лица своего, самой сущностью всех стихов своих, еще детских, объясняет нам, почему мир вскочил и убежал»⁴⁵¹. Однако ни один из поэтов не воплощает всей сути бытия, потому что мир движется, и это есть отрицание Пушкина, но в его движении есть и гармония, а это уже выглядит отрицанием Лермонтова. Эта идея наглядно демонстрирует плюралистический и в то же время целостный подход к литературе. Розанов не только стремится охватить разные стороны явления и показать его закономерное развитие, но и старается

---

⁴⁴⁶ Розанов В.В. Концы и начала...// Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 88.

⁴⁴⁷ Розанов В.В. Пушкин и Лермонтов // Пушкин в русской философской критике. С. 191.

⁴⁴⁸ Там же.

⁴⁴⁹ Там же.

⁴⁵⁰ Там же.

⁴⁵¹ Там же. С. 192.

обрисовать общую картину литературного процесса, в котором находится место каждому писателю: то, что разрушает один, непременно восстанавливает другой.

Если в работе «Загадки Гоголя» Пушкин предстает «Рафаэлем слова», существом необыкновенным, то в статье «О Лермонтове» (1916 г.) Пушкин уже обыновенен, хотя и достиг «последних граней, последней широты в этом обыкновенном “нашем”»⁴⁵². Оставаясь всеобъемлющим, он вполне согласуется с духом прежней русской литературы, вписывается в рамки литературного процесса того времени. Зато, по мнению Розанова, совершенно необыкновенным был Лермонтов, который предстает всегда новым и неожиданным.

Сопоставляя Пушкина с Лермонтовым, Розанов приходит к однозначному мнению о превосходстве динамического начала перед статическим и способности передавать исключительные настроения перед воспеванием счастья и мировой гармонии. В данном контексте реализуется негативный смысл определения «аполлонический». Однако гармоничность, спокойствие и рациональность Пушкина возникают исключительно при сравнении его с Лермонтовым, что и подтверждается при анализе других отрывков. Ведь в заметке «Духовенство, храм, миряне» (1903 г.) Розанов характеризует талант Пушкина как «глубоко не диалектический, иногда прямо не умный, и столь всегда вдохновенный»⁴⁵³, что прямо опровергает его тезис об «уме» поэта. В путевом очерке «Капище Молоха» (1905 г.) критик замечает: «... и Пушкин – не “разум”: но разве мы его отдадим за “периодический закон” Менделеева?»⁴⁵⁴, - признавая тем самым иррациональное начало главным в сознании поэта. И, наконец, в статье «О благодущии Некрасова» (1903 г.) Розанов объединяет обоих поэтов, противопоставляя их Некрасову по признаку спонтанности творчества: стих «в них рождался сам, и им трудно было не писать, невозможно не писать»⁴⁵⁵. И теперь он называет и Пушкина, и Лермонтова «вовсе необыкновенными, “демоническими” что ли или ”божественными”»⁴⁵⁶.

Если в сознании критика возникает имя Некрасова, то оно акцентирует в образе Пушкина признак народности. В статье 1897 г. «Два вида правительства» Розанов писал, что Пушкин «народен и историчен» и именно это раздражает приверженцев западного пути развития России⁴⁵⁷. Но в статье «25-летие кончины Некрасова» (1902 г.) Розанов утверждает, что «по “русизму” нет поэта еще такого, как он: тут отступают,

⁴⁵² Розанов В.В. О Лермонтове // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С.642.

⁴⁵³ Розанов В.В. Духовенство, храм, миряне // Розанов В.В. Около церковных стен. М., 1995. С. 181.

⁴⁵⁴ Розанов В.В. Капище Молоха // Розанов В.В. Среди художников. С. 132.

⁴⁵⁵ Розанов В.В. О благодущии Некрасова // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 135.

⁴⁵⁶ Там же.

⁴⁵⁷ Розанов В.В. Два вида правительства // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 21.

как сравнительно иностранные, Пушкин, Лермонтов, да даже и Гоголь»⁴⁵⁸. Некрасов, следовательно, оказывается поэтом более народным, чем Пушкин. Налицо различные понимания «народности». Пушкин народен в силу его всемирной отзывчивости, так как эта отзывчивость – национальная черта русского народа, а Пушкин – наивысшее ее воплощение. Некрасов же народен в силу использования в поэзии элементов фольклора. Противопоставляя подлинно народную и близкую к фольклору поэзию, Розанов, тем не менее, не ставит Некрасова выше Пушкина. Он считает, что это «люди вовсе разных категорий, разных призваний, разной исторической роли»; Пушкина можно сопоставлять с Гоголем и Лермонтовым, а Некрасова с ними сравнивать «так же странно, как спрашивать, что лучше, железная дорога или Жанна д'Арк»⁴⁵⁹.

В заметке 1906 г. «В настроениях дня» Розанов замечает, обращаясь к одному из стихотворений Пушкина («Тьмы низких истин...»), что «стих этот, дворянский, не трудолюбивый стих, проговоренный с балкона того дома, который построили голодные мужики и которым за работу ничего не заплатили»⁴⁶⁰, подчеркивая, таким образом, разрыв между дворянской и народной культурой. В статье 1908 г. «Некрасов в годы нашего ученичества» в сравнении со стихотворениями Некрасова Розанову снова кажется «деланною, ненатуральною» «простонародность» Пушкина. Даже в «Сказке о царе Салтане» критику видится «некий барин, погружавший себя в народность, в интерес и любовь к народному, хотя бы и гениально»⁴⁶¹. Следовательно, в этом контексте в подходе критика к анализу творчества поэта начинает возникать социологический критерий. Розанов фактически противопоставляет творчество двух поэтов по классовому признаку, следуя в этом за отвергаемым им Писаревым.

Однако в статье «Попы, жандармы и Блок» (1909 г.) Розанов опять возвращается к мысли о том, что «с народом не расходится и не расходилось талантливое в образованном нашем классе, а разошлось с ним единственно бесталанное в нем»⁴⁶². Именно поэтому «не разошелся с Русью и Пушкин, он написал "Бориса Годунова" и сказки, не разошелся Лермонтов, он написал "Купца Калашникова", не разошелся Гоголь»⁴⁶³. Мы видим, что одно и то же произведение («Сказка о царе Салтане») интерпретируется критиком то как произведение барина, «погружающего себя в народность», то как истинное выражение духа русского народа.

---

⁴⁵⁸ Розанов В.В. 25-летие кончины Некрасова // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 109.

⁴⁵⁹ Там же. С. 118.

⁴⁶⁰ Розанов В.В. В настроениях дня // Розанов В.В. Когда начальство ушло... М., 1997. С. 137.

⁴⁶¹ Розанов В.В. Некрасов в годы нашего ученичества // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 248.

⁴⁶² Розанов В.В. Попы, жандармы и Блок // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 332.

⁴⁶³ Там же.

Эти колебания в определении «качества» народности Пушкина прямо связаны с общим культурным контекстом. По сравнению с Некрасовым Пушкин кажется Розанову «холодным», он несет на себе отпечаток чужой «барской» культуры, но по сравнению с декадентами – он «теплый», народный. Все эти рассуждения Розанова сводятся к различным трактовкам понятия «народность». Первое, более широкое, выражает дух нации, второе, более узкое, касается конкретного воплощения мотивов народного творчества.

В дальнейшем это противопоставление продолжает сохраняться. В «Уединенном» Розанов рассказывает о том, что во время его обучения в гимназии «о Пушкине даже не вспоминали», зато Некрасовым «зачитывались до одурения, знали каждую его строчку, ловили каждый стих». Вероятно, именно здесь истоки того восхищения Некрасовым, которое время от времени заставляет Розанова ставить его – хотя бы по одному признаку – выше Пушкина. В «Сахарне» критик снова замечает, что «есть стороны, есть уголок какой-то мысли и жизни, где Некрасов действительно «стоит Пушкина», потому что «после Пушкина или всей его “народности” люди не пошли в деревни, а <...> ”хождение в народ” 70-х годов было вызвано именно Некрасовым»⁴⁶⁴.

Но в общем и целом отношение Розанова к «обличительному направлению» в литературе, к которому принадлежит Некрасов, скорее отрицательно. В одной из своих заметок он с удовлетворением замечает, что Пушкин без потерь прошел через критику 60-х гг., которая «ни одной ниточки ... не сожгла в нем»⁴⁶⁵. Более того, это испытание доказало истинное значение поэта, ибо эта «злая» и «дерзкая» критика только подтвердила ценность творчества Пушкина. В статье 1908 года «Как святой Стефан порубил “Прокудливую березу” и как началось на Руси пьянство» Розанов очень определенно высказывается о месте Пушкина в русской культуре: при мысли о том, что Пушкин может быть забыт, Розанов восклицает, что «мы проклинали бы эпоху, проклинали бы тех русских, которым Пушкин сделался окончательно и решительно ненужным!»⁴⁶⁶ Критик утверждает, что «Пушкин есть мера русского ума и души: мы не Пушкина измеряем русским сердцем, а русское сердце измеряем Пушкиным: и Россия, отряхнувшая от своих ног Пушкина, – просто для нас не Россия, не отечество, не ”своя страна”»⁴⁶⁷. Таким образом, Розанов переворачивает представление о народности Пушкина, так что теперь сам поэт становится признаком «русскости», не

---

⁴⁶⁴ Розанов В.В. Сахарна. С. 189.

⁴⁶⁵ Розанов В.В. На книжном и литературном рынке (Диккенс) // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 287.

⁴⁶⁶ Розанов В.В. Как святой Стефан... // Розанов В.В. Во дворе язычников. М., 1999. С. 379.

⁴⁶⁷ Там же.

просто наилучшим выразителем основных качеств русского народа, а средоточием этих качеств. Снова творчество Пушкина оказывается самостоятельной ценностью.

2.1.2. Пушкин и теория мистического значения пола

Свою складывающуюся концепцию пола, семьи и брака Розанов впервые прилагает к Пушкину в 1900 г. В заметке «Кое-что новое о Пушкине» критик утверждает, что Пушкин угадал суть еврейства, состоящую в семейственности и религиозности⁴⁶⁸. Однако, в отличие от творчества Гоголя и Лермонтова, в Пушкине Розанова больше привлекают даже не художественные произведения, а события его биографии, которые он интерпретирует в рамках своей теории.

К последним годам жизни поэта Розанов обращается после статьи «Судьба Пушкина» Владимира Соловьева (1897 г.). В работе «Христианство пассивно или активно» (1897 г.) Розанов критикует концепцию Соловьева, который судьбу Пушкина целиком и полностью выводил из особенностей его личности и поведения. По мнению Розанова, Соловьев «существенно неправильно понял христианство», приписал ему смирение и покорность и поэтому «осудил поэта за активность». Розанов сравнивает Пушкина с солдатом, в сражении честно защищавшим «ближайшее отечество свое – свой кров, свою семью, жену свою»⁴⁶⁹. Критик заявляет, что все это полностью согласуется с «активным христианством». На упрек Соловьева в отношении Анны Керн, которую Пушкин одновременно называл и «гением чистой красоты» и «вавилонской блудницей», критик отвечает, что «красота телесная есть страшная и могущественная, и не только физическая, но и духовная вещь; и каково бы ни было содержимое “сосуда” – он значащ и в себе, в себе духовен и может пробудить духовное же»⁴⁷⁰. То есть, по Розанову, первое определение относится к впечатлению, произведенному на поэта внешностью Анны Керн, а второе обозначает ее внутреннюю сущность. В заметке «Памяти Вл. Соловьева» (1900 г.) Розанов называет статью «Судьба Пушкина» неудачной и причину этой неудачи видит в том, что Соловьеву всегда недоставало «спокойствия суждения» и «чувства действительности». Идеи, на основании которых написана эта статья, кажутся Розанову «привлекательными и правдоподобными», но «Пушкин со своей печальной семейной историей запутался в эти идеи как в тенета»⁴⁷¹.

---

⁴⁶⁸ Розанов В.В. Кое-что новое о Пушкине // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 184.

⁴⁶⁹ Розанов В.В. Христианство пассивно или активно // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 151.

⁴⁷⁰ Там же. С. 152.

⁴⁷¹ Розанов В.В. Памяти Вл. Соловьева // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 67.

В путевом очерке 1898 г. Розанов упоминает об общественном положении Пушкина как «глубокой практической коллизии»⁴⁷², которую пришлось пережить поэту. В статье того же года «Брак и христианство», рассуждая о ревности, Розанов называет Пушкина и Отелло «чистейшими сердцем» и утверждает, что «только человек грязный, только на последней ступени полового загрязнения, становится индифферентен ко всякой верности ли, измене ли»⁴⁷³. В 1899 г. в работе «Из седой древности» Розанов снова обращается к семейной ситуации Пушкина и говорит о «глубокой тоске» поэта «при попытках загрязнить его домашнюю жизнь»⁴⁷⁴. По мнению Розанова, брак произвел в Пушкине благотворную перемену: «... невольно, еще легкомысленный вчера, он сегодня становится задумчивее, завтра начинает искать новых книг и совершенно противоположных прежним впечатлений»⁴⁷⁵. После женитьбы Пушкин возрождается, так как начинает по-другому рассматривать отношения полов: «Угол зрения у него меняется; и гораздо раньше, чем рождается у него ребенок и начинается полная семья, мы видим его уже другим»⁴⁷⁶.

Полностью ситуация, которая привела к смерти поэта, разъясняется критиком в работе «Еще о смерти Пушкина» (1900 г.). Эта работа представляет собой отклик на статьи П.П. Перцова и Рцы, трактующие ситуацию последних лет жизни Пушкина. В ней Розанов вновь обращается к статье В. Соловьева, называя ее «ужасно смешной», так как философ «попытался доказать, что это не “нечистый” унес у нас Пушкина, а ангел»⁴⁷⁷. Розанов по-прежнему не согласен с мнением Соловьева о том, что после дуэли Пушкин обязательно поехал бы «на Афон», то есть начал бы каяться. Для Розанова «Пушкин вспыхнул правдою и погиб», «он был прав и свят в эти 3-5 предсмертных дней, но он <...> был не прав 3-5 предсмертных лет, и <...> “все произошло так, как должно было произойти”»⁴⁷⁸. Мы видим, что, возражая В. Соловьеву, критик точно так же считает смерть Пушкина закономерной, хотя и подводит под это мнение другое обоснование.

По Розанову, суть пушкинской драмы заключалась в том, что «Пушкин не имел в собственных данных фундамента спокойствия и уверенности»⁴⁷⁹. Критик сопоставляет Пушкина с мужем из «Графа Нулина» и утверждает, что «вещим,

---

⁴⁷² Розанов В.В. С юга // Розанов В.В. Иная земля, иное небо...: Полное собрание путевых очерков 1899-1913 гг. М., 1994. С. 21.

⁴⁷³ Розанов В.В. Брак и христианство // Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. М., 1995. С. 116.

⁴⁷⁴ Розанов В.В. Из седой древности // Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. С. 362.

⁴⁷⁵ Там же. С. 363.

⁴⁷⁶ Там же.

⁴⁷⁷ Розанов В.В. Еще о смерти Пушкина // Розанов В.В. Легенда... С. 426.

⁴⁷⁸ Там же. С. 428.

⁴⁷⁹ Там же. С. 429.

гениальным и простым умом он почуял, что если «ничего еще нет», то «психологически и метафизически уже возможно», уже настало время ему самому испытать черную чашу»⁴⁸⁰. Причина произошедшего в том, что Наталья Гончарова «только фактически стала супругой и матерью, а поэтически и религиозно так и замерла, умерла девушкой»⁴⁸¹. Розанов сравнивает отношения Пушкина и его жены с увлечением Марии Мазепой, то есть накладывает на реальные события биографии поэта отношения своих персонажей. И в этом странном соревновании Пушкин, по мнению критика, безнадежно проигрывает своему герою: «... великий и страстный политик, молитвенник, художник, Мазепа и в 63 года был свежее и чище, был более похож на Иосифа Прекрасного, чем Пушкин, далеко отошедший от Иосифа в 16 лет (“Вишня”)»⁴⁸². Пушкин для Наташи Гончаровой был «тем “действительным статским советником”, хлопотавшим у правительства разрешения издавать журнал, - к которому ее приревновал г. Рцы», поэтому она его не любит и любить не может. Таким образом, критик настаивает на отсутствии подлинной близости между Пушкиным и его женой. Еще одну параллель семейной драме Пушкина Розанов находит в «Соборе Парижской Богородицы» В. Гюго. Пушкин оказывается похожим на «угрюмого, ученого, гениального монаха», который «страстно-нежно и безнадежно» полюбил Эсмеральду-Гончарову. В результате этих рассуждений Розанов приравнивает Пушкина к «статскому генералу», который заподозрил в Дантесе «счастливого адъютанта», или к мужу из «Графа Нулина», почувствовавшему в Дантесе возможного «помещика 23 лет Лидина». Следовательно, ревность Пушкина не реальна, а вымышленна.

Критик настаивает на невинности Натальи Гончаровой: «... она не согрешает», но и не дает мужу «святого, как положительного», «небесной поволоки глаз», «воздушного смеха» вместо «мертвенной улыбки»⁴⁸³. Все это, не будучи обращено к Пушкину, «могло бы обратиться к «Лидину», а за неимением его – вообще отсутствует»⁴⁸⁴. Для Василия Розанова единственная возможность для женщины реализовать свою личность - это «детская и спальня, семья и настоящий муж»⁴⁸⁵. Пушкин отнял у Гончаровой надежду стать настоящей женой, «приласкать любимого человека»; «он мог гениально ее ценить, но создать и выжать из себя форм обращения и быта, бытия, “житья-бытия” <...> он не сумел»⁴⁸⁶. Когда выяснилось, что она не

---

⁴⁸⁰ Там же.

⁴⁸¹ Там же. С. 432.

⁴⁸² Там же. С. 435.

⁴⁸³ Там же. С. 430.

⁴⁸⁴ Там же. С. 431.

⁴⁸⁵ Там же. С. 437.

⁴⁸⁶ Там же. С. 431.

любит, поэт заметался, и у него не оказалось иного выхода, как убить или умереть самому. Критик считает, что «Пушкин был виновен перед Гончаровой», так как не сумел создать настоящей семьи, «святого дома»⁴⁸⁷.

Согласно концепции Розанова пол есть «мистическое лицо в нас, второго, ноуменального порядка», и поэтому нельзя «мистический узел семьи, мистическую душу семьи, ангела семьи образовать на почве искусственного согласия»⁴⁸⁸. По Розанову, «гений и поэзия семьи вспыхивают тогда, когда есть единство субъективного лица в кажущихся двоих», и устроить это может только Бог. А в браке Пушкина и Гончаровой «это "Бог и одно" у них не существовало и даже не начиналось, не было привнесено в их дом»⁴⁸⁹. Такой брак Розанов сравнивает с «неуместным пиршеством» в месте, где стояло святилище древнего бога, за которое совершенно справедливо заплатился «старейший и опытнейший».

В данной статье критик осуждает поэта за легкомысленное отношение к вопросам семьи и брака, но в дальнейшем его высказывания на эту тему не столь однозначны. В заметке «Когда-то знаменитый роман» (1905 г.) Розанов отмечает, что Пушкин или «праотцы», «мало помышлявшие об «умеренности и аккуратности» в сфере отношений между полами, «отличались изумительной, совершенно не имеющей себе конца добротою, благостью, готовностью все для другого сделать, правдивостью, прямотою»⁴⁹⁰. А в работе «Виардо и Тургенев» (1910 г.) критик говорит о том, что «тот, кто истинно и высочайше любит, всегда лучше слабейшей и менее любящей стороны: как Пушкин – Гончаровой»⁴⁹¹.

В статье «К кончине Пушкина (По поводу новой книги П.Е. Щеголева «Смерть Пушкина»)» (1916 г.) Розанов пишет, что из уважения к поэту вообще не надо «поднимать и пересматривать этой истории». Вопрос о смерти Пушкина для критика совершенно ясен. Розанов считает, что на самом деле встретились разнонаправленные судьбы, а каждый из участников трагедии просто следовал своему характеру. Пушкин погиб оттого, что захотел изменить сложившуюся ситуацию. Поэт родился «не для жены своей и не для этого общества», но «вошел в это общество» по своей воле⁴⁹². Пушкин был «пантеистом любви», но выбрал себе одну жену и должен был любить ее одной любовью, хотя носил в себе «любовь всех типов и степеней, всех форм и

---

⁴⁸⁷ Там же. С. 437.

⁴⁸⁸ Там же. С. 438.

⁴⁸⁹ Там же. С. 439.

⁴⁹⁰ Розанов В.В. Когда-то знаменитый роман // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 191.

⁴⁹¹ Розанов В.В. Виардо и Тургенев // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 440.

⁴⁹² Розанов В.В. К кончине Пушкина // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 644.

температур»⁴⁹³. Розанов анализирует письмо Пушкина к Наталье Николаевне, и оно кажется ему чудовищным по выбору лексики и общему тону. По мнению критика, так жене писать нельзя, адресат такого письма «получает полную волюшку» и может вести себя так, как будто он абсолютно свободен. Поэтому то, что произошло, после подобного письма является закономерным особенно для той «универсально-любовнической» эпохи. Розанов в этой статье возлагает ответственность за гибель Пушкина не на самого поэта, а на эпоху, полагая, что в те времена никто не искал «своего», мифологически считая «своим» весь мир. Критик заявляет, что поэт не вынес «момента травимости себя», а не факта настоящей или мнимой неверности⁴⁹⁴. Причиной травли Пушкина, которая и привела к дуэли, Розанов считает его эпиграмму на графа Уварова, историю же с Геккернами называет поводом, взятым «как попало».

В данной статье критик снимает с Пушкина обвинение в пренебрежении мистическим смыслом брака. Универсальный и всемирно отзывчивый Пушкин не может остановиться на чем-то одном, поэтому он не может любить одну женщину и переносит на жену свое отношение к женщинам вообще. В свою очередь, для его жены – обыкновенной женщины – эта универсальность оборачивается отсутствием точки опоры. «Где, наконец, муж?»⁴⁹⁵ - как бы вопрошает она, а мужа – нет, есть бесконечная череда масок. Розанов объясняет семейную трагедию свойством личности Пушкина – некой «всеядностью», одинаково проявлявшейся и в его творчестве, и в его жизни. Для Розанова семья священна, и неспособность Пушкина-человека к семейной жизни представляется ему качеством отрицательным. Применительно же к творческой личности, Пушкину-поэту, Розанов именно «пантеизм любви» рассматривает как условие проявления гениальности, восхищаясь тем временем, когда считали своим весь мир, любили всех женщин и писали гениальные стихи. Обыкновенные верные мужья своих жен, по мнению критика, не умеют писать таких стихов⁴⁹⁶.

Таким образом, опровергая В.С. Соловьева и утверждая, что он Пушкина и его «печальную семейную историю» запутал в своих отвлеченных идеях, Розанов производит в точности такую же операцию. Но так как у него отсутствует более или менее определенная интерпретация личности и творчества Пушкина, то в разных статьях акцентируются различные компоненты образа поэта. В статье «Из седой древности» Розанов отмечает, что брак своей мистической силой возродил Пушкина к новому совершенству. В работе «Еще о смерти Пушкина» поэт представлен как

---

⁴⁹³ Там же. С. 645.

⁴⁹⁴ Там же.

⁴⁹⁵ Там же. С. 646.

⁴⁹⁶ Там же. С. 647.

скучный генерал от литературы, который не может увлечь женщину, как угрюмый ученый монах Клод Фролло, виновный в извращении мистической сущности брака. Вероятно, здесь в негативном контексте («скука») реализованы такие семантические оттенки определения «аполлонический», как ‘стройность’, ‘мудрость’, ‘соразмерность’. В статье «К кончине Пушкина» образ поэта существенно изменяется. Опираясь на понятие всемирной отзывчивости, Розанов описывает Пушкина как человека, органически неспособного к семейной жизни, тем самым снимая с него ответственность за несложившийся «святой дом».

Самое раннее упоминание о Пушкине содержится в книге «О понимании», где Розанов говорит об отсутствии у поэта внутреннего разлада. Дальнейшие высказывания критика колеблются от абсолютно положительных до отрицательных. Одной из причин появления негативных отзывов можно назвать то, что по сравнению с необыкновенной полнотой Пушкина критик чувствует себя «растрепанным», «судорожным» и «жалким». Другая причина заключается в концепции Достоевского, которая была принята Розановым безоговорочно, хотя его впечатление от произведений поэта, несомненно, отличается от конструктов данной теории. Розанов все время пытается избавиться от явно неустраивающей его формулы «всемирная отзывчивость», так что часть противоречий статей о Пушкине является прямым следствием его скрытой полемики с Достоевским.

Идея всемирной отзывчивости оказывается неприемлемой, потому что для Розанова любить все одинаково – значит не любить ничего в отдельности. Критик просто не может понять, как Пушкин способен чувствовать и воплощать в своих произведениях вещи диаметрально противоположные. Поэтому «универсальный» Пушкин предстает в его изображении чередой масок, которые меняются в зависимости от декораций. Владимир Соловьев предполагал у поэта смену противоположных состояний, чередование высокого и низкого, то есть для него Пушкин как бы колеблется относительно вечных и нерушимых ценностей мироздания. А для Розанова мир движется вокруг поэта, медленно следящего за сменой впечатлений. Но такой Пушкин интерпретируется критиком как универсальный гений, рядом с которым, однако, холодно простому земному человеку.

На идею всемирной отзывчивости накладывается определение «художник-наблюдатель», данное Пушкину самим Розановым. Это делает образ поэта статичным и ограничивает влияние его творчества, так как Пушкин оказывается сосредоточенным исключительно на земном. Но поэт, не чувствующий внутреннего разлада, не может

быть «всеми» для русского общества. С конца 1890-х гг. в связи с укоренением в культуре концепции двух творческих начал Розанов начинает отдавать предпочтение стихийному началу. После этого роль Пушкина сводится критиком к обучению и воспитанию молодого поколения, и для него более важным оказывается философское содержание поэзии Пушкина.

«Универсальность», «статичность» и уже упомянутую «скуку» можно считать компонентами определения «аполлонический». Это качество, вначале имевшее положительное значение, постепенно отодвигает Пушкина в литературной иерархии Розанова на второй план. Однако при сопоставлении поэта с другими писателями становятся актуальными различные элементы его образа. Сравнивая Пушкина и Гоголя, критик обращает внимание на ясность, гармоничность и жизнеутверждающее начало в творчестве поэта. В отличие от Гоголя Пушкин сохраняет уважение к человеческой личности, так что, любя его поэзию, можно оставаться самим собой. Но при сопоставлении с Лермонтовым Пушкин интерпретируется как рациональный поэт, неспособный передавать исключительные настроения. Стихийный Лермонтов, показывающий, как мир «вскочил и убежал», оказывается для критика более интересным. В результате получается, что Пушкин нужнее Гоголя, но Лермонтов важнее Пушкина.

Идея всемирной отзывчивости влияет также на определение степени народности творчества Пушкина. Поэзия Пушкина народна в силу того, что эта отзывчивость является национальной русской чертой. Однако по сравнению с творчеством Некрасова, который использует элементы фольклора, произведения Пушкина несут на себе отпечаток чужой «барской» культуры. В то же время при сопоставлении с декадентами Пушкин оказывается все-таки народным поэтом. Поэтому одно и то же произведение («Сказка о царе Салтане») в зависимости от контекста интерпретируется критиком двояко: то как сочинение барина, «погружающего себя в народность», то как истинное воплощение духа русского народа. Видимое противоречие объясняется различными трактовками понятия «народность». В первой, более широкой, это выражение духа нации, вторая, более узкая, означает включение в творчество элементов фольклора.

Новая концепция места и роли литературы в русском историческом процессе, которая начинает складываться у Розанова около середины 1910-х гг., также не оформляет целостный комплекс представлений о Пушкине. Преувеличивая воздействие литературы на жизнь, критик утверждает, что творчество поэта составляет славу гибнущей России, но в то же время Пушкин вместе со всей русской литературой

несет ответственность за разрушение государства. Когда Розанов противопоставляет поэзию Пушкина обличительному направлению литературы, он оценивает ее положительно, но при выяснении отношения поэзии Пушкина к действительности встает на сторону живой жизни и принижает значение пушкинского наследия.

Отсутствие определенной характеристики образа Пушкина и четкого мнения о его месте и значении сказалось также в интерпретации Розановым биографии поэта. Здесь сталкиваются две стороны теории Розанова: мистическая сущность брака противоречит тому взлету творческой энергии, который может явиться следствием многочисленных любовных отношений. Розанов довольно резко критикует В.С. Соловьева за его статью «Судьба Пушкина», но сам по сути дела точно так же «вовлекает» Пушкина с его «печальной семейной историей» в свои собственные отвлеченные мистико-философские рассуждения.

Общим местом в литературоведении стало указание на любовь и безоговорочное почтение, которые Розанов испытывал к Пушкину. Однако, как видно из вышеизложенного, отношение Розанова к поэту было далеко не столь однозначным. Несомненно, что понять многосторонность Пушкина Розанову, который сам не признавал ограничений внутренней жизни, было намного проще, чем рационалисту и строгому моралисту Владимиру Соловьеву. Но, тем не менее, Розанову склонность Пушкина к совмещению противоположного вовсе не кажется свойством, которое присуще ему самому. Очевидно, что, обвиняемый современниками в беспринципности, «беззаконник», как называла его Зинаида Гиппиус, Розанов себя таковым не считает. Душа – одна, просто стороны ее, выражаемые в один из моментов бытия, – разные. Для Розанова противоположности на самом деле являются чем-то единым, однако он в Пушкине отрицает эту целостность. Хотя более или менее определенного образа Пушкина у Розанова не сложилось, это не мешает критику делать его неким эталоном по отношению к другим писателям, а также «измерять» Пушкиным различные явления общественной и литературной жизни.

Как видно из вышеизложенного, отношение Розанова к Пушкину не имеет ничего общего с мифом. Наоборот, Розанов все время старается рационально осмыслить те или иные стороны творческого наследия и биографии Пушкина при помощи различных аспектов своих философских воззрений. Однако творчество поэта настолько многообразно, что в нем оказалось возможным найти примеры даже для взаимоисключающих положений. Розанов словно пытается подойти к поэту с разных сторон для того, чтобы можно было его лучше и точнее определить. Но от розановских

определений Пушкин постоянно ускользает. Вот почему критик все время поднимает одни и те же вопросы, так до конца и не разрешая их.

2.2. Розанов и Гоголь

Полемика Розанова с Гоголем постоянно привлекает внимание различных исследователей. Синявский считает, что многолетняя «борьба» Розанова с Гоголем была связана с какой-то чрезвычайно важной пружиной его жизненного и творческого пути⁴⁹⁷. По мнению исследователя, писатель всю жизнь «мучился» Гоголем, пытался Гоголя преодолеть, и эта борьба носила глубоко религиозный характер⁴⁹⁸. Розанов не признает за Гоголем значения мыслителя и направляет удар против Гоголя–художника, но при этом он очень высоко оценивает собственно художественные достоинства прозы Гоголя, трактуя их, тем не менее, как «пустую скорлупу формы»⁴⁹⁹. Эта пустота, считает Синявский, дает Розанову право поставить знак равенства между Гоголем и чертом и заявить, что ныне в эту пустоту проваливается вся Россия.

Причиной ненависти Розанова к Гоголю Синявский считает, прежде всего, их стилистическую несовместимость: «Розанов в своей духовности тяготеет к бесформенности, в то время как Гоголь весь в форме, притом в форме гипертрофированной, преувеличенной»⁵⁰⁰. Кроме того, именно с Гоголя начинается русский либерализм, который, по Розанову, привел к краху все русское. В результате своих рассуждений автор книги «"Опавшие листья" Василия Васильевича Розанова» приходит к выводу, что многолетнее отталкивание от Гоголя закончилось для Розанова самым полным примирением после революции⁵⁰¹.

К сожалению, при анализе истории отношений Розанова к Гоголю Синявскому не удалось раскрыть единство противоречий, свойственных, по его мнению, этому писателю. Автор словно бы втягивается в мир Розанова и начинает мыслить не менее парадоксально. Отсутствие четкости приводит к тому, что весьма любопытная и, несомненно, верная идея о религиозной природе отрицания Гоголя сужается до мысли о стилистической несовместимости этих авторов. Кроме того, анализируя розановскую концепцию творчества Гоголя, Синявский не рассматривает ее эволюцию, что противоречит его же идее «ветвистости» мышления этого писателя.

---

⁴⁹⁷ Синявский А. «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. С. 286.

⁴⁹⁸ Там же. С. 287.

⁴⁹⁹ Там же. С. 288.

⁵⁰⁰ Там же. С. 291.

⁵⁰¹ Там же. С. 286.

В отношении Гоголя А.Н. Николюкин отмечает у Розанова две тенденции: отталкивание от Гоголя и славянофилов и вместе с тем глубокое их почитание. Исследователь объясняет представление о Гоголе как о великом мастере фантастического и ирреального реакцией Розанова на позитивистскую трактовку творчества писателя. Николюкин считает заслугой Розанова прочтение «Мертвых душ» в контексте истории и бытия всего человечества, а не только с учетом исторических обстоятельств России эпохи Николая Первого. В утверждении критика, что творчество Гоголя было неправильно понято русским обществом, исследователь усматривает предвосхищение нынешней рецептивной эстетики⁵⁰². Он утверждает, что ни к какому явлению, тем более к такому грандиозному, как Гоголь, Розанов не подходил однолинейно, одномерно, и обращает внимание на то, что эту проблему Розанов решал по-разному в различные периоды своей жизни⁵⁰³. Наиболее позитивными в отношении к Гоголю автор считает очерки Розанова 1902-1909 гг. В его статье 1909 г. «Магическая страница у Гоголя» произошел пересмотр значения писателя в русской литературе, было выдвинуто на первый план родовое мистическое начало⁵⁰⁴. Однако «Опавшие листья» (1913 – 1915 гг.) внезапно и неожиданно обрушили на Гоголя шквал ненависти и горечи, вероятное объяснение которому Николюкин видит в установке Розанова на борьбу с сатирическим направлением в литературе. Как еще один пример негативной интерпретации упоминается розановская статья «Трагедия механического творчества» (1912). Исследователь приходит к выводу, что после революции спор Розанова с Гоголем завершился признанием его правоты.

В.В. Ерофеев в своем эссе «Розанов против Гоголя» утверждает, что Розанов в первую очередь обращал внимание на изъяны не отдельного писателя, а писательства вообще, и считает провокацию и намеренный обман читателя основным методом критика. Непоследовательность и противоречия в данном случае являются сознательными приемами построения текста. Ерофеев отмечает, что «Розанов испытывал острейшую неприязнь к Гоголю, преследовал его с поистине маниакальной страстью, разоблачал при каждой okazji»⁵⁰⁵. Факт подобного отношения к Гоголю представляется Ерофееву исключительным, так как в отличие от остальных критиков у Розанова борьба с Гоголем стала программной и всеобъемлющей. По мнению автора,

---

⁵⁰² Николюкин А.Н. Розанов. С. 259.

⁵⁰³ Там же. С. 253-254.

⁵⁰⁴ Там же. С. 261.

⁵⁰⁵ Ерофеев В.В. Розанов против Гоголя // Ерофеев В.В. В лабиринте проклятых вопросов. М., 1996. С. 12.

«Розанов буквально был болен Гоголем»⁵⁰⁶. Причину этого Ерофеев видит в противоположности их характеров. Розанов является принципиально слабым человеком, который одновременно преклоняется перед силой Гоголя и завидует ей. Ерофеев полагает, что уяснение сути конфликта поможет решить следующие вопросы: более четко определить роль Розанова в литературном движении рубежа веков, прояснить истинную глубину и общий смысл творчества, а также художественный метод Гоголя.

По мнению Ерофеева, Розанов стремится различать в Гоголе метафизика с особым взглядом на мир и социального писателя⁵⁰⁷. Для Розанова личности Гоголя присуще особое метафизическое безумие, а его творчество имеет вид «сатанического формализма, где самоценное слово, освобождаясь от человеческого смысла, становится черной магией»⁵⁰⁸. Ерофеев отмечает, что «клевета» Гоголя достовернее любой правды, так как его герои представляют собой не типы, а архетипы характеров⁵⁰⁹. Автор эссе высказывает мысль о том, что творчество Гоголя, обусловленное складом его сознания, удивительно совпало с постдекабристской николаевской Россией, «пошлость жизни в ее онтологическом значении совпала с социальной пошлостью»⁵¹⁰. В итоге Ерофеев приходит к выводу о беспредельной злобе и странной эстетической слепоте Розанова по отношению к автору «Мертвых душ»⁵¹¹.

Ерофеев так же, как и Синявский, анализирует тему Гоголя в творчестве Розанова вне ее эволюции. Отношение Розанова к Гоголю исследователь объясняет на эмоциональном уровне: ненавистью, беспредельной злобой и эстетической слепотой критика. При этом, защищая Гоголя от Розанова, Ерофеев невольно втягивается внутрь розановской концепции и начинает утверждать то же самое, о чем пишет Розанов на втором этапе развития своей интерпретации творчества Гоголя.

В.Ш. Кривонос в работе «"Демон-Гоголь": Гоголь глазами Розанова» делает попытку рассмотрения методов и стилистических приемов, которые критик использовал в своих статьях о Гоголе. Исследователь утверждает, что Гоголь для Розанова «не художник, а маг», его творчество «не искусство, а магическая игра, разрушающая границу между действительностью и миром, существующим только в

---

⁵⁰⁶ Там же. С. 18.

⁵⁰⁷ Ерофеев В.В. Указ. соч. С. 35.

⁵⁰⁸ Там же. С. 33.

⁵⁰⁹ Там же. С. 46.

⁵¹⁰ Там же. С. 36.

⁵¹¹ Там же. С. 42.

гоголевском воображении»⁵¹². Поэтому борьбу с ним критик ведет при помощи фольклора и мифологии, ассоциируя себя со спасителем России. Как и все остальные исследователи, Кривонос утверждает, что Гоголь был больным пунктом розановского сознания⁵¹³. В статье обращается внимание на то, что Гоголь воспринимается Розановым словно изнутри гоголевского мира, именно поэтому критик часто обращался к нему, используя имя какого-либо из гоголевских inferнальных героев⁵¹⁴. В сознании критика оживают некие архаические следы, так что борьбу с Гоголем он понимает именно в духе универсальной архетипической схемы, согласно которой культурный герой в мифе призван уничтожить демонов⁵¹⁵. Миф, творимый Розановым, рождается в недрах его семьи и имеет свою причину в экзистенциальной несовместимости с Гоголем Варвары Дмитриевны Бутягиной, жены критика⁵¹⁶. Из-за этого спор с Гоголем приобретает метафизический характер полемики о смысле человеческого бытия и об онтологическом статусе человека⁵¹⁷. Розанов, по мнению Кривоноса, пытался спасти от Гоголя свою семью и семью-Россию, однако революция привела к крушению обоих мифов: и биографического, и мифа о России. Розанов потерпел поражение в поединке с Гоголем, но признал его правоту именно как правоту «беса». Тем не менее, заключает исследователь, конец России Розанов воспринимает как второе рождение, что объединяет его с Гоголем, стремившимся воскресить «мертвые души»⁵¹⁸.

2.2.1. Интерпретация творчества Гоголя

второй половины 1880-х – середины 1890-х гг.

Н.В. Гоголь занимает совершенно особое место в литературной иерархии Розанова. К творчеству писателя критик обращается с самого начала своей литературно-критической деятельности и сохраняет этот интерес до последних статей, затрагивающих вопрос о виновности литературы в падении и гибели России. Все исследователи, касающиеся полемики Розанова с Гоголем, утверждают, что критик ненавидел писателя. Однако объяснение отношений на эмоциональном уровне представляется явно недостаточным. При непосредственном обращении к текстам критических работ, так или иначе затрагивающих проблему оценки личности и

---

⁵¹² Кривонос В.Ш. «Демон-Гоголь»: Гоголь глазами Розанова // Российский литературоведческий журнал. М., 1994. № 5-6. С. 155.

⁵¹³ Там же. С. 157.

⁵¹⁴ Там же. С. 159.

⁵¹⁵ Там же. С. 162.

⁵¹⁶ Там же. С. 166.

⁵¹⁷ Там же. С. 169.

⁵¹⁸ Там же. С. 171.

творчества Гоголя, можно выделить несколько этапов развития интерпретации. К первому этапу относится книга «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского: Опыт критического комментария» (1891 г.) и связанные с ней статьи «Пушкин и Гоголь» (1891 г.) и «Как произошел тип Акакия Акакиевича» (1894 г.). В этих работах Розанов выдвигает глубоко оригинальную концепцию творчества Гоголя. Он не принимает ни точки зрения на это творчество как на апофеоз Руси, ни как клеветы на Русь, отказывается от мнения Белинского о Гоголе как об основателе натуральной школы, а также возражает Аполлону Григорьеву, утверждавшему, что вся новейшая литература «исходит из Гоголя». Розанов считает, что, наоборот, «было бы правильнее сказать, что она вся в своем целом явилась отрицанием Гоголя, борьбою против него»⁵¹⁹. Последующие писатели наследуют «приемы художественного творчества, его формы и предметы», развивают способ изображения действительности, но не содержание творчества Гоголя: «взор его и их был одинаково устремлен на жизнь: но то, что они увидели в ней и изобразили, не имеет ничего общего с тем, что видел и изображал он»⁵²⁰.

Уже в «Легенде о Великом инквизиторе» Розанов определяет Гоголя как гениального живописца внешних форм. Гоголю удалось сделать свои изображения настолько «скульптурными», яркими, выпуклыми, что «никто не заметил, как за этими формами ничего, в сущности, не скрывается, нет никакой души, нет того, кто бы носил их»⁵²¹. Герои Гоголя не испытывают никаких человеческих чувств, им недоступны любовь, ненависть, радость, жалость. «Гоголь выводит однажды детей, - и эти дети уже такие же безобразные, как и их отцы, также лишь смешные и осмеиваемые, как и они, фигуры»⁵²². Розанов сравнивает описания любви в фольклоре и у Гоголя и приходит к выводу, что не человечество заблуждалось, а Гоголь грезил и свои больные грезы представил нам как действительность. Иначе невозможно объяснить, почему Гоголь – современник Пушкина, Грановского, Белинского - не смог найти положительного героя для своих произведений. Розанов приходит к выводу, что дело не в идеале, которого будто бы не мог найти Гоголь, а в том, что «он, великий художник форм, сгорел от бессильного желания вложить хоть в одну из них какую-нибудь живую душу», «сгорел в бессильной жажде прикоснуться к человеческой душе»⁵²³.

---

⁵¹⁹ Розанов В.В. Легенда... С. 18.

⁵²⁰ Там же.

⁵²¹ Там же.

⁵²² Там же. С. 19.

⁵²³ Там же. С. 21.

Еще в своем труде «О понимании» Розанов причислил Гоголя к типу художника-психолога. В работе 1890 г. «Литературная личность Н.Н. Страхова» Розанов называет Гоголя «гениальным, но извращенным» писателем, на которого стали опираться в своих построениях славянофилы, потому что «он отрицанием своим совпал с их отрицанием»⁵²⁴. В статье «Пушкин и Гоголь» Розанов находит у Гоголя «болезненное воображение, которое часто творит второй мир поверх действительного и к этому второму миру силится приспособить первый»⁵²⁵. На взгляд Розанова, Гоголь не отразил в своих произведениях русскую действительность, а «с изумительным мастерством нарисовал ряд карикатур на нее»⁵²⁶. Язык произведений Гоголя – восковой, мертвый, все фигуры «стоят неподвижно», «не растут далее ни внутри себя, ни в душе читателя», это «мертвая ткань, которая каковою введена была в душу читателя, таковою в ней и останется навсегда», «мозаика слов, приставляемых одно к другому»⁵²⁷. Розанов утверждает, что герои Гоголя подчиняются исключительно воле автора; они бессмысленны и безжизненны. Он сравнивает образы Скупого рыцаря и Плюшкина. Первого «можно ненавидеть, но нельзя не уважать», второй не человек, произошел «каким-то особым способом, ничего общего не имеющим с естественным рождением»⁵²⁸. Исходя из этого, Розанов называет неверным утверждение о Гоголе, как об «основателе натуральной школы», «будто бы передающей действительность в своих произведениях». Он считает Гоголя «одиноким гением», подобного которому нет ни в русской, ни во всемирной литературе, а его внутренний мир – особым, непохожим ни на какой другой: «... он один жил в нем; но и нам входить в этот мир, связывать его со своею жизнью и даже судить о ней по громадной восковой картине, выкованной чудным мастером, - это значило бы убийственно поднимать на себя руку»⁵²⁹.

В статье «Как произошел тип Акакия Акакиевича» Розанов делает попытку детального рассмотрения механизма создания образа у Гоголя. Он сопоставляет факт действительности, по свидетельству современников послуживший исходной точкой замысла «Шинели», и интерпретацию этого факта Гоголем. По поводу рассказанной истории Розанов замечает следующее: «... в смысле рассказанного в кругу приятелей факта не было и тени указания на безжизненность, глухую инертность среды, в которой он совершился; и также ничего не говорило о духовной суженности главного,

---

⁵²⁴ Розанов В.В. Литературная личность Н.Н. Страхова // Розанов В.В. Легенда... С. 232.

⁵²⁵ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Легенда... С. 137.

⁵²⁶ Розанов В.В. Легенда... С. 20.

⁵²⁷ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Легенда... С. 139.

⁵²⁸ Там же. С. 140.

⁵²⁹ Там же.

в нем упомянутого лица»⁵³⁰. Затем Розанов дословно приводит первоначальный набросок повести и делает вывод, что «в лице и фигуре Акакия Акакиевича нет ничего не безобразного, в характере – ничего не забитого». Таким образом, «сущность художественной рисовки у Гоголя заключалась в подборе к одной избранной, как бы тематической, черте создаваемого образа других все подобных же, ее только продолжающих и усиливающих черт»⁵³¹. Воздействие такого образа на читателя Розанов сравнивает с действием линзы: «... совокупность этих подобранных черт, как хорошо собранный вогнутым зеркалом пук однородно направленных лучей, и бьет ярко, незабываемо в память читателя»⁵³². Подобный «способ рисовки» приводит к искажению и обеднению действительности, даже если писатель выводит положительные образы. При изображении же отрицательных сторон человеческой природы выходит «уже не сужение, но искалечение человека против того, что и каков он в действительности есть»⁵³³. Это стремление к «сужению и принижению человека» Розанов считает главной чертой у Гоголя. Он находит, что «бесконечный лиризм» Гоголя, который следует за его смехом и его иронией, - это «скорбь художника о законе своего творчества, плач его над изумительною картиною, которою он не умеет нарисовать иначе»⁵³⁴. Лиризм Гоголя – это «глубокая скорбь в творце при виде сотворенного». По мнению критика, именно такое осознание Гоголем последствий воздействия его творчества на реальную жизнь превращает «изумительного художника» в великого человека.

Опираясь на свое определение сущности творчества Гоголя, Розанов делает попытку объяснить его личность и судьбу. Розанов полагает, что особенность Гоголя в «глубоком и страшном изъяде», недостатке «того, что у всех есть, чего никто не лишен»: «... он был до такой степени уединен в своей душе, что не мог коснуться ею никакой иной души: и вот отчего так почувствовал всю скульптурность наружных форм, движений, обликов, положений»⁵³⁵. Таким образом, Розанов считает Гоголя внутренне замкнутым человеком, неспособным понять другого. И именно из этой замкнутости происходит особое видение, особенное восприятие мира предметов и особая изобразительность Гоголя.

По мнению Розанова, «великие люди своим психическим складом живут, разлагаясь в психический склад миллионов людей, из которого родятся потом с

---

⁵³⁰ Розанов В.В. Как произошел тип Акакия Акакиевича // Розанов В.В. Легенда... С. 144.

⁵³¹ Там же. С. 146.

⁵³² Там же.

⁵³³ Там же. С. 147.

⁵³⁴ Там же. С. 149.

⁵³⁵ Розанов В.В. Легенда... С. 20.

необходимостью и осязаемые факты»⁵³⁶. Поэтому литература может влиять на общество, и именно поэтому совершенно исключительное воздействие на русское общество оказал Гоголь – «родоначальник иронического настроения в нашем обществе и литературе». Гоголь создал особую форму мышления, согласно которой формируются даже новые, к Гоголю никакого отношения не имеющие мысли и представления: «... все, что не в духе Гоголя, - не имеет силы, и, напротив, все, что согласуется с ним, как бы ни было слабо само по себе, - растет и укрепляется»⁵³⁷. Это изменение, этот «изгиб» общественного мышления кажется Розанову отклонением от «первоначального и естественного направления», олицетворяемого Пушкиным. Розанов называет Гоголя гением другого, противоположного Пушкину, типа, которому было суждено «погасить» Пушкина и то, что несла его поэзия, в сознании людей. И он считает, что Гоголь знал об этом, видел «свое направление», хотя и был бессилён помешать ему. Именно поэтому, по мнению Розанова, Гоголь оставил писательское поприще.

Верить Гоголю означает, по Розанову, презирать людей. Герои Гоголя «разъединили людей, заставляя их не стремиться друг к другу, но бежать друг от друга», «всякий стал любить и уважать только свои мечты», «все живое не притягивает нас более, и от этого-то вся жизнь наша, наши характеры и замыслы стали так полны фантастического»⁵³⁸. Розанов полагает, что «гениальная и преступная клевета на человеческую природу», сотворенная Гоголем, так сильно подействовала на общественное сознание, что «мы в самом деле на несколько десятилетий поверили, что было целое поколение ходячих мертвецов, -- и мы возненавидели это поколение, мы не пожалели о них всяких слов, которые в силах сказать человек только о бездушных существах»⁵³⁹. Гоголь стал причиной того, что в русском обществе возникли тревога и возбуждение, действия приобрели конвульсивный характер, а мысли оказались беспорядочными. В этом состоянии невозможно естественное развитие. Розанов считает, что воображение Гоголя «растлило наши души и разорвало жизнь, исполнив и то, и другое глубочайшего страдания», отчего «живую жизнь начинаем любить менее, чем игру теней в зеркале»⁵⁴⁰. Гоголь понес за это страшную кару, которая ожидает в будущем все поверившее ему общество.

На основании вышеизложенного в высказываниях Розанова о Гоголе можно выделить два направления – собственно Гоголь и его роль в развитии русского

---

⁵³⁶ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Легенда... С. 142.

⁵³⁷ Там же. С. 136.

⁵³⁸ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Легенда... С. 142.

⁵³⁹ Розанов В.В. Легенда... С. 21.

⁵⁴⁰ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Легенда... С. 142.

общества. Розанов ни в коем случае не принижает значения Гоголя, он определяет его как изумительного художника и великого человека, однако он не согласен с той интерпретацией, которая была дана Гоголю критикой. Именно критика, объявившая Гоголя реалистом, сделала его лживым, искажающим истинную природу человека художником. Розанов определяет Гоголя как «фантаста» и высказывает надежду на то, что со временем «с его образа сбегут только ему навязанные черты, и он останется для нас в том именно особом величии, какое было в нем и какое он в себе указал нам»⁵⁴¹.

В самом начале отрывка о Гоголе, помещенного в «Легенде о Великом инквизиторе», Розанов называет писателя родоначальником реалистического направления в литературе. Как и Гоголь, следующие за ним писатели «имеют дело только с действительной жизнью, а не с созданною в воображении, с положениями, в которых мы все бываем, с отношениями, в которые мы все входим»⁵⁴². Налицо противоречие: с одной стороны, Гоголь – реалист, придавший форму целому литературному направлению, с другой стороны, он отражал в своем творчестве не реальность, а лишь свое субъективное видение. Разрешить этот вопрос нам помогает ссылка Розанова на поэмы «Цыганы» А.С. Пушкина и «Мцыри» М.Ю. Лермонтова как на произведения, «созданные в воображении». Розанов сначала противопоставляет реалистические произведения романтическим, и в этом случае Гоголь оказывается реалистом в духе Белинского, но только по форме. Содержание гоголевских произведений не имеет ничего общего с реализмом, так как художник рассматривает обыкновенные ситуации совершенно необыкновенным образом. Его произведения только внешне похожи на реальность, а внутренне являются ей совершенно чуждыми, то есть Гоголь выстраивает конструкцию, как бы подобную действительности.

В рассмотренных выше статьях Розанов все время настойчиво возвращается к этой мысли. Он пишет: «... мир Гоголя – чудно отошедший от нас вдаль мир, который мы рассматриваем как бы в увеличительное стекло; многому в нем удивляемся, всему смеемся, виденного не забываем; но никогда ни с кем из виденного не имеем ничего общего, связующего, и – не в одном только положительном смысле, но также – в отрицательном»⁵⁴³. Именно мнимое подобие, ошибочное наложение фантастического мира Гоголя на действительную русскую жизнь и породило тот изгиб общественного мышления, от которого Розанов ожидает больших бед в будущем. Несмотря на это Розанов считает, что появление Тургенева, Достоевского, Островского, Гончарова, Толстого, которые описали волнения, страсти, падения и просветления живой

⁵⁴¹ Розанов В.В. Как произошел тип Акакия Акакиевича // Розанов В.В. Легенда... С. 151.

⁵⁴² Розанов В.В. Легенда ... С. 18.

⁵⁴³ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Легенда... С. 140.

человеческой души, само по себе является преодолением мертвящего «гоголевского» начала. Эти писатели выступают против мнения о том, что человека можно лишь презирать, то есть сам ход русской литературы отрицает Гоголя и борется с ним.

По отношению к этому этапу размышлений Розанова о Гоголе мы не можем говорить о неприятии критиком писателя, как это обычно трактуется в литературоведении. Розанов на основании своих впечатлений читателя размышляет о сути творчества Гоголя и о его месте в русской литературе. Гоголь вызывает у него двойственное отношение: форма его произведений восхищает, а содержание пугает. Но большее несогласие вызывает у Розанова интерпретация творчества Гоголя критикой. Причем вину за это он возлагает как на художественное мастерство Гоголя, которому почти невозможно противостоять и которое может ввести читателя в заблуждение, так и на непонимание сути его творчества русским обществом.

2.2.2. Интерпретация второй половины 1890-х – начала 1900-х гг.

На втором этапе рассмотрения творчества Гоголя Розанов меняет свою оценку. Уже в статье 1897 г. «Смысл аскетизма» он называет Гоголя, а также Толстого и Достоевского «великими мистиками нашей литературы», которые запылали новой любовью к человеку «во плоти», в его земной тяжести. По мнению критика, это русские писатели «единственно оригинально и до глубины религиозные»⁵⁴⁴. Розанов отказывается от своего мнения о «мертвенности» души Гоголя, вероятно, под влиянием распространившейся концепции Ницше о двух творческих началах. В статье 1898 г. «Вечно печальная дуэль» он находит у писателя «вулканические рыдания под корою ледяного смеха» и дает определение его душе как «типично стихийной». Критик объединяет Гоголя, Лермонтова и Достоевского как писателей, которые преклонялись перед Пушкиным и хотели через него «заклясть» свои «стихии», но не могли этого сделать. Таким образом, Розанов противопоставляет Пушкину Гоголя и Лермонтова. Он считает, что между ними существует «параллелизм» как между высшей и низшей точками «круга небесного»⁵⁴⁵. Хотя в этой статье Розанов и использует определение характера творчества Гоголя, какое он давал ранее, но теперь «мертвенность» и «умерщвление» живого становятся у него «дивными и властительными». Это стихийное начало в Гоголе, на которое не мог иметь влияния статичный Пушкин. Теперь это качество начинает казаться Розанову более важным: «Гоголь ... именно в «стихийности» своей неизмеримо властительнее Пушкина»⁵⁴⁶.

⁵⁴⁴ Розанов В.В. Смысл аскетизма // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 175.

⁵⁴⁵ Там же. С. 229.

⁵⁴⁶ Там же. С. 221.

Мы видим, что в данном случае, используя старое определение, Розанов вкладывает в него диаметрально противоположное содержание, так как «мертвое» не может быть «стихийным».

В статье того же 1898 г. под названием «Истинный “fin de siecle”» Розанов рассматривает черновой набросок плана «Мертвых душ» как пророчество, которое «не только до глубины выражает, но и до подробностей очерчивает ту картину, над которой мы плачем сейчас»⁵⁴⁷. Гоголь представляется Розанову «Иеремиею» «не руин своего времени, своего отечества, но культуры европейской, но цивилизации... христианской»⁵⁴⁸. Этим коротким замечанием Розанов впервые выводит Гоголя за рамки русской культуры, примеряя к нему роль критика христианства. В путевом очерке «Федосеевцы в Риге» (1899 г.) Розанов упоминает «вечную и печальную на Руси» ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем. Он восхищается Гоголем, который, по его мнению, выразил этой ссорой «всю суть России», «а ведь почти и не жил в ней, нехристь, - только «проехался»⁵⁴⁹.

В статье 1901 г. «Небесное и земное» Розанов приводит эпизод биографии Гоголя, когда о. Матвей потребовал от умирающего Гоголя отречения от Пушкина, в подтверждение своей мысли о том, что христианство требует от человека отказа от всего земного: весь мир – и Пушкин, и «детушки и жены» приносятся в жертву идее искупления⁵⁵⁰. Далее в заметке «Оптина пустынь» (1903 г.) Розанов рассматривает письма Гоголя старцам и приходит к выводу, что «и впечатление Оптиной пустыни, и знаменитые увещания о. Матвея, ржевского протоиерея, пали на душу Гоголя, как брызги совершенно невинной воды на раскаленную заслонку топящейся печи»⁵⁵¹. В то же время Розанов отмечает, что «ранее всяких богословских знакомств у совершенно молоденького Гоголя <...> появляются эти самые покаянные, тревожные ноты»⁵⁵². В качестве примера он ссылается на эпизод из «Страшной мести», в котором колдун появляется перед святым схимником и просит за него молиться. Гоголь оказывается вне рамок православия, у него какие-то особенные отношения с миром сверхъестественного. В путевом очерке 1907 г. «Русский Нил» Розанов рассказывает о посещении Радищевского музея в г. Саратове, где ему встретилось письмо Гоголя о. Матвею, в котором Гоголь оправдывается за «Выбранные места из переписки с друзьями». Розанов называет отца Матвея «Мефистофелем Гоголя» и замечает, что

⁵⁴⁷ Розанов В.В. Истинный «fin de siecle» // Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. С. 56.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Розанов В.В. Федосеевцы в Риге // Розанов В.В. Иная земля, иное небо... С. 47.

⁵⁵⁰ Розанов В.В. Небесное и земное // Розанов В.В. Около церковных стен. С. 167.

⁵⁵¹ Розанов В.В. Оптиная пустынь // Розанов В.В. Около церковных стен. С. 293.

⁵⁵² Там же.

Гоголь, болея и умирая, «оставался несколькими головами выше своего советчика-духовника и инквизитора»⁵⁵³. Надо отметить, что религиозность, которая, по мнению критика, присуща Гоголю, представляется ему более значимой, чем ортодоксальное православие. И в качестве критика христианства Гоголь весьма импонирует Розанову.

Одно из любимых мест из Гоголя у Розанова – явление души пани Катерины перед ее отцом-колдуном в «Страшной мести». В статье «Заметка о Пушкине» (1899 г.) этот образ Розанов применяет к самому Гоголю, свободная душа которого вечно где-то летает, а тело просто «вешалка с платьем». Он снова объединяет Гоголя, Достоевского и Лермонтова как писателей, которые «опьянены», «суть оргиасты в том значении, и, кажется, с тем же родником, как и Пифия, когда она садилась на треножник»⁵⁵⁴. Умный, строгий и серьезный Пушкин менее актуален для современной действительности, чем Достоевский, Толстой и Гоголь, которые зорче его и в современной жизни «нужнее, как ночью в лесу умелые провожатые»⁵⁵⁵. В работе «Ив.С. Тургенев» (1903 г.) Розанов говорит о динамическом начале Руси, которое с Гоголем, Лермонтовым, Толстым и Достоевским вошло в русскую литературу, в противовес началу статическому, олицетворяемому Пушкиным, Гончаровым и Тургеневым: «... если те писатели, спокойные, дали ей образы, как она жила и есть; то эти тревожные писатели пробовали, каждый по-своему, начертать ей закон и ... fatum что ли, пророчество»⁵⁵⁶. Так возникает новое деление на писателей, просто описывающих действительность, и писателей - пророков.

В предисловие ко второму изданию «Легенды о Великом инквизиторе» (1901 г.) Розанов отказывается судить о душе Гоголя: «... сколько бы в глубь этого колодца вы ни заглядывали, никогда вы не проникнете его до дна»⁵⁵⁷, но повторяет мысль о том, что Гоголь был идеалист и не имел связи с реальностью: «Гоголь был великий платоник, бравший все в идее, в грани, в пределе (художественном), и, разумеется, судить о России по изображениям его было бы так же странно, как об Афинах времен Платона судить по отзывам Платона»⁵⁵⁸. Розанов опять удивляется мощи слова Гоголя: «... невозможно забыть ничего из сказанного Гоголем, даже мелочей, даже ненужного»⁵⁵⁹. Образы Гоголя одновременно и реальные, и фантастичны. Из этого Розанов делает вывод о том, что Гоголь «знал загробные миры; и грех, и святое ему

---

⁵⁵³ Розанов В.В. Русский Нил // Розанов В.В. Иная земля, иное небо... С. 406-407.

⁵⁵⁴ Розанов В.В. Заметка о Пушкине // Розанов В.В. Легенда... С. 424.

⁵⁵⁵ Там же. С. 426.

⁵⁵⁶ Розанов В.В. Ив.С. Тургенев. // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 138.

⁵⁵⁷ Розанов В.В. Легенда... С. 8.

⁵⁵⁸ Там же.

⁵⁵⁹ Там же.

были известные непонаслышке»⁵⁶⁰. Так как это предисловие к работам, где сформулирована первоначальная точка зрения Розанова на творчество Гоголя, написано на втором этапе развития концепции, то мы наблюдаем здесь интересное совмещение двух интерпретаций. Гоголь по-прежнему не является реалистом, вернее, его произведения реальны по форме, но фантастичны по своему содержанию, и именно поэтому по ним нельзя судить о России. Но одновременно Гоголь необыкновенно глубок и по личному опыту знает загробные миры, что указывает на его таинственную, мистическую и стихийную сущность.

В статье «М.Ю. Лермонтов» (1901 г.) Розанов развивает свою мысль о творческом методе Гоголя как сочетании реализма и фантастики. Прежде всего Гоголь – это писатель, умеющий «так нарисовать действительность, так ее подметить в самомалейших реальных подробностях, как никто»⁵⁶¹. Но кроме этого он еще может «вдруг заснуть и увидеть то, чего вовсе не содержится в действительности»⁵⁶². Изображая в «Страшной мести» Днепр, на самом деле Гоголь «рисует свою душу, ... тянущуюся ко всему миру»⁵⁶³. Правдоподобие изображения создается «напряженной страстностью», а не подробностями. Розанов сравнивает Гоголя с лунатиком («сомнамбулистом»), который идет по крышам и одновременно видит сон, сочетая «величайший реализм и несбыточное».

В путевом очерке этого же года, озаглавленном «Умиравший гладиатор» и «Моисей» Микель-Анджело», Розанов вспоминает эпизод из той же «Страшной мести», когда «лошадь, на которой скакал колдун от своих грехов и всего ужаса своего прошлого, обернулась и засмеялась»⁵⁶⁴, и называет его самым страшным мистическим моментом. Розанов довольно часто использует принцип метонимии, пытаясь определить творчество Гоголя через одно из его произведений или даже один из образов, созданных этим писателем. В статье «М.Ю. Лермонтов» он сопоставляет сцену проявления истинного лица колдуна при виде иконы («Страшная месть») со всем творчеством Гоголя, который насмешил публику в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», затем «состарился» и «осунулся» в петербургских повестях и, наконец, «заговорил самые необыкновенные вещи» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и в «Авторском завещании». К тому же Гоголь «умер фантастично и покаянно, как будто нагрешил самые несбыточные грехи».

---

⁵⁶⁰ Там же.

⁵⁶¹ Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 71.

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Там же. С. 72.

⁵⁶⁴ Розанов В.В. «Умиравший гладиатор» и «Моисей» Микель-Анджело // Розанов В.В. Иная земля, иное небо... С. 156.

Исходя из этих соображений, Розанов приходит к следующему выводу: «... нельзя отделаться от впечатления, что Гоголь уже слишком по-родственному, а не по-авторски только знал батюшку Катерины»⁵⁶⁵, - то есть, казалось бы, намекает на сатанинство писателя. Тем не менее Розанов заключает в кавычки слово «демонизм» по отношению к Гоголю и Лермонтову. Он настаивает на том, что «между ними и совершенно загробным, поту-светлым “х” была некоторая связь», что оба «были любимы небом, но любимы лично, а не вообще и не в том смысле, что имели особенную даровитость»⁵⁶⁶. Розанов считает, что и Лермонтов, и Гоголь имели «параллелизм в себе жизни здешней и какой-то не здешней», причем «родной их мир – именно не здешний»⁵⁶⁷. Оба писателя имели видения и видели то, что недоступно всем остальным, однако эти видения «до того не отвечали привычным им с детства представлениям о религиозном, о святом», что они были «испуганы этими бестелесными явлениями» и «дали им ярлык, свидетельствующий об отвращении, негодовании: ”колдун”, “демон”, “бес”»⁵⁶⁸.

Таким образом, «демонизм» Гоголя и Лермонтова оказывается на самом деле повышенной чувствительностью к сверхъестественному, которое, не являясь по своей сути злом, так напугало обоих писателей, что они неправильно истолковали эти явления. На основании этой интерпретации у Розанова возникает новое объяснение лирических отступлений в произведениях Гоголя: это не «скорбь в творце при виде сотворенного», а возвращение в свою родную стихию из удушливой и тесной эпопеи.

Статья «М.Ю. Лермонтов» является важной вехой в осмыслении творчества Гоголя в критическом наследии Розанова. От прежних утверждений о пустоте и даже бездушии Гоголя критик переходит к мысли о его врожденной связи с трансцендентным. Это предположение настолько увлекает Розанова, что он пересматривает свое мнение о творческом методе Гоголя и говорит о его призвании изображать с одинаковой силой и реальное, и фантастическое. Если раньше реальной была форма, а фантастическим – содержание, то теперь реальным становится также и содержание. Эта мысль развивается в работе «Гоголь» (1902 г.). Сначала Розанов рассуждает о стиле, который есть у каждой человеческой души; этому стилю души соответствует «стиль целостного творчества, исходящий из этой души»⁵⁶⁹. Стиль для критика – это «дух, объемлющий все подробности и подчиняющий их себе». Стиль автора выражается в языке, в выборе сюжета, в способе обработки сюжета. Розанов не

---

⁵⁶⁵ Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 74.

⁵⁶⁶ Там же. С. 75.

⁵⁶⁷ Там же. С. 72.

⁵⁶⁸ Там же. С. 75.

⁵⁶⁹ Розанов В.В. Гоголь // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 121.

отделяет биографию писателя от его творчества, поэтому стиль – это некая психологическая модель, которая организует и жизнь, и творчество по одному принципу. Стиль Гоголя называли «натуральным», но даже Пушкин не создавал таких «чудодейственных фантазий», и в этих фантазиях «чуешь какую-то истину, хотя их фабула переступает границы всякой возможности»⁵⁷⁰. Этим Розанов утверждает, что реализм проступает у Гоголя через фантастическое, и, вероятно, в данном случае он имеет в виду сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки». Далее критик повторяет свою мысль о равной приверженности Гоголя к фантастическому и к натуралистическому, но при этом подчеркивает, что действительность Гоголь знает не эмпирически, а интуитивно и поэтому смотрит не на реальные предметы, а внутрь себя: «... иногда кажется, что он носил в субъекте своем мир, совершенно подобный внешнему, и уже последний знал раньше, чем на него начинал глядеть». Гоголь «дал нам неутешное зрелище себя, и заплакал, и зарыдал о нем»⁵⁷¹.

Эта мысль Розанова отчасти совпадает с его прежним мнением о крайней субъективности Гоголя, однако в отличие от своего понимания Гоголя на первом этапе теперь критик полагает, что картина, которую Гоголь увидел внутри себя, совпала с русской действительностью. Настаивая теперь на реалистичности творчества Гоголя, Розанов по-другому интерпретирует его произведения. Царь-реформатор, по мнению критика, выведен подлинным ревизором в одноименной пьесе, а Хлестаков представляет собой «негласную сатиру на все 25-летие, от декабристов до Севастополя». Розанов заявляет, что без Гоголя нельзя представить реформ Александра II: «после Гоголя стало не страшно ломать, стало не жалко ломать»⁵⁷², поэтому по кардинальному воздействию на русское общество он является величайшим русским политическим писателем. Гоголь «сжег николаевскую Русь», и это было преднамеренное разрушение⁵⁷³. Таким образом, Розанов видит в воздействии творчества Гоголя на русское общество одну из главных причин отмены крепостного права.

Итак, Розанов, будто бы «ненавидящий» Гоголя, пишет о том, что без Гоголя невозможно себе представить развитие русского общества: «... потерять всю Белоруссию не страшнее станет»⁵⁷⁴. То есть он оценивает положительно влияние Гоголя на культуру России эпохи Николая Первого. Вовсе не мертвые души увидел Гоголь в русской жизни, а реальные типы людей, мало того, он «в своих Костанжогло

---

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ Там же.

⁵⁷² Там же. С. 122.

⁵⁷³ Там же. С. 123.

⁵⁷⁴ Там же. С. 122.

и Муразовых предсказал Губониных, Кокоревых, Кауфманов, Барановых»⁵⁷⁵. В ранней статье «Как произошел тип Акакия Акакиевича» образы Улиньки и Костанжогло названы обеднением действительности, ее упрощением и сужением, теперь эти образы «совпадают» с реальными людьми. В отличие от прежнего утверждения о пустоте и мертвенности Гоголя Розанов в этой статье заявляет, что в жизни Гоголь был скрытен и притворен, но «в творчестве своем он был безмерно искренен, горел, пылал в нем и непритворным смехом, и непритворною любовью»⁵⁷⁶. То, что прежде было «восковой массой слов», теперь обозначается Розановым как «горение».

Ранее он писал о том, что писатель сознательно погасил свой гений, понимая истоки и природу своего творчества. Теперь Гоголь, по мнению критика, принадлежит «к тем редким мятущимся и странным натурам, которые и сами от себя не имеют «ключа»⁵⁷⁷. Гоголь слаб, постоянно ищет опоры и поддается влияниям «от Пушкина до священника Матвея Ржевского»; «он вечно борется с собою: он вечно кого-то поборает в себе»; «он вечно кается – непонятно в чем». Даже творчество для него было «ступенями его внутренней с собою борьбы»⁵⁷⁸. Розанов в очередной раз сравнивает творчество Гоголя с преображением колдуна из «Страшной мести» и называет его «колдун с филантропическим образом мыслей». Эти особенности часто объясняют психической болезнью. По Розанову, это скорее заболевание нравственное: Гоголь страдает «от чрезмерности душевных глубин». По мнению критика, в писателе заговорил «дух земли», и оттого-то ему было так трудно, что он даже не мог этого объяснить. Гоголь имел в себе «древнее ведовское начало», и именно от этого происходит «его таинственная и рациональная сила»⁵⁷⁹.

В этом же 1902 г. в статье «25-летие кончины Некрасова» Розанов указывает, что в 30-е гг. «Гоголь смеялся над действительностью, и притом довольно полно, т.е. над всею и всякою русскою действительностью»⁵⁸⁰, а научился смотреть на мир без сарказма только после того, как попал в Рим. В отличие от двух рассмотренных выше работ Розанов снова отрицает реализм Гоголя: «... весь мир Гоголя – глубоко фантастический; он изведен изнутри его бездонного субъективизма»⁵⁸¹. Он считает Гоголя необыкновенным человеком, хотя и уступающим Некрасову в «русизме». Заметка «Поминки по славянофильству и славянофилах» (1904 г.) сопоставляет Гоголя

---

⁵⁷⁵ Там же.

⁵⁷⁶ Там же. С. 122.

⁵⁷⁷ Там же. С. 122-123.

⁵⁷⁸ Там же. С. 123.

⁵⁷⁹ Там же.

⁵⁸⁰ Розанов В.В. 25-летие кончины Некрасова // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 109.

⁵⁸¹ Там же.

с Петром Великим: «... куда ни глянем – все от него имеет начало»⁵⁸². В статье 1905 г. «Новые вкусы в философии» Розанов объявляет творчество Гоголя завершением традиции «старого смеха» - это «величайший в нашей литературе смех и последний настоящий смех»⁵⁸³. Надо заметить, что в этом высказывании вовсе не наблюдается того неприятия смеховой культуры, которое будет характерно для Розанова в дальнейшем.

Критические высказывания о Гоголе в этот период ограничиваются «Заметкой о Пушкине» (1899 г.), в которой Розанов называет «пустыми» юношеские письма Гоголя к матери: «несравненный рассказчик, в письмах он не умеет рассказывать», «постоянно сбивается на поучение»⁵⁸⁴. Розанов обвиняет Гоголя в «вечной надуманности» его произведений: «он "не от души" рассказывал», «сажаясь "сочинять", он ставил тему, он ее развивал и доводил до конца»⁵⁸⁵. Таким образом, Розанов настаивает на рациональности творчества Гоголя, который, тем не менее, не мог сгладить противоречий между формой и содержанием своих произведений, имея «гений комической техники при страшно трагическом сложении души»⁵⁸⁶. В обзоре «Литературные новинки» (1904 г.) Розанов упоминает о Гоголе в контексте критического осмысления творчества А.П. Чехова. Розанов замечает, что «вся литература наша есть или глубокая лирика от скуки, ничегонеделания и тоски (Лермонтов, Гоголь, Тургенев; сюда и Чехов входит); <...> или – правописание, сатира, раздражение (начиная с Гоголя, и сюда также входит Чехов)»⁵⁸⁷. Однако и то и другое поверхностно и не затрагивает истинных основ бытия - «это есть гнев на вялый цвет кожи, когда вопрос не в ней, а в нервах»⁵⁸⁸.

В заметке «Среди анархии» (1905 г.) Розанов видит в Гоголе «чудовищного анархиста», «каких еще земля не рожала»⁵⁸⁹. В послесловии к комментарию «Легенды о Великом инквизиторе» (1906 г.), в которое включена рецензия на работу Д.С. Мережковского «Гоголь и черт», Розанов насмешливо замечает: если логически продолжить мысль автора о том, что Гоголь всю жизнь ловил черта, то приходится признать, что Гоголь ловил за хвост самого себя, «ибо в письмах он писал, что все

---

⁵⁸² Розанов В.В. Поминки по славянофильству и славянофилах // Розанов В.В. Легенда... С. 449.

⁵⁸³ Розанов В.В. Новые вкусы в философии // Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 342.

⁵⁸⁴ Розанов В.В. Заметка о Пушкине // Розанов В.В. Легенда... С. 420.

⁵⁸⁵ Там же. С. 421.

⁵⁸⁶ Там же.

⁵⁸⁷ Розанов В.В. Литературные новинки // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 169.

⁵⁸⁸ Там же.

⁵⁸⁹ Розанов В.В. Среди анархии // Розанов В.В. Когда начальство ушло... С. 65.

"старается исправляться", что "выставлял свои пороки в выводимых лицах" и через это "освобождался от них"...»⁵⁹⁰.

Первоначальная точка зрения на творчество Гоголя снова начинает проступать у Розанова в связи с попытками определения сути творчества Льва Толстого. В статье «Толстой и Достоевский об искусстве» (1906 г.) Розанов упоминает о Гоголе как о «натуралисте-художнике», поясняя, что Гоголь «был натуралист в приемах изображения, а не в чутье к действительности, не по вкусу к ней»⁵⁹¹, и в своем творчестве Гоголь довел до вульгарности простоту Пушкина. В статье «На закате дней (Л. Толстой и быт)» (1907 г.) Розанов замечает, что гений Толстого по «задаче животворить» был полностью противоположен гению Гоголя, который «мертвил даже и налично живое, окружающих современников, все»⁵⁹². Розанов восторженно говорит о «неслыханной сладости» словесного мастерства Гоголя, об особой «психофизиологической магии» его слова: «... у Гоголя был резец Фидия, которым где он ни проведет, все это, где провел, и остается вечно жить, не забывается, не может забыться!»⁵⁹³ Читатель получает от чтения «Мертвых душ» эстетическое наслаждение, напоминающее «дьявольское щекотание нервов». По мнению критика, «это какой-то острый лимбургский сыр для гастрономов»⁵⁹⁴. Однако хотя «талант Гоголя был неизмеримо выше, чем у Толстого, но душа его несравненно была мельче, уже, площе, неинтереснее и (пожалуй, главное) неблагороднее»⁵⁹⁵. По сюжету произведения Гоголя – всего лишь «анекдот» и «приключение». Розанову это кажется «до того узко и, наконец, страшно, страшно именно в гении и корифее литературы, что растериваешься, ум сжимается недоумением и начинает негодовать»⁵⁹⁶. Его поражает «мощь формы и бессилие содержания, резец Фидиаса, приложенный к крохотным и по существу никому не нужным фигуркам»⁵⁹⁷. Далее критик делает вывод, противоречащий тому восхищению глубиной и реализмом Гоголя, которое характерно для второго этапа развития его концепции творчества писателя: «Гоголь был волшебник, но волшебник, так сказать, не макрокосма, преувеличенного мира, а волшебник микрокосма, <...> мира, какого-то пришибленного, раздавленного,

---

⁵⁹⁰ Розанов В.В. Послесловие // Розанов В.В. Легенда... С. 155.

⁵⁹¹ Розанов В.В. Толстой и Достоевский об искусстве // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 213.

⁵⁹² Розанов В.В. На закате дней (Л. Толстой и быт) // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 234.

⁵⁹³ Розанов В.В. Величайший мастер слова // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 225.

⁵⁹⁴ Там же.

⁵⁹⁵ Там же.

⁵⁹⁶ Там же. С. 226.

⁵⁹⁷ Там же.

плоского, даже только линейного, совершенного невозможного и фантастического, ужасного и никогда не бывшего!»⁵⁹⁸

Статья 1910 г. «Толстой в литературе» относит Льва Толстого к писателям пушкинского направления: «... между Пушкиным и Гоголем он встал, склонившись всецело к Пушкину и не имея почти ничего гоголевского»⁵⁹⁹. Розанов считает, что творчество этого писателя является значительной вехой на пути борьбы с влиянием Гоголя: «... именно живопись Толстого своим положительным отношением к русской истории и русской жизни уравнивала гениальные отрицания малоросса Гоголя; уравнивала, притупила и сгладила»⁶⁰⁰. В работе того же года «Забывтое возле Толстого» Розанов заявляет, что гений Гоголя могущественнее гения Толстого. Толстой изобразил русскую жизнь полной интереса, глубины и благородства, «в этом отношении и Пушкин, и Гоголь, и Лермонтов перед ним ничтожны, пигмеи»⁶⁰¹. Однако у Гоголя – «магия», «радий слова», а «у Толстого везде “без радия”, - все обыкновенные вещества»⁶⁰². То есть Розанов здесь сравнивает писателей по формальному мастерству и ставит словесное мастерство Гоголя неизмеримо выше мастерства Льва Толстого. Далее он противопоставляет Толстому также Пушкина и Лермонтова, утверждая, что «у Пушкина, Лермонтова, Гоголя все “божественно” в самом серьезном смысле», а Лев Толстой – обыкновенный, «наш». Причину этого Розанов видит не в личности этих писателей, а в усложнении жизни, требующей для адекватного изображения именно такого художественного метода. Мы видим, что в сопоставлении со Львом Толстым Гоголь полностью перестает быть реалистом. Более того, Розанов утверждает, что произведения Льва Толстого положительно повлияли на русское общество, искоренив «гениальные отрицания» Гоголя. Так Розанов возвращается к своей первоначальной концепции.

Таким образом, на втором этапе размышлений Розанова о творчестве и личности Гоголя мы наблюдаем изменение точки зрения. Вместо пустоты Розанов увидел в Гоголе трансцендентную глубину, которая является источником его «нравственных заболеваний». Розанов начинает рассматривать Гоголя как прирожденного мистика, имеющего контакт с потусторонними силами, и это заставляет его изменить первоначальное мнение о произведениях писателя. Вторая интерпретация начинает формироваться в 1897 – 1898 гг. в статьях «Смысл аскетизма» и «Вечно печальная дуэль». Розанов продолжает использовать свои старые

---

⁵⁹⁸ Там же.

⁵⁹⁹ Розанов В.В. Толстой в литературе // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 467.

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ Розанов В.В. Забывтое возле Толстого // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 471.

⁶⁰² Там же. С. 472.

определения, вкладывая в них новый смысл, что приводит к семантическим казусам наподобие «мертвой стихийности». Окончательно концепция складывается в 1901 – 1902 гг. в статьях «М.Ю. Лермонтов» и «Гоголь». Розанов восхищается Гоголем и отводит ему роль в русской истории? сходную по значению с ролью Петра Первого. Здесь еще нет пресловутой «ненависти», а также резких высказываний о смехе Гоголя. Интерпретируя Гоголя как носителя «древнего ведовского начала», Розанов полностью принимает его точку зрения на русское общество, в том числе и его «величайший» смех, который кажется ему «последним настоящим смехом» в русской литературе. Кроме того, Розанов примеряет к Гоголю роль критика христианства, однако эта идея существует пока что в скрытом виде, проявляясь в отдельных замечаниях и интерпретациях эпизодов биографии Гоголя. Однако после того, как вторая точка зрения была окончательно сформулирована, Розанов начинает возвращаться к своему первоначальному мнению. Рассматривая творчество Льва Толстого и сравнивая с ним Гоголя, Розанов, очевидно, обнаруживает справедливость своих более ранних утверждений. Он снова говорит о противоречии формы и содержания в произведениях Гоголя и о том, что изображенные им персонажи не имеют отношения к русской действительности.

2.2.3. Статьи к 100-летию юбилею Н.В. Гоголя (смещение интерпретаций)

Совершенно отдельно стоит комплекс статей, написанных в год открытия памятника Гоголю. В них очень сложно переплетаются элементы как первой, так и второй трактовки образа Гоголя. Создается впечатление, что Розанов экспериментирует со своими собственными идеями, складывая их то одним способом, то другим. Формируются ключевые проблемы, вокруг которых изменяется содержание статей. Во-первых, это установление соотношения творчества Гоголя и реальности; во-вторых, оценка влияния Гоголя на русскую действительность; в-третьих, определение творческого метода Гоголя; в-четвертых, выделение иррациональной составляющей его творчества.

В статье «Загадки Гоголя» (1909 г.) Розанов заявляет, что «гений есть перелом человека «куда-то», есть «отклонение в сторону от нормальных и вечных путей человечества»⁶⁰³. Толстой и даже Гете представляются ему прекрасными, но все-таки человеческими явлениями, «гений же всегда немножко сверхчеловечен». Розанов считает, что все остальные русские писатели (в том числе Пушкин и Лермонтов) ясны и понятны и только Гоголь «остаётся совершенно темен для нас, совершенно

---

⁶⁰³ Розанов В.В. Загадки Гоголя // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 333.

непроницаем»⁶⁰⁴. Это возникает из-за невероятной глубины внутреннего мира Гоголя, которая им тщательно скрывалась: «... в Гоголе было чрезвычайно много актера, притворства, игры, одурачивания ближних и соседей»⁶⁰⁵. Лишь два изображения, по мнению критика, отражают настоящего Гоголя: «... только в гробу, да еще для наблюдательного товарища в школе, верно следившего за ним потихоньку, он показался “как есть”, в этом загробном и страшном, противоестественном своем образе»⁶⁰⁶. Розанов опять использует образ пана-колдуна из «Страшной мести» для демонстрации истинной сущности Гоголя и проводит параллель между превращением казака в колдуна и творческой эволюцией писателя, которую он уже использовал в статье «М.Ю. Лермонтов».

Розанов снова возвращается к мысли о том, что Гоголь одновременно есть «величайший реалист и величайший фантастик»⁶⁰⁷. Однако в этой статье критик утверждает, что Гоголь верно отразил реальность: «Мертвые души» – «уже Русь, вся Русь»⁶⁰⁸. Более того, Гоголь создал нечто абсолютно прекрасное: «... то самое, что эллины сделали в мраморе, Гоголь сделал в слове: он изваял фигуры до такой степени вечные и универсальные, до такой степени безупречные, как Аполлоны и Зевсы Фидиев и Праксителей»⁶⁰⁹. Но безупречное по форме отвратительно по содержанию: «Аполлон и Плюшкин – какое сопоставление! От Аполлона до Плюшкина – какое нисхождение!»⁶¹⁰ Розанов и раньше находил у Гоголя непреодолимое противоречие формы и содержания, например, гений комической техники при трагическом строе души, однако теперь он приходит к выводу, что в Гоголе совмещались также святой старец и неслыханный грешник. Поэтому критик пересматривает сцену попытки покаяния из «Страшной мести» и сопоставляет с ней два произведения Гоголя – «Переписку с друзьями» и письма к старцам Оптиной пустыни. Именно из этой противоположности происходит заключительная строка «смехотворной» «Ссоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем»: «Скучно на этом свете, господа!»

Главную загадку жизни и творчества Гоголя Розанов усматривает в том, что «острая грань гоголевского гения повернулась к миру так, а не иначе»⁶¹¹. Он сравнивает Гоголя со Львом Толстым и обращает внимание читателя на то, что «в людях почти одной эпохи» один высмотрел «Войну и мир», а второй – «Мертвые

---

⁶⁰⁴ Там же. С. 338.

⁶⁰⁵ Там же.

⁶⁰⁶ Там же. С. 336.

⁶⁰⁷ Там же. С. 338.

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ Там же. 338-339.

⁶¹⁰ Там же. С. 339.

⁶¹¹ Там же. С. 340.

души»⁶¹². По словам критика, мы видим в вещах то, что хотим видеть, поэтому в художественном творчестве так значим субъективный настрой души: «... патетическое, восторженное, лирическое освещение вещей и освещение уничижительное зависит в сущности от вкуса»⁶¹³. Розанов полагает, что Гоголь специально выбирал «горькие травы», то есть специально обращал внимание на темные стороны жизни. «Мертвые души», по его мнению, родились из контраста между великолепием всемирной истории, воплощаемой Римом, и Россией, которая «всех догонит и перегонит на своей “тройке”, запряженной Собакевичем, Ноздревым и Маниловым»⁶¹⁴. В Гоголе жил «такой напряженный идеализм, такая тоска по идеалу, непременно по всемирному, который облил бы смыслом все человечество и объединил бы его, связал его этим смыслом, одной целью»⁶¹⁵.

Именно вследствие стремления к идеалу Гоголь «опрокинул на ”отечество” громадную чернильницу, утопив в черной влаге ”тройку”, департаменты, Клейнмихеля, перепачкав все мундиры, буквально изломав все царство, так хорошо сколоченное к половине XIX века»⁶¹⁶. В этой статье Розанов выдвигает предположение, что причину появления «мертвых душ» Гоголь мог видеть в «первоначальных устоях», так хорошо выраженных им в «Тарасе Бульбе». Однако Розанов не считает свое объяснение единственно возможным, так как Гоголя нельзя объяснить только при помощи разума, самое главное в нем лежит в темной и смутной сфере нерационального.

Данная работа представляет собой совмещение элементов первой и второй интерпретаций образа Гоголя. Розанов описывает Гоголя как мистика, странным образом совмещающего в себе противоположные качества, и оценивает положительно историческую роль его творчества. В начале статьи говорится, что Гоголь верно отразил русскую действительность, однако в процессе рассуждения оказывается, что это не вся действительность, а только ее темные стороны, к которым у Гоголя было особенное чутье. В отличие от первоначальной точки зрения, согласно которой Гоголь посмотрел на жизнь мертвым взглядом и увидел то, чего в ней нет и никогда не было, теперь Гоголь предстает художником, выбирающим из реальной русской жизни то, что его притягивает.

В статье «Гений формы» (1909 г.) Розанов снова находит пустыми и бессодержательными сюжеты произведений Гоголя: «... тут вообще ничего нет, о чем

---

⁶¹² Там же.

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ Там же. С. 343.

⁶¹⁵ Там же.

⁶¹⁶ Там же. С. 344.

стоило бы рассказать, что хотя на минуту возбудило бы нашу любознательность, любопытство, в каком-нибудь отношении возбудило бы наш интерес или тронуло, задело хоть какую-нибудь сторону души»⁶¹⁷. Он развивает свой прежний подход к форме, говоря, что гоголевская «форма, то, как рассказано, - гениальна до степени, недоступной решительно ни одному нашему художнику, <...> она превосходит даже Пушкина, превосходит Лермонтова»⁶¹⁸. И опять возникают аналогии с античностью: у Гоголя каждая мелочь сделана так, что не уступит «Венере Медицейской».

Розанов сравнивает Гоголя с солнцем, которое для отражения специально ищет капли, «непременно завалившейся куда-нибудь в навоз»⁶¹⁹. Так он доводит до логического завершения свою мысль, возникшую в статье «Загадки Гоголя», утверждая, что у Гоголя просто не было чутя ко всему здоровому, хорошему и нормальному, что его интересует только «падаль», «сыр пармезан, из которого выползают живые черви»⁶²⁰. Писатель, по мнению критика, представляет собой «единственный по исключительности в истории пример формального гения», поэтому он «не описал ни одного движения мысли, ни одного перелома в воззрениях, в суждении»⁶²¹. Однако теперь Розанову кажется, что в искусстве красота формы важнее мысли, в противовес ранней апелляции к содержательному компоненту. Он сравнивает героев Гоголя с неподвижностью и бессодержательностью Венеры Милосской, которая, тем не менее, «воспитывает и научает»⁶²².

Благодаря этим особенностям и «страшному могуществу отрицательного изображения» Гоголь сделал почти невозможной любовь к прошлому⁶²³, о котором стало невозможно говорить без насмешки. Розанов замечает, что «под разразившейся грозой "Мертвых душ" вся Русь присела, съежилась, озябла», общество попыталось изменить тот образ, который придал ему Гоголь, и именно поэтому он «толкнул всю Русь к громаде мысли, к необычайному умственному движению, болью им нанесенной, ударом, толчком»⁶²⁴. Однако результаты этого умственного движения, по мнению Розанова, оказались довольно сомнительными: «... уже через 10-15-20 лет вся Русь бегала, суежилась, обличала последние "мертвые души", и все более и более приходила в счастье, что Чернышевский занимался с гораздо лучшими результатами политической экономией, нежели Петрушка алгеброй, а Писарев ни малейше не

---

⁶¹⁷ Розанов В.В. Гений формы // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 346.

⁶¹⁸ Там же. С. 347.

⁶¹⁹ Там же.

⁶²⁰ Там же. С. 348.

⁶²¹ Там же. С. 349.

⁶²² Там же. С. 350.

⁶²³ Там же. С. 351.

⁶²⁴ Там же. С. 350.

походил на Тентетникова, ибо тот все лежал, а этот без перерыва что-нибудь писал»⁶²⁵. Так как в произведениях Гоголя впечатляла исключительно форма, а содержание было «анекдотом», то под давлением его авторитета общество «страшно идейно понизилось, измелчало». Таким образом, Гоголь уничтожил то положительное, что было на Руси до него, «те избенки на курьих ножках, которые все-таки кое-как стояли»⁶²⁶.

В этой статье в основном развивается идея формального совершенства творчества, высказанная еще в «Легенде о Великом инквизиторе» и в работе «Пушкин и Гоголь». Мысль о преимущественном внимании Гоголя к темным сторонам действительности видоизменяется Розановым, который приходит к выводу, что все хорошее и положительное Гоголь просто не мог воспринимать из-за своеобразия своей натуры. Это означает, что Гоголя уже нельзя считать реалистом. Мы видим, как мысль Розанова, сделав круг, возвращается к первоначальной интерпретации. Решив отрицательно вопрос о реализме Гоголя, Розанов также меняет свое мнение об его влиянии на развитие русского общества и говорит о том, что Гоголь уничтожил те ростки хорошего, которые на самом деле существовали в русской жизни. Несмотря на обсуждение старых идей, статья «Гений формы» не производит впечатления повтора, так как в ней Розанов подыскивает для творчества Гоголя не определения, а подходящие образы. Розанов здесь скорее не критик-аналитик, а критик-художник, и поэтому работа больше похожа на эссе, а не на традиционную критическую статью.

В статье «Русь и Гоголь», написанной непосредственно по поводу открытия памятника, Розанов замечает, что «нет русского современного человека, частица души которого не была бы обработана и прямо сделана Гоголем»⁶²⁷, поэтому в памятнике писателю Россия венчает высшее могущество слова, как в Пушкине была увенчана высшая красота человеческой души. Однако именно Гоголь «необъяснимыми тревогами души своей <...> разлил тревогу, горечь и самокритику по всей Руси», то есть Гоголь показал на деле, как словом можно изменить судьбу государства: «... он – отец русской тоски в литературе: той тоски, того тоскливого, граней которого и сейчас предугадать невозможно, как не видно и выхода из нее, конца ее»⁶²⁸. В Пушкине и Гоголе русское слово получило «последний чекан». И далее Розанов пишет о Гоголе как «охранителе» России: «над бедными селеньями Руси», о которых говорит Тютчев, Пушкин и Гоголь «как бы простерли защищающее крыло Ангела, с запрещающим

---

⁶²⁵ Там же. С.351.

⁶²⁶ Там же. С.352.

⁶²⁷ Розанов В.В. Русь и Гоголь // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. .353.

⁶²⁸ Там же.

словом ко всему миру: “не смей этого коснуться, не смей этого разрушить”»⁶²⁹. Таким образом, вместо Гоголя, «задаввшего» Русь, уничтожившего те самые «избенки на курьих ножках», выступает хранитель традиций и защитник русского народа: «... пока в мире звучит пушкинское слово, звучит гоголевское слово, - никто, кроме вандала, глухого, немого и слепого, не занесет над “этими бедными селеньями” меча»⁶³⁰. В данной работе Розанов, придерживаясь прежней концепции относительно словесного мастерства и могущества Гоголя, делает вывод о положительном значении его художественного наследия для сохранения русской культуры, используя те же определения и цитаты, на основании которых ранее было сделано прямо противоположное заключение.

Иррациональная составляющая души Гоголя рассмотрена в статье «Магическая страница у Гоголя» (1909 г.), в первой части которой критик рассуждает о родственной любви и родственных браках, которые были распространены в древности. Сам Розанов относится к таким бракам положительно, так как они, по его мнению, укрепляют семью и делают ее более «теплой». В свете этих рассуждений он рассматривает «Страшную месть» Гоголя и приходит к выводу, что вся повесть написана ради одного эпизода чувственного влечения отца-колдуна к дочери. Он считает, что этот эпизод представляет собой атавизм, который непостижимым образом проявился у Гоголя, так что «всю его личность хочется признать глубоко атавистической, древней, которая, Бог весть как, забрела в нашу «позитивную цивилизацию»⁶³¹. Гоголь, по мнению Розанова, «захотел рассказать о невероятно страшном, необыкновенном, о “небываемом” и сумму всех этих оттенков и волнений и выразил в слове “колдун”»⁶³². Критик еще более расширяет свое прежнее сопоставление личности Гоголя с образом колдуна из «Страшной мести» и цитирует то место, где колдун умоляет Катерину выпустить его из подвала. Розанов, анализируя язык колдуна, делает вывод об его идентичности с языком самого Гоголя, представленным в письмах, в «Авторской исповеди», в разговорах с о. Матвеем и в записках к оптинским монахам⁶³³. Речь остальных героев повести кажется Розанову сочиненной. Он уверен, что весь сюжет и «вся малороссийская обстановка» выдуманы Гоголем ради передачи того, «как отец тянется стать супругом собственной дочери». Розанов считает, что Гоголь использовал «спокойный сюжет Библии о Лоте и дочерях его», но не узнал этого сюжета и потому был испуган своим рассказом. Здесь критик воспроизводит тезис своей более ранней

---

⁶²⁹ Там же. С. 354.

⁶³⁰ Там же.

⁶³¹ Розанов В.В. Магическая страница у Гоголя // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 400.

⁶³² Там же. С. 401.

⁶³³ Там же. С. 403.

статьи «М.Ю. Лермонтов» о неправильном истолковании Гоголем потусторонних явлений. В описании замка колдуна Розанов прочитывает символику древних религий Ассирии, Египта, Персии. Так, например, в «ужасных лицах», возникающих на стенах, он видит египетских богов, в розово-голубом с золотыми нитями свете – древний символ кровосмешения. Розанов, конечно же, накладывает на повесть Гоголя свои собственные представления о проблеме пола и о древних религиях, которые занимали его творческое воображение в это время. И надо заметить, что такой Гоголь становится ему близок, интересен и не вызывает никаких критических замечаний.

В статье «Гоголь и его значение для театра» (1909 г.) Розанов занят соотношением драматургии Гоголя и его прозаических произведений. Пьесы Гоголя для Розанова являются «вторичным помещением в другое место своего богатства»⁶³⁴, это, по существу, те же «Мертвые души», перенесенные на сцену. Розанов не смущает то, что «Ревизор» и прочие пьесы Гоголя были написаны раньше, для него это «суть первоначальный абрис, суть пробные эскизы, на которых великий писатель пробовал свою силу, в которых он приспособлялся и подготавливал себя к великой эпопее "Мертвых душ"»⁶³⁵. В отличие от работы «Магическая страница у Гоголя», где личность Гоголя называется древней и атавистической, в данной статье Розанов, как бы забывая о малороссийских повестях, замечает, что именно «Мертвые души» исчерпали и выразили «все Гоголя».

Розанов считает, что все последующее развитие русского театра «продолжает собою Гоголя, а не Пушкина, продолжает "Ревизора", а не продолжает "Бориса Годунова"»⁶³⁶. Однако, по аналогии с прозаическими произведениями, Розанов указывает на отсутствие интриги (имеется в виду - действия) в пьесах Гоголя как на их сценический недостаток. В заключение критик замечает, что после Гоголя русский театр должен развиваться «и в глубину, и в ширину», «должен давать не только сценки, изображать не только происшествия»⁶³⁷. Сам Гоголь не одобрил бы топтания на одном месте, не хотел бы, чтобы его преемники не пошли дальше него. Таким образом, мы видим, что данная статья практически полностью укладывается в первоначальную концепцию Розанова, даже мысль о естественном преодолении ходом развития литературы (драматургии) тех негативных моментов, которые были привнесены в нее Гоголем, дублируется в ней.

---

⁶³⁴ Розанов В.В. Гоголь и его значение для театра // Розанов В.В. Среди художников. С. 299.

⁶³⁵ Там же.

⁶³⁶ Там же. С. 300.

⁶³⁷ Там же. С. 302.

В статье, озаглавленной «Отчего не удался памятник Гоголю?» (1909 г.), Розанов предполагает, что сущность Гоголя нельзя передать средствами монументальной скульптуры. Все посчитали, что памятник не удался, так как скульптор Андреев изобразил Гоголя в последние годы его жизни: «... невольно взял "конец" Гоголя, то есть сожжение второго тома "Мертвых душ", безумие и смерть»⁶³⁸. По мнению Розанова, памятник должен выражать «"целое" человека и творца», а Гоголь по своей природе является одновременно и лириком, и натуралистом. Эти понятия можно соединить только в слове, а не в бронзе. «Не устроить ли где-нибудь сбоку Аполлона с лирою?»⁶³⁹ - иронически вопрошает Розанов. Гоголь в значительной степени был «бесплотным духом», имел только «видимость полного человека»⁶⁴⁰. Он никогда не менялся, только «рос в странное уединение свое, в безумие свое, в тоску свою»⁶⁴¹. Настоящий памятник Гоголю – это черная плита на его могиле.

Еще в 1886 г. в работе «О понимании» Розанов определил Гоголя как человека, у которого началось «распадение духа», который утратил цельность психической жизни. В настоящей статье эта мысль находит свое дальнейшее развитие. Розанов, сопоставляя гениальность и безумие, приходит к выводу, весьма напоминающему теорию Ламброзо. По мнению критика, «некоторые формы гениальности, или, вернее, "приступы" гениальности – сродни безумию». Однако под «безумием» Розанов понимает не классическое сумасшествие, а «смятение всех чувств, необыкновенное внутреннее волнение, "пожар" души»⁶⁴². Он определяет его как «безумие <...> метафизическое, где менее безумствует мысль и более безумствует воля, сердце, совесть, "грех" в нас, "святость" в нас»⁶⁴³. И снова, как и в статье «М.Ю. Лермонтов», Розанов утверждает, что у Гоголя миры здешний и «тамошний» странно перепутываются и взаимодействуют, ему «открываются "небеса", и вообще он ощущает, видит и знает много вещей, весьма странных с точки зрения аптекарского магазина и департамента железнодорожных дел, но не очень уже странных для священника, для отшельника, для святого, для ясновидящего»⁶⁴⁴.

Далее утверждение об отсутствии необходимости воздвигать памятник Гоголю дополняется следующей аргументацией: писатель смял все «воображаемые или действительные монументы», «так что и следа от них не осталось». Так, например,

---

⁶³⁸ Розанов В.В. Отчего не удался памятник Гоголю? // Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 294.

⁶³⁹ Там же. С. 296.

⁶⁴⁰ Там же. С. 297.

⁶⁴¹ Там же. С. 296.

⁶⁴² Там же. С. 295.

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ Там же.

Гоголем был уничтожен «впитанный с детства восторг к Отечественной войне»⁶⁴⁵. «Словечки» Гоголя, как «какие-то бессмертные духи», залезают под череп читателя и грызут его душу до тех пор, пока он не повторит вместе с Гоголем: «Темно... Боже, как темно в этом мире!» Розанов снова приходит к выводу, что тайна Гоголя «заключается в совершенной неодолимости всего, что он говорил в унижительном направлении, мнущем, раздавливающем, дробящем; тогда как против его лирики, пафоса и “выспренности” устоять было не трудно»⁶⁴⁶. Именно поэтому нельзя ему ставить памятник, так как памятники воздвигают созидателям и строителям, а Гоголь шел в обратную сторону – в пустыню. У него была одинокая и зловещая душа «с черной звездой в себе»⁶⁴⁷.

В данной статье впервые понятие о метафизической глубине личности и творчества Гоголя соединяется с отрицательным отношением к его влиянию на русское общество. Из первоначальной концепции Розанов оставляет точку зрения на Гоголя как на внутренне пустого человека и присоединяет к этому мысль второго этапа своих размышлений об открывшихся Гоголю «небесах». В результате первая интерпретация начинает влиять на вторую, и критик приходит к выводу, что именно метафизическое безумие Гоголя и послужило причиной отрицательного воздействия его творчества на русское общество. Признавая наличие у Гоголя души со зловещей звездой над собой и с черной звездой внутри себя, Розанов фактически снимает кавычки со слова «демонизм», которые использовал во время написания статьи «М.Ю. Лермонтов».

В статье «Гоголевские дни в Москве» (1909 – 1913 гг.) Розанов ставит Гоголя на второе место после Пушкина. Он пишет о том, что «наши иллюзии творят жизнь не менее, чем самые заправские факты»⁶⁴⁸. Вновь возвращаясь к мысли о неверном прочтении Гоголя критикой, Розанов отмечает, что «подобное понимание равно полному непониманию», но именно оно «сообщило Гоголю огромную силу ломающего лома»⁶⁴⁹. Гоголь показал небытие России «с такой невероятной силой и яркостью, что зрители ослепли и <...> перестали понимать, что ничего подобного «Мертвым душам», конечно, нет в живой жизни и в полноте живой жизни»⁶⁵⁰. Таким образом, в этой статье снова проявляются первоначальные представления Розанова о месте и роли Гоголя в развитии русского общества.

---

⁶⁴⁵ Там же. С. 297.

⁶⁴⁶ Там же. С. 298.

⁶⁴⁷ Там же.

⁶⁴⁸ Розанов В.В. Гоголевские дни в Москве // Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 289.

⁶⁴⁹ Там же.

⁶⁵⁰ Там же.

Неожиданное сопоставление Гоголя с Мопассаном возникает в статье «Один из певцов "вечной весны"» (1909 г.). По сравнению с романом «Жизнь» история Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем и «Мертвые души» «со всей их мелочью» кажутся Розанову светлыми произведениями. По мнению Розанова, «Гоголь описал только мелочь жизни; Мопассан описывает цинизм ее»⁶⁵¹. Главное отличие русской литературы от западной в том, что она вся сосредоточена на мысли, что основное внимание писателей направлено на судьбу человека и на его душу. Таким образом, при сопоставлении с Мопассаном как типичным представителем зарубежной литературы Гоголь для Розанова оказывается писателем, уделяющим большое внимание душе человека.

Мы видим, что по-настоящему противоречивым и парадоксальным по отношению к Гоголю Розанов становится после оформления второй интерпретации его творчества, когда элементы обеих точек зрения начинают проникать друг в друга, сосуществовать и смешиваться. В статье «Загадки Гоголя» преобладает вторая концепция, и поэтому оценивается положительно историческое значение писателя. Работа «Гений формы» в основном создана в духе первой концепции, поэтому роль Гоголя оказывается негативной. Это же отношение прослеживается и в статье «Гоголь и его значение для театра».

Вторая точка зрения развивается в работе «Магическая страница у Гоголя», в которой творчество Гоголя рассматривается через призму теорий Розанова о семье и мистической сущности половых отношений. Так как в «Страшной мести» критик видит полное подтверждение своим догадкам, то значение Гоголя снова оказывается провиденциальным. Статья «Русь и Гоголь» превозносит могущество словесного мастерства писателя, то есть, придерживаясь первоначального мнения о неодолимой силе слова Гоголя, Розанов просто меняет знаки, делая эту силу благотворной для русского общества. В заметке «Отчего не удался памятник Гоголю?» вторая концепция накладывает свой отпечаток на вывод об отрицательном влиянии писателя на развитие России именно благодаря мистической глубине его души, что позволяет Розанову серьезно заговорить о демонизме Гоголя. И, наконец, в статье «Один из певцов «вечной весны» при сопоставлении с Мопассаном Гоголь оказывается писателем, выражающим суть русского начала с его чуткостью к живой человеческой душе.

---

⁶⁵¹ Розанов В.В. Один из певцов «вечной весны» // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С.359.

2.2.4. Образ Гоголя в эссеистике В.В. Розанова

Розанов неоднократно высказывается о личности и творчестве Гоголя в заметках и наблюдениях, которые вошли в его книги «Опавшие листья» (1913 г.), «Сахарна» (1913 г.), «Мимолетное» (1914 г.). В «Опавших листьях» Розанов называет пошлым содержание всех произведений Гоголя, исключая малороссийские повести. Розанов называет Гоголя «архиереем» мертвечины, «идиотом», который лишен внутри себя всякого разума и смысла. И опять Розанов повторяет свой тезис о пустом и бессодержательном мастерстве произведений Гоголя. Он называет Гоголя «дьяволом», «манекеном», «оборотнем», по своей природе не способным понять, что «за словом должно быть что-нибудь, <...> пожар или наводнение, ужас или радость»⁶⁵². Розанов снова обращается к конкретным образам гоголевских текстов, но на этот раз использует образ колдуньи из повести «Майская ночь, или Утопленница»: «... с черным пятном в душе, вся мертвая и вся ледяная, вся стеклянная и вся прозрачная <...> в которой вообще нет ничего»⁶⁵³. В заключение Розанов делает вывод, что «никогда более страшного человека <...> подобия человеческого... не приходило на нашу землю» и спастись от Гоголя можно только при помощи «веры в душу человеческую, веры в землю свою, веры в будущее ее»⁶⁵⁴.

Развивая мысль о дьявольском начале в личности Гоголя, Розанов находит ей подтверждение и в поэтике писателя. По его мнению, живые люди у Гоголя выходили мертвенными, напоминающими «кукол, схемы, аллегории пороков», но зато покойники живут у него «удвоенною жизнью, покойник – нигде не “мертв”»⁶⁵⁵.

Еще в одной заметке критик объединяет Пушкина и Лермонтова, завершивших собою «всю великолепную Россию, от Петра и до себя»⁶⁵⁶. Они обозначают «закат и вечер целой цивилизации». После них появился Гоголь: это «дьявол вдруг помешал палочкой дно: и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков»⁶⁵⁷. А вслед за Гоголем пришли тоска, недоумение, «лишние люди», которые потащили в разные стороны «нашу монархию». Далее Розанов утверждает, что Гоголь вовсе не был религиозен, более того, в нем существовал «страх перед религией – страх перед темным, неведомым, чужим»⁶⁵⁸.

---

⁶⁵² Розанов В.В. Опавшие листья. С. 46.

⁶⁵³ Там же.

⁶⁵⁴ Там же.

⁶⁵⁵ Там же. С. 203.

⁶⁵⁶ Там же. С. 86.

⁶⁵⁷ Там же. С. 87.

⁶⁵⁸ Там же. С. 103.

В «Коробе втором» Розанов вновь восхищается силой воздействия гоголевского текста, настаивая на его магической силе: читая Гоголя, «перестаешь верить действительности», «теряешь осязание, зрение и веришь только ему»⁶⁵⁹. Розанов снова размышляет о воздействии литературы на жизнь и утверждает, что «ни один политик и ни один политический писатель не произвел в "политике" так много, как Гоголь»⁶⁶⁰.

Таким образом, в «Опавших листьях» Розанов придерживается своей первоначальной версии, доводя ее в некоторых пунктах до логического завершения. Понятие о пустоте и мертвенности внутреннего мира писателя Розанов метонимически переносит на его личность, поэтому Гоголь оказывается мертвецом и оборотнем и ему приписывается склонность к некрофилии. Розанов, отрицая религиозность Гоголя, ставит под сомнение прежнее свое мнение о метафизической глубине его души. Кроме того, Розанов по-прежнему преувеличивает результаты воздействия творчества Гоголя на жизнь русского общества.

Высказывания о смехе в «Опавших листьях» все еще нейтральны. Встречаются даже утверждения, что смех не является началом, противоположным жизни, смех не может ничего убить, но зато может придавить. Более того, любой смех, по мнению Розанова, можно преодолеть терпением⁶⁶¹. Однако в «Сахарне» (1913 г.) Розанов, объединяя Гоголя, Некрасова и Щедрина, заявляет, что после них «совершенно невозможен никакой энтузиазм в России», а возможен лишь «энтузиазм к разрушению России»⁶⁶². Собственно, намек на это содержался ранее в пассажах о Чернышевском и Писареве. В этой книге Розанов указывает, что «смех есть вообще недостойное отношение к жизни»⁶⁶³, и это отношение к смеху становится главной причиной его отрицания Гоголя. Так как для Розанова «всякая жизнь – божественна», то естественно, что «даже улыбнуться над жизнью – страшно». Поэтому «не любить жизни – значит не любить Бога»⁶⁶⁴. Отсюда Розанов выводит, что «все существо Гоголя есть грех». Однако Розанов не уверен в верности своего наблюдения: «Что, если Гоголь, заворотив рыло, засмеется мне в рыло как последняя истина?»⁶⁶⁵ Эти сомнения заставляют его увидеть «ужас не в страшном, а в смешном» и заставляют признаться в неизменной любви к Гоголю⁶⁶⁶.

---

⁶⁵⁹ Там же. С. 168.

⁶⁶⁰ Там же. С. 169.

⁶⁶¹ Там же. С. 53.

⁶⁶² Розанов В.В. Сахарна. С. 21.

⁶⁶³ Там же. С. 148-149.

⁶⁶⁴ Там же. С. 149.

⁶⁶⁵ Там же. С. 215.

⁶⁶⁶ Там же.

В «Сахарне» Розанов усиливает пафос своих нигилистических заявлений: «... вся наша литература “высосана из пальца”, а Островский, Гончаров и Гоголь занимались только “любовью, барышнями и студентами”»⁶⁶⁷, не обращая никакого внимания на реальную русскую жизнь. Розанов рассуждает о цивилизации, которая «есть дом, в котором мы живем». В свете этого утверждения оказывается, что Гоголь приходил для того, чтобы «позвать квартального»⁶⁶⁸, то есть навести порядок. По мнению Розанова, Гоголь догадался, что с помощью городского можно вытащить всех из грязи. И поэтому образы «Муразова, Костанжогла и т.п. новые добродетели» интерпретируются критиком в качестве подобного персонажа. Цивилизация представляется Розанову «вполне по Гоголю», то есть такой же отвратительной, как и его мир: «она пахнет дьяволом», «мертвецом и подлостью». Однако никакой альтернативы этому Розанов не находит и остается в полном недоумении: «Но что делать???!! Господа, что же нам делать!!»⁶⁶⁹

Розанов все больше уверяется в том, что «не любят писатели России»⁶⁷⁰, и первый среди них – Гоголь, который и воспитал в русских ненависть к своей стране⁶⁷¹. По мнению критика, Гоголь, являясь «самой центральной фигурой XIX века», до того «подчинил» себе весь XIX век, что его можно просто «назвать “веком Гоголя”, забывая царей, полководцев»⁶⁷². Перефразируя Аполлона Григорьева, Розанов пишет, что «Гоголь – все», так как «от него пошло то отвратительное и страшное в душе русского человека, с чем нет sprawy»⁶⁷³. Розанов, как и в «Опавших листьях», приходит к выводу, что Гоголя можно победить только «правдою». Из-за Гоголя, которого Розанов теперь презрительно именует «Гоголюшко», нет произведения, «где бы своя земля не проклиналась»⁶⁷⁴. Единственным исключением является Достоевский.

В данном произведении Розанова его первоначальная интерпретация начинает наполняться негативным содержанием. Гоголь один несет ответственность за все те беды и неудачи, которые, благодаря созданному им литературному направлению, обрушились на Россию в XIX в. Также здесь Розанов формулирует свое отношение к смеху вообще и смеху Гоголя в частности, признавая смех попыткой критики законов, по которым Бог устроил мироздание.

---

⁶⁶⁷ Там же. С. 46.

⁶⁶⁸ Там же. С. 73.

⁶⁶⁹ Там же. С. 74.

⁶⁷⁰ Там же. С. 85.

⁶⁷¹ Там же. С. 135.

⁶⁷² Там же. С. 136.

⁶⁷³ Там же.

⁶⁷⁴ Там же. С. 206.

В 1914 г. Розанов создает книгу «Мимолетное», где продолжает свою критику личности и творчества Н.В. Гоголя. Теперь появление Гоголя называется им «большим несчастьем для Руси, чем все монгольское иго»⁶⁷⁵. Гоголь разорил русскую церковь, уничтожил авторитет русской армии. Писатель «открыл кингстоны», после чего началось неудержимое, медленное, год от году потопление России»⁶⁷⁶. Гоголь «обратил отечество свое в анекдот»⁶⁷⁷. Розанов считает, что Гоголь явился причиной революции в России, так как вместо того, чтобы «дивиться и благодарить начальство», русские люди «подняли революцию против начальства и, в сущности, от этого (от Гоголя) – убили Государя»⁶⁷⁸.

Розанов продолжает настаивать на том, что в Гоголе «нет серьезного содержания», просто у него «все перепуталось в голове». По мнению критика, «страшны не мертвые души, а страшен Гоголь, решившийся написать о мертвых, когда душа всегда жива и умереть не может»⁶⁷⁹. Розанов находит «Мертвые души» самой антихристианской и антибожественной книгой. Если верить Гоголю, то получается, что «Христу не только не было за кого умирать, но что Ему не нужно совсем и приходить на землю и что вся вообще "христианская история" и "жития мучеников" есть один комизм»⁶⁸⁰.

Розанов признает «Мертвые души» великим произведением, так как Гоголь отвечает им на вопрос о сути России. Ошибка писателя в том, что он «решился и допустил себя судить всю Русь, - и заглавие поэмы в двух словах сжимает весь смысл и дает приговор, из которого – если б он был основателем – нет воскресения»⁶⁸¹. Картина, нарисованная Гоголем, страшна своим схематизмом, понятностью и убедительностью. Недостаток Гоголя как писателя Розанов видит в том, что он «ничего не оставил читателю для размышления, проделав всю работу за него»⁶⁸². Так как Гоголь «устранил оглядку читателя "на себя"», то чтение его произведений пробуждает не грусть, а «колоссальное самодовольство»⁶⁸³. Здесь Розанов почти дословно повторяет претензии, высказанные им Грибоедову, избравшему, по его мнению, легкий путь для приобретения популярности у читателя, который никогда не будет ассоциировать себя с представителями фамусовского общества. Таков же и

---

⁶⁷⁵ Розанов В.В. Мимолетное // Розанов В.В. Когда начальство ушло... С. 196.

⁶⁷⁶ Там же.

⁶⁷⁷ Там же. С. 346.

⁶⁷⁸ Там же. С. 398.

⁶⁷⁹ Там же. С. 283.

⁶⁸⁰ Там же.

⁶⁸¹ Там же. С. 456.

⁶⁸² Там же.

⁶⁸³ Там же. С. 457.

механизм влияния на общественное мнение творчества Гоголя. Во-первых, знакомясь с творчеством Гоголя, все кажутся себе праведными. Во-вторых, те, кто критикуют Россию и смеются над ней, сами себе кажутся чрезвычайно умными и добродетельными. При чтении Гоголя «все читатели как-то страстно сливаются с Гоголем в одно с ним «мы», в этом состоит «ужас» Гоголя, потому что «он придал вечное бытие, бессмертие пребывания на земле сим ”камням”, снабдив их через дотрагивание волшебной палочки – самодовольством»⁶⁸⁴.

Несомненно, Розанов самого мучает это «нестабильное» отношение к Гоголю. Он задается вопросом: «Что же я бешусь?» - и сам себе отвечает: «Только Гоголя и ненавижу»⁶⁸⁵. Розанов признается в том, что Гоголь занимает особое место в его размышлениях: «... ни о ком столько моя душа не страдала, и ни над кем из писателей столько душа не трудилась»⁶⁸⁶. Сам критик считает Гоголя выдающейся фигурой не только русской, но и мировой литературы, потому что Гоголь прежде всего «страшный». Именно этот «страх» критик обдумывает уже двадцать четыре года. Для него это не просто анализ произведений – это добродетельный «труд», «работа», «забота». Розанов приходит к выводу, что ему удалось выявить основные параметры, в рамках которых в дальнейшем будет идти разговор о творчестве Гоголя: «... после меня можно думать “о Гоголе” только в той сети противопоставлений, какую я дам»⁶⁸⁷. По его мнению, творчество этого писателя нельзя рассматривать прямо, смотреть нужно «через сетку», ни в коем случае не ограничиваясь односторонним подходом. Он и себя оценивает как «раба, взбунтовавшегося против своего господина»⁶⁸⁸, раба, не способного вести борьбу ни с ним, ни с его схемами и обобщениями. Поэтому Розанов предпочитает не идти в мир Гоголя к его колдунам и к его колдовству и заявляет о своем желании «умереть под старыми образами Руси»⁶⁸⁹.

Розанов сожалеет о том, что нельзя победить «говором» тех, кто были «поистине гениальны в говоре»⁶⁹⁰, то есть невозможно словами победить влияние Гоголя. Это высказывание опровергает его прежнее мнение о преодолении Гоголя самим ходом литературного процесса. Опровержение «Мертвым душам» Розанов находит в самом факте существования российского государства, так как «из “мертвых душ” царства не образуются»⁶⁹¹. Критик спорит со своим собственным утверждением

---

⁶⁸⁴ Там же.

⁶⁸⁵ Там же. С. 462.

⁶⁸⁶ Там же. С. 466.

⁶⁸⁷ Там же.

⁶⁸⁸ Там же. С. 471.

⁶⁸⁹ Там же.

⁶⁹⁰ Там же. С. 561.

⁶⁹¹ Там же. С. 572.

об анекдотичности содержания «Мертвых душ», при этом как бы переходя на точку зрения самого Гоголя, для которого поэма была «мысль и аллегория». Розанов указывает на «монотонность, торжественность и удушливость» писателя и говорит, что «Гоголь был очень серьезен, несмотря на вечный смех»⁶⁹² и уже с детства привык всех поучать. Розанов снова высказывает мнение о субъективности творчества Гоголя: «Гоголь погребал не потому, что Россия была труп, а потому, что он был могила»⁶⁹³. Критик сравнивает Россию с Хомой Брутом, Гоголя с Виєм, а шестидесятников (Чернышевского, Писарева и др.) с нетопырями. Кроме того, Гоголь напоминает критику ведьму в хлеву, так что ее путешествие на Хоме Бруте становится символом таинственного «странствования России с Гоголем».

Вероятно, на характер высказываний о Гоголе, включенных в прозаические книги Розанова, влияет выбранная им форма изложения, которая позволяет передать непосредственные впечатления и бессистемные размышления о творчестве писателя. Тем не менее в этих книгах Розанов в основном придерживается своей первоначальной интерпретации, которая доводится им до логического завершения как в определениях творчества Гоголя, так и в образах, выбираемых критиком для иллюстрации своих мыслей. Эта концепция наполняется отчетливо негативным содержанием. Исчезают прежние надежды Розанова на преодоление влияния Гоголя самим ходом развития русской литературы, и на писателя возлагается ответственность за происходящие в стране беспорядки. Именно в это время Розанов начинает крайне отрицательно отзываться о смехе Гоголя, называя смех недопустимой критикой Божьих законов. Кроме того, изображенные писателем «низкие поползновения душонки человеческой» в их типической сущности Розанов считает искажающими образ, по которому человек был создан, то есть типы Гоголя признаются им клеветой на Бога.

2.2.5. Изменение концепции Розанова под влиянием исторических событий

Новые мотивы в отношении Розанова к русской литературе появляются в статье «Наша русская анархия» (1910 г.). В ней Розанов рассуждает о непреодолимой противоположности интересов государства и задач литературы. По его мнению, «все на Руси «музыкают» и, кроме «музыки», ничем в сущности и не занимаются». Это значит, что все, и в том числе сам Розанов, занимаются «вещами сладкими, личными, душевными»⁶⁹⁴. Однако в государстве все «внешность», «оно «без души», поэтому совместить их невозможно: «... как литература настоящая («святое дело») естественно

---

⁶⁹² Там же. С. 573.

⁶⁹³ Там же.

⁶⁹⁴ Розанов В.В. Наша русская анархия // Розанов В.В. Легенда... С. 558.

а-политична: так государство "настоящее" внеинтимно, строго, повелительно, сухо: где нужно ("требуется долг") – беспощадно»⁶⁹⁵. Розанов считает, что «перед лирой Пушкина померк, побледнел <...> просто умер Бенкендорф», а потом еще появились Лермонтов и Гоголь⁶⁹⁶. Это все хорошо для литературы, но плохо для порядка в государстве. «Но как же тут управлять?» - восклицает Розанов, очевидно, испытывая сочувствие и к одной, и к другой стороне жизни общества.

В статье «Трагедия механического творчества» (1912 г.), которая посвящена творчеству Грибоедова, Розанов причисляет Гоголя, Грибоедова и Сервантеса к «однотумам», которые, «вылив всего себя» в гениальном произведении, «ничего далее не могли создать»⁶⁹⁷. Розанов предполагает, что эти произведения были простым слепком с действительности, что это «гениальное платье на исторически отчеканившегося уроды»⁶⁹⁸. Сами авторы «прибавили очень немного к усилиям и совершенству работы этого старца-времени», заслуга их всего лишь в переводе данного природой в полном объеме «в категорию слова»⁶⁹⁹. Более того, своими произведениями эти писатели материал исчерпали, так что «все три произведения получили вечную жизнь, а Фамусовы, Собакевичи и странствующие гитальго, начитавшиеся рыцарских романов, исчезли в действительности»⁷⁰⁰. Розанов замечает, что эти произведения сотворило «дыхание истории», а «личный гений старался лишь не отступить от действительности»⁷⁰¹. И может быть, задается вопросом критик, здесь не так уж много вдохновения, и поэтому на самом деле «Мертвые души» могут быть гениальнее своего автора. Следовательно, Розанов признает за «Мертвыми душами» правдивость и достоверность.

Используя мысль об исчерпанности материала, Розанов выдвигает новую версию причин сожжения второго тома «Мертвых душ». Все названные писатели не могли продолжать творить, потому что «гипсовый слепок вообще кончился, ибо кончился уродец»⁷⁰². Также он видоизменяет свою прежнюю мысль о том, почему Гоголь, зная Пушкина и Грановского, не смог вывести в своем творчестве подобную им фигуру. Ранее он говорил о странной слепоте Гоголя или же о неспособности к восприятию положительных сторон бытия. Теперь критик высказывает предположение, что тип личности, соответствующий Пушкину и Грановскому, - это

---

⁶⁹⁵ Там же. С. 559.

⁶⁹⁶ Там же. С. 560.

⁶⁹⁷ Розанов В.В. Трагедия механического творчества // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С.558.

⁶⁹⁸ Там же.

⁶⁹⁹ Там же. С.559.

⁷⁰⁰ Там же. С.558.

⁷⁰¹ Там же.

⁷⁰² Там же. С. 559.

тип растущий, развивающийся, а у Гоголя было чутье только к мертвому: «... с "растущего" нельзя лепить маски; маску можно делать только на "мертвом"». Розанов противопоставляет Гоголя Лермонтову, Пушкину и Толстому, которые «не могли прекратить творчества, потому что они вообще не копировали, а творили»⁷⁰³.

Таким образом, в этой работе Гоголь предстает как простой копиист, списывавший с жизни свои произведения. Здесь уже нет никакого мистицизма и метафизической глубины. Кроме того, отпадают обвинения в искажении естественного пути развития русского общества, так как Гоголь не просто повторил в своих произведениях реальность, он еще и исчерпал ее этим. Получается, что «мертвые души» были до Гоголя, а после него исчезли, уничтоженные как самим ходом исторического процесса, так и творением Гоголя.

В статье 1916 г. «К 25-летию кончины Ив. Алекс. Гончарова» Розанов называет роман «Обломов» «вторым гигантским политическим трактатом в России» после «Мертвых душ» Гоголя⁷⁰⁴. В заметке «По поводу новой книги о Некрасове» (1916 г.) критик сопоставляет творчество Некрасова и Гоголя и приходит к выводу, что Некрасов отразил подлинную, а не вымышленную Россию. По сравнению с его стихами даже лучшие места у Гоголя (например, «чуден Днепр... никакая птица через него не перелетит» - в изложении Розанова) «есть просто вранье и галиматья, ничему реальному не соответствующая»⁷⁰⁵. В работе того же года «Святость» и «гений» в историческом творчестве» Розанов говорит о принципе смеха, который для него «изначально зол»: «... сатира, комедия, балаган, шутка, "мимы", Аристофан и Гоголь, Вольтер и "вольтерианцы" – все это как-то "без Бога" и "вне Бога"»⁷⁰⁶.

В сборнике «Последние листья. 1916 г.» Розанов снова сомневается в справедливости своего мнения о Гоголе. Может быть, «если бы Гоголя благородно восприняло благородное общество: и начало трудиться, "восходить", цивилизовываться, то все было бы спасено»⁷⁰⁷. Но, с другой стороны, в Гоголе было нечто такое, что препятствовало этому. Розанов опять отрицает серьезность Гоголя, говоря, что поэма «Мертвые души» написана «не как трагедия, трагически, а как комедия, комически». Но после завершения работы Гоголь начинает раскаиваться: «... слезы появляются только в конце, когда Гоголь увидел сам, какую чудовищность он

---

⁷⁰³ Там же.

⁷⁰⁴ Розанов В.В. К 25-летию кончины Ив. Алекс. Гончарова // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 649.

⁷⁰⁵ Розанов В.В. По поводу новой книги о Некрасове // Розанов В.В. Легенда... С. 621.

⁷⁰⁶ Розанов В.В. «Святость» и «гений» в историческом творчестве // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 640.

⁷⁰⁷ Розанов В.В. Последние листья. 1916 г. // Розанов В.В. Последние листья. С. 25.

наворотил»⁷⁰⁸. Комедия, по Розанову, - это «подло написанная вещь», которую общество также восприняло «подло», потому и явилась «эра убивания "верноподданными" своего отечества»⁷⁰⁹. Розанов обвиняет писателя в том, что тот сделал мерзость гениальной, хотя «раньше мерзость была бесталанна и бессильна», и в результате выносит приговор всей обличительной литературе, выросшей именно из гоголевского мировосприятия. Теперь, считает критик, «Чичиковы стали не только обирать, но они стали учителями общества»⁷¹⁰.

В этой книге Розанов впервые открыто противопоставил себя сатирическому направлению в литературе, назвав Салтыкова-Щедрина и Гоголя «демонами» и указав на свое желание «быть ангелом Руси»⁷¹¹. Он упрекает уже не только Гоголя, но и Льва Толстого, утверждая, что у русских писателей за предметом («трубкой») не видно ни человека, ни России⁷¹². Критик обвиняет всю литературу, всех «неумных гениев от Гоголя до Толстого» в том, что они завели всю Россию «в гиблое, болотное место, в трясины»⁷¹³.

В сборнике «Последние листья. 1917 г.» Розанов, отдавая на этот раз предпочтение комическому началу в искусстве, высказывает сомнения в правомерности своего отношения к Гоголю. Критик сожалеет о том, что всегда рассматривал Россию «с гражданской стороны, под гражданским углом», «трагическим глазом», в то время как ее, может быть, было нужно рассматривать с комической стороны⁷¹⁴. По мнению Розанова, трагическое начало сходно с Молохом, а комедия добрее и снисходительнее. Исходя из этого, критик обвиняет самого себя в ненависти к отечеству «за отсутствие добродетели» и оправдывает Гоголя, которого он «всю жизнь так ненавидел»⁷¹⁵. Таким образом, у критика возникает новая коллизия между трагическим и комическим в искусстве.

Все это становится предпосылкой к примирению Розанова с Гоголем после революции. Очень отчетливо это признание проявилось в статье 1918 г. «Гоголь и Петрарка», где Розанов противопоставляет Пушкина и Жуковского, которые перепевали «Запад», Гоголю и Некрасову, которые показали настоящую Русь и «Матушку-Натуру». Гоголь представляется Розанову обличителем не только русским, но и европейским и даже «до известной степени обличителем христианским, то есть

---

⁷⁰⁸ Там же.

⁷⁰⁹ Там же.

⁷¹⁰ Там же.

⁷¹¹ Там же. С. 152.

⁷¹² Там же. С. 166.

⁷¹³ Там же. С. 205.

⁷¹⁴ Там же. С. 252.

⁷¹⁵ Там же.

самого христианства». Если принять это положение, то роль Гоголя как «творца языческого ренессанса», по мнению Розанова, можно сопоставить с ролью Петрарки⁷¹⁶. Гоголь всем своим творчеством наглядно демонстрирует то, «что принес на землю Христос, каких Чичиковых, и Собакевичей, и Коробочек», «какое тупоумие и скудодушевность»⁷¹⁷. И Петрарка, и Гоголь тосковали по античности. Для Розанова именно революция «впервые оправдала Гоголя», показав «и душу русских мужиков, ”дядю Митя и дядю Миня”, и пахнущего потом Петрушку, и догадливого Селивана»⁷¹⁸. Однако если обратиться к статье «Загадки Гоголя», то уже в ней появлялась мысль о том, что Гоголь критикует Россию под влиянием итальянских впечатлений. А если вспомнить рассуждения Розанова о непосредственной связи писателя с древним «ведовским» началом, то и роль Гоголя как критика христианства не будет воспринята как абсолютно новое утверждение.

В заметке «Апокалиптика русской литературы» (1918 г.) Розанов, желая найти начало «путаницы», приводит полностью эссе Гоголя «Жизнь» (1831 г.) из сборника «Арабески». Эти строки он называет «единственными во всемирной письменности» по законченности, универсальности и неисчерпаемости⁷¹⁹. Розанов окончательно возлагает ответственность за происходящее на Христа. Раз «кто-то из ”бедной ясли” вышел не тот», то и в действительности, и в творчестве Гоголя вместо лиц появились одни «рыла»⁷²⁰. Гоголь, встречая везде «Чичиковых, Подхалюзиных, Собакевичей, Плюшкиных», сошел с ума и уморил себя голодом. Таким образом, Розанов окончательно переосмысляет творчество Гоголя в рамках своей собственной философии истории.

К обвинению русских писателей Розанов возвращается в «Апокалипсисе нашего времени» (1918 г.). Гоголь и Толстой, по мнению критика, так дискредитировали русскую армию, что берлинский генеральный штаб охотно заплатил бы «за клочок писанной чернилами бумажки всю сумму годового дохода Германии»⁷²¹. Уже в Гоголе и его «хохоте над всею жизнью» Розанов находит «апокалипсис»⁷²². Критику непонятно, «как можно быть христианином и сейчас же не сойти с ума»⁷²³. И в подкрепление своего убеждения он приводит в пример судьбу Гоголя, находя именно в серьезном отношении к христианству разгадку смерти и

---

⁷¹⁶ Розанов В.В. Гоголь и Петрарка // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 658.

⁷¹⁷ Там же.

⁷¹⁸ Там же.

⁷¹⁹ Розанов В.В. Апокалиптика русской литературы // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 675.

⁷²⁰ Там же.

⁷²¹ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С. 43.

⁷²² Там же. С. 127-128.

⁷²³ Там же. С. 194.

сумасшествия писателя. Розанов пророчит Европе «своего Гоголя» и заявляет, что Европа «также умрет, впрочем, не "умрет", а "издохнет", - им задавленная»⁷²⁴. Революция, по мысли критика, произошла «после того, как были прокляты пампушки у Гоголя и Гончарова ("Обломов"), администрация у Щедрина ("Господа Ташкентцы") и история ("История одного города"), купцы у Островского, духовенство у Лескова ("Мелочи архиерейской жизни") и наконец вот самая семья у Тургенева»⁷²⁵. После этого русскому человеку «не осталось ничего любить, кроме прибауток, песенок и сказочек»⁷²⁶. В статье «С вершины тысячелетней пирамиды (Размышление о ходе русской литературы)» (1918 г.) Розанов окончательно возлагает ответственность за события, произошедшие в России, на всю русскую литературу, не выделяя из нее творчество Гоголя, которого упоминает исключительно в связи с Лермонтовым.

Таким образом, новая точка зрения на роль литературы в развитии русского общества приводит к тому, что критическое отношение Розанова к Гоголю смягчается в силу его отрицательного отношения ко всем писателям. Однако параллельно этому нивелирующему суждению критик продолжает высказываться о Гоголе в рамках своих двух концепций. В статье «Трагедия механического творчества» Гоголь представлен исключительно натуралистом, что является крайней точкой развития идеи второго этапа о реализме и жизненной верности произведений писателя. Изображая Гоголя простым копиистом существующих в действительности явлений, Розанов доводит до крайности свое мнение о творческом бессилии писателя, которого критик придерживался в период первой интерпретации. Также Розанов по-прежнему резко высказывается о смехе, открыто противопоставляя свое творчество сатирическому направлению литературы. Под влиянием исторических событий Розанов частично пересматривает свою трактовку отношения творчества Гоголя к реальности, окончательно закрепляя вторую версию, согласно которой Гоголь показал настоящую Россию, а не навязал русскому обществу свои субъективные фантазии. В связи с этим становится актуальной ранее существовавшая в подспудном виде идея о Гоголе – критике христианства. Приписав писателю эту роль, Розанов полностью подчиняет творчество Гоголя своей исторической концепции.

На основании вышеизложенного в высказываниях Розанова о Гоголе можно выделить 1904 – 1916 гг. как третий этап, во время которого критик производит различные эксперименты с отдельными элементами двух своих интерпретаций творчества писателя. Четвертый этап (1917 – 1918 гг.) не привносит ничего

---

⁷²⁴ Там же. С. 195.

⁷²⁵ Там же. С. 348.

⁷²⁶ Там же.

существенно нового в концепцию Розанова, однако под влиянием исторической ситуации происходит закрепление одного из прежних вариантов и изменение оценки роли, которую Гоголь сыграл в истории русского общества.

На протяжении всего творческого пути Розанова его мнение о Гоголе как о великом художнике остается неизменным. «Ненависть» к писателю, о которой упоминают практически все исследователи, появляется только на третьем этапе, причем в произведениях, жанр которых подразумевает спонтанное бессистемное высказывание. То, что Розанов всю жизнь «боролся» с Гоголем, обусловлено онтологическими несоответствиями мировосприятий этих писателей. Вероятно, более продуктивным для Розанова было четкое противопоставление себя Гоголю, однако под влиянием исторической ситуации происходит приписывание писателю собственного мировоззрения. Таким образом, мнение Виктора Ерофеева о победе Гоголя над Розановым неверно. В этой борьбе победа осталась за критиком, который окончательно «приспособил» писателя к своей собственной концепции.

2.3. Лермонтов как образцовый поэт в иерархии В.В. Розанова

М.Ю. Лермонтов занимает особое место в литературной иерархии В. В. Розанова. А.Д. Синавский заметил, что для критика «только Пушкин и отчасти Лермонтов <...> несут в себе что-то положительное»⁷²⁷. По мнению А.Н. Николюкина, для Розанова Лермонтов отличается от Пушкина «импульсивностью» и новой природой образности и художественного видения мира⁷²⁸. В концепции Розанова исследователь проводит границу между «связью со сверхчувственным» и «демонизмом». Первое утверждение направлено против вульгаризаторских попыток интерпретации Лермонтова как «героя безвременья», а второе является повторением мифа или средневековой легенды⁷²⁹. А.А. Гудкова отмечает, что при всем благоговении критика перед поэтом Розанов весьма вольно обращается с фактами его биографии. Автор статьи объясняет это «синтезом личного чувства ... и попытки именем М. Лермонтова одухотворить и верифицировать философскую систему»⁷³⁰. Исследовательница выделяет в концепции Розанова следующие положения: «поэтический монотеизм» как идеал недостижимой для Розанова цельности;

---

⁷²⁷ Синавский А.Д. «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. С. 292.

⁷²⁸ Николюкин А.Н. Розанов. С. 191.

⁷²⁹ Там же. С. 193.

⁷³⁰ Гудкова А.А. «Опавший листок» русской литературы: Интерпретация В. Розановым поэзии М. Лермонтова // Энтелехия. Кострома, 2001. № 1. С. 42.

гениальность; «чувство природы, естества, человеческой плоти и любви»⁷³¹; «демонизм» как комплекс представлений, связанных с образом «демона»; трансцендентное начало в творчестве. По мнению автора, Розанов мифологизирует образ поэта, оценивая «его воплощенное в поэзии мировоззрение как адекватное собственному»⁷³². Гудкова рассматривает созданную Розановым интерпретацию как нечто статичное. Однако в целях формирования более или менее объективного представления о точке зрения Розанова на творчество Лермонтова необходимо учитывать и наличие изменений в его отношении к поэту. Выявить эти изменения позволяет подробный анализ критических статей и отдельных упоминаний о Лермонтове.

Интерес к творчеству этого поэта возник у Розанова еще во время учебы в университете. В заметке «Домик Пушкина в Москве» критик вспоминает, что тогда выучил «почти наизусть всего Лермонтова», «”бастуя” от лекций греческого языка»⁷³³. Однако до конца 1890-х гг. упоминания о Лермонтове немногочисленны. Первая статья о нем - «Вечно печальная дуэль» - написана в 1898 г. В ней Розанов возражает против деления литературы на «пушкинское» и «гоголевское» направления, так как при этом не учитывается значение Лермонтова. По мнению критика, «в Лермонтове срезана была самая кронка нашей литературы <...>, а не был сломлен хотя бы и огромный, но только побочный сук»⁷³⁴. Для доказательства Розанов сопоставляет стихи Лермонтова и произведения Гоголя, Толстого и Достоевского и делает вывод, что все эти писатели «имеют родственное себе в Лермонтове, ... они раскрыли собою лежавшие в нем эмбрионы»⁷³⁵. Критик сравнивает поэзию Лермонтова со скульптурами Фидия: «скульптурность, изобразительность его созданий не имеет равного себе, и, может быть, не в одной нашей литературе»⁷³⁶. В данной статье Розанов разрабатывает концепцию стихийного начала в творчестве, пересматривая с этой точки зрения свою прежнюю литературную иерархию. Творчество Лермонтова выходит на первый план, потому что поэт «знал тайну выхода из природы – в Бога, из ”стихий” к небу»⁷³⁷. Критик ставит Лермонтова «по мощи гения» выше Пушкина и считает его поэзию началом всех значительных явлений русской литературы.

---

⁷³¹ Там же. С. 43.

⁷³² Там же. С. 44.

⁷³³ Розанов В.В. Домик Пушкина в Москве // Розанов В.В. Среди художников. С. 343.

⁷³⁴ Розанов В.В. Вечно печальная дуэль // Розанов В.В. Легенда... С. 289.

⁷³⁵ Там же С. 291.

⁷³⁶ Там же. С. 296.

⁷³⁷ Там же. С. 294.

В статье «50 лет влияния (Юбилей В.Г. Белинского)» (1898 г.) Розанов причисляет Лермонтова к писателям с «ярко выраженным женственным сложением в душе», которые «все оставили глубокий след после себя»⁷³⁸. При помощи своей складывающейся теории пола критик пытается объяснить противоречия личности Лермонтова. Для Розанова «рождающие глубины человека действительно имеют трансцендентную, мистическую, религиозную природу», поэтому Лермонтов, а вместе с ним Толстой и Достоевский, внимание которых «постоянно приковано к началу, зиждущему в мире жизнь, - мистичны, трансцендентны, религиозны»⁷³⁹. Этой способностью к непосредственному восприятию трансцендентного Розанов объясняет появление «седой мудрости» у молодого поэта.

Розанов неоднократно обращается к стихотворению Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...». В работе «Величайшая минута истории» (1900 г.) критик утверждает, что Бог, которого видит поэт в этом стихотворении, это ни в коем случае не Христос⁷⁴⁰. В другой заметке, цитируя стихотворение Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...», Розанов намеренно пишет слово «бог» с маленькой буквы, так как, по его мнению, там говорится не о Христе⁷⁴¹. По мнению критика, «бессильный и самый ранний абрис» этого бога Лермонтов «назвал "демоном", а позднее, любя то же самое, изображая все ту же самую тему, стал называть его "богом" и начал умиляться»⁷⁴². В статье «Из восточных мотивов» (1901 г.) Розанов делает произведения Лермонтова иллюстрацией к халдейским культам. Он приходит к выводу, что «поэт любил звезды не как камни или песок, <...> а как отчасти живые существа, т.е. характерно по-халдейски»⁷⁴³. Кроме того, лермонтовское умиление «направлено туда, куда было направлено в Халдее, - к Матери, к ребенку, к идеализму материнства и детства»⁷⁴⁴.

В работе «М.Ю. Лермонтов» (1901 г.) Розанов сопоставляет Лермонтова и Гоголя, считая их необыкновенными явлениями в истории развития русского духа. Как уже указывалось ранее, и для Гоголя, и для Лермонтова характерно «глубочайшее отвлечение от земли» наряду с умением уловить в действительности «скрупулезное, незаметное и характерное». Оба писателя имели «параллелизм в себе жизни здешней и

---

⁷³⁸ Розанов В.В. 50 лет влияния (Юбилей В.Г. Белинского) // Розанов В.В. Легенда... С. 303.

⁷³⁹ Розанов В.В. Из загадок человеческой природы // Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. С. 37.

⁷⁴⁰ Розанов В.В. Величайшая минута истории // Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. С. 342.

⁷⁴¹ Розанов В.В. К лекции г. Вл. Соловьева об Антихристе // Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 101.

⁷⁴² Там же. С. 102.

⁷⁴³ Розанов В.В. Из восточных мотивов // Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 179.

⁷⁴⁴ Там же.

какой-то не здешней», причем «родной их мир – именно не здешний»⁷⁴⁵, оба «были любимы небом, но любимы лично, а не вообще и не в том смысле, что имели особенную даровитость»⁷⁴⁶. И Лермонтов, и Гоголь видели то, что недоступно всем остальным, однако эти видения «до того не отвечали привычным им с детства представлениям о религиозном, о святом», что они, испуганные этими бестелесными явлениями, «дали им ярлык, свидетельствующий об отвращении, негодовании: “колдун”, “демон”, “бес”»⁷⁴⁷. По мнению Розанова, поэма Лермонтова «Демон» представляет собой «метафизический и психологический ключ к мифологии Греции, Востока»⁷⁴⁸. Критик находит у поэта мифологическое соединение личности и космоса, так как в каждом стихотворении «глубочайше-личное чувство» расширяется «в обширнейшие панорамы, <...> как будто в том, что совершается в его сердце, почему-то заинтересован весь мир»⁷⁴⁹. Поэт умеет соединять в единое целое «здесь» и «там», земное и небесное. Кроме того, Розанов отмечает у Лермонтова «чувство собственности к природе», «он как будто знает главные и общие пружины ее»⁷⁵⁰.

Статья «М.Ю. Лермонтов», как и работа «Вечно печальная дуэль», в основном посвящена размышлению над идеей стихийного начала в творчестве поэта. Однако в отличие от более ранней статьи, которая рассматривает стихийность в качестве общего принципа развития русской литературы, здесь Розанов обращается к внутреннему миру Лермонтова. Он находит у поэта врожденную способность к восприятию трансцендентного, которое в силу неприятных переживаний было интерпретировано им негативно. Именно эта способность приводит к тому, что в творчестве Лермонтова начинают проявляться черты древних мифов. Разрешение «биографической загадки» Лермонтова Розанов видит в том, что «чувство сверхъестественного, напряженное, яркое в нем, яркое до последних границ возможного и переносимого, наконец, перешло и в маленькую личную сверхъестественность»⁷⁵¹.

В этих критических статьях Розанов не упоминает о связи мистического начала с полом. Однако в работах, затрагивающих вопросы теории пола (например, «Из загадок человеческой природы»), он приводит творчество Лермонтова в подтверждение своей мысли о религиозной природе «рождающих глубин человека». А в статьях «Величайшая минута истории» и «К лекции г. Вл. Соловьева об Антихристе»

---

⁷⁴⁵ Розанов В.В. М.Ю. Лермонтов // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 72.

⁷⁴⁶ Там же. С. 75.

⁷⁴⁷ Там же. С. 72.

⁷⁴⁸ Там же. С. 75.

⁷⁴⁹ Там же. С. 76.

⁷⁵⁰ Там же.

⁷⁵¹ Там же. С. 77.

утверждает, что «бог» произведений Лермонтова не может быть Иисусом Христом, используя стихотворения Лермонтова как аргумент в споре с христианством. Эти отдельные элементы концепции соединяются в трех статьях, которые интерпретируют поэму Лермонтова «Демон».

По мнению Розанова, Лермонтов с «демоном» «слил часть своей души»⁷⁵². В сложном и подробном изображении «демона» критик видит «не то бытье, не то сказку», для которой не находит параллелей в Библии. Розанов считает сюжет поэмы отражением древних мифов, как бы «зародышем отдаленного культа». Очень важным для критика оказывается то, что этот сюжет стоит «в точке водораздела разных религиозных рек, причем как текущих, так истекших и еще могущих вновь потечь»⁷⁵³. Розанов, увлекавшийся древним Египтом, утверждал, что стихи Лермонтова можно проиллюстрировать «египетскими рисунками», ведь у Лермонтова, как и в Египте, «везде – Бог, все – боги»⁷⁵⁴. Древние считали рождение божественным, а не демоническим. Однако для современного человека, по мнению критика, грех и пол «тождественны, пол есть первый грех, источник греха»⁷⁵⁵. Именно поэтому Лермонтов назвал «демоном» то, что в древности называли «богом».

Теория пола Розанова соединяет небо и землю: «... как здесь есть мужское начало и женское, то и “там”, в структуре звезд что ли, в строении света, в эфире, магнетизме, электричестве, есть ”мужественное”, ”храброе”, ”воинственное”, ”грозное”, ”сильное” и есть ”жалостливое”, ”нежное”, ”ласкающее”, ”милое”, ”сострадательное”»⁷⁵⁶. Лермонтов очень хорошо чувствует и выражает в своем творчестве эту связь. Розанов накладывает понятие «мистической физиологии» Лермонтова на способ изображения природы, который интерпретировался им раньше как отражение особого чувства Бога, присущего этому поэту. Теперь критик во всем начинает усматривать сочетание мужского и женского начала: «... везде – тучка и утес, везде – тоска разлуки или ожидание свидания, везде – роман, везде – начало жизни, и небесной, и земной в слиянии»⁷⁵⁷. Это значительно видоизменяет концепцию стихийного творческого начала, которое оказывается непосредственно связанным с половым влечением. Так как христианство изменило отношение к полу и присвоило рождению статус «греха», оно становится для Розанова религией смерти. В таком

---

⁷⁵² Розанов В.В. «Демон» Лермонтова в окружении древних мифов // Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 187.

⁷⁵³ Там же.

⁷⁵⁴ Розанов В.В. Концы и начала... // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 82.

⁷⁵⁵ Там же. С. 84.

⁷⁵⁶ Там же. С. 87.

⁷⁵⁷ Там же. С. 89.

случае Лермонтов, передающий мироощущение древнего человека, оказывается антихристианским поэтом.

В статье «Демон» Лермонтова и его древние родичи» (1902 г.) Розанов продолжает размышлять о мифологическом мышлении поэта, который прозревает в природе «какое-то человекообразное существо»⁷⁵⁸. Перекрещивающиеся религиозные реки оказываются двумя точками зрения на «любовь и рождение». Одна, согласно которой они - «начало потоков правды», присуща древним религиям, другая, отмечающая в них «начальную точку греха», свойственна христианству. Лермонтов является точкой пересечения этих религиозных рек, так как у него древнее отношение к полу соединяется с христианским наименованием символа полового влечения. «Демон телесной красоты и привлечения» побежден Христом, и поэтому «любовь стала физиологической, звезды – булыжниками, животные и растения – бифштексом и дровами»⁷⁵⁹. Образовалось «другое небо, полное другими небожителями», которые «теперь удерживают от рождения, более всего грозят за любовь»⁷⁶⁰. Но на самом деле, по мнению Розанова, ничего не умерло, переменялись только оценки. И творчество Лермонтова, в котором критик находит «атавизм древности», является одним из фактов, подтверждающих эту теорию.

В результате этих размышлений Лермонтов со своим особым ощущением разлитого всюду в мире божественного начала, которое, несомненно, очень близко самому Розанову, становится ключевой фигурой в его теории мистического значения пола, складывающейся в этот период. В рамках данной теории Розанов интерпретирует лермонтовское чувство Бога как свойственное исключительно древним религиям. Вследствие этого появляется возможность приписать Лермонтову также и эротическое начало, пронизывавшее отношения древнего человека и космоса. Кроме того, Лермонтов как «атавистический» поэт, воспевающий жизнь, оказывается противопоставленным той перевернутой с ног на голову системе ценностей, которую Розанов усматривает в христианстве.

В дальнейших работах для Розанова по-прежнему остается актуальной религиозность поэзии Лермонтова. Разбирая стихотворение «Сон», критик сравнивает поэта уже не с языческим жрецом, а со «святым ”юродивым” московского времени»⁷⁶¹. Также Розанов неоднократно возвращается к мысли о врожденной мудрости Лермонтова. По его мнению, не только для Лермонтова, но и для Гоголя и

---

⁷⁵⁸ Розанов В.В. «Демон» Лермонтова и его древние родичи // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 95.

⁷⁵⁹ Там же. С. 102.

⁷⁶⁰ Там же.

⁷⁶¹ Розанов В.В. Домик Лермонтова в Пятигорске // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 275.

Достоевского характерны «страшно ранняя потеря вкуса к жизни, любви к действительности, к реальному», «разрыв с людьми, потеря с ними "родного"»⁷⁶². В работе «В.Г. Белинский» (1911 г.) Розанов утверждает, что «Лермонтов, громадою ума своего и какою-то тайной души, был опытнее, старше, зрелее Белинского; хотя фактически и практически знал жизнь, вероятно, еще менее его»⁷⁶³. Однако причину этого Розанов видит не в идентичности души и пола, а в «какой-то способности посмотреть на жизнь, взглянуть на людей: и в момент понять в них то, что Белинский до гроба так и не понял»⁷⁶⁴, то есть в изначальном интуитивном знании.

В эссеистических произведениях Розанова Лермонтов обычно упоминается вместе с Пушкиным и служит для установления некой нормы, с которой сравниваются другие писатели, или для обозначения идеала, который существовал в «золотом веке» русской литературы. Однако в одной из заметок, включенных в книгу «Сахарна» (1913 г.), Розанов противопоставляет Лермонтова не только Пушкину, но и Гоголю. Критик замечает, что если бы Лермонтов не погиб на дуэли, то «Россия получила бы такое величие благородных форм духа, около которых Гоголю со своим "Чичиковым" оставалось бы только спрятаться в крысиную нору»⁷⁶⁵. В этом случае в литературе было бы побеждено «гоголевское» обличительное направление, а «Добролюбовых и Чернышевских после Лермонтова выволокли бы за волосы и выбросили за забор, как очевидную гадость и бессмыслицу»⁷⁶⁶. Если ранее в статье «Вечно печальная дуэль» Розанов жалел Мартынова, то теперь выстрел Мартынова назван «проклятым», а сам он «злодеем». В этот период мысль о религиозной глубине произведений Лермонтова снова отделяется от идеи о мистическом значении пола. Кроме того, мнение об идентичности Лермонтова и Гоголя, высказанное в статье «М.Ю. Лермонтов», перестает для Розанова быть актуальным. Критик противопоставляет Лермонтова Гоголю как писателя, который был способен изобразить живые души и «погасить» обличительное направление в русской литературе. Это противоречие объясняется особенностями розановской интерпретации творчества Гоголя. Гоголь второго этапа развития концепции оказывается подобен Лермонтову, а возвращение к первоначальной точке зрения позволяет критику заявить об их полной противоположности.

---

⁷⁶² Розанов В.В. Одна из замечательных идей Достоевского // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 471.

⁷⁶³ Розанов В.В. В.Г. Белинский // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 504-505.

⁷⁶⁴ Там же.

⁷⁶⁵ Розанов В.В. Сахарна. С. 239.

⁷⁶⁶ Там же.

В статье 1914 г. «Пушкин и Лермонтов» соотношение творчества этих поэтов представлено Розановым как история человеческого грехопадения. Пушкин олицетворяет для критика «рай», то есть состояние гармонического равновесия. Стремление человечества к переменам выражено в Лермонтове, который «самим бытием лица своего, самой сущностью всех стихов своих, еще детских, объясняет нам, почему мир ”вскочил и убежал”»⁷⁶⁷. Розанов считает, что русская литература «счастливее» и «гармоничнее» других, потому что «в ней единственно ”лад” выразился столько же удачно и полно, так же окончательно и возвышенно, как и ”разлад”»⁷⁶⁸. Для критика это очень важно, так как объясняет «моральное, духовное движение» человечества. В этой статье Розанов ассоциирует Лермонтова не с утверждением жизни, как было раньше в рамках теории мистической роли пола, а с ее отрицанием. Поэтому оказывается, что влияние его творчества может быть преодолено: «... какое-то тайное великолепие превозмогает в мире все-таки отрицание, - и хотя есть ”смерть” и ”царит смерть”», но «побеждает, однако, жизнь и в конце концов остается последнею»⁷⁶⁹.

В заметке «О Лермонтове» (1916 г.) критик по-прежнему отдает Лермонтову предпочтение перед Пушкиным. Он называет произведения поэта «вещим томиком» и «золотым нашим Евангелищем». В отличие от Пушкина «Лермонтов был совершенно необыкновенен; он был вполне «не наш», «не мы», был «совершенно нов, неожидан, ”не предсказан”»⁷⁷⁰. Лермонтов, как считает критик, не удовлетворился бы исключительно литературной деятельностью. По его мнению, поэт «ушел бы в пустыню» и стал бы «духовным вождем народа». В статье 1892 г. «Три момента в развитии русской критики» говорилось, что Лермонтов до конца своих дней не мог освободиться от влияния Байрона⁷⁷¹, но в этой работе Розанов отказывается от своего прежнего мнения, утверждая, что «Байрон с его выкрутасами не под стать серьезному и чистому Лермонтову»⁷⁷². Розанов сопоставляет Лермонтова с Ветхим Заветом, утверждая, что поэт мог бы дать «в ”русских тонах” что-то вроде ”Песни Песней”, и мудрого ”Екклесиаст”», ну и тронул бы ”Книгу царств”, кончив свой творческий путь ”дивным псалмом”»⁷⁷³.

---

⁷⁶⁷ Розанов В.В. Пушкин и Лермонтов // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 603.

⁷⁶⁸ Там же.

⁷⁶⁹ Там же. С. 604.

⁷⁷⁰ Розанов В.В. О Лермонтове // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 642.

⁷⁷¹ Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В.В. Легенда ... С. 243.

⁷⁷² Розанов В.В. О Лермонтове // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 643.

⁷⁷³ Там же.

В «Последних листьях» (1916 г.) Розанов единственный раз высказывается о Лермонтове критически. Произведения поэта названы «стихотвореньицами». Как и все русские писатели (исключение сделано только для Пушкина), Лермонтов слишком мало интересовался Россией. По мнению Розанова, Лермонтову не удалось изобразить настоящий Кавказ, поэт смог передать лишь то, «как «они пили воды в Пятигорске»⁷⁷⁴. Однако остальные упоминания о личности и творчестве Лермонтова находятся в русле прежней концепции, разработанной критиком. В статье «Из седой древности» (1917 г.) говорится о сосредоточенности Лермонтова на вопросах полового влечения, вся его поэзия «есть только преобразование их почти до размеров целой вселенной»⁷⁷⁵. В итоговой работе «С вершины тысячелетней пирамиды (Размышление о ходе русской литературы)» (1918 г.) поэзия Лермонтова снова объявляется «звездой», чем-то «сказочным», «невероятным для его возраста, для его опыта»⁷⁷⁶. В «Апокалипсисе нашего времени» (1918 г.) критик упоминает Лермонтова как «атависта», «со дна души которого поднялись чрезвычайно древние "сны", <...> чрезвычайно древняя истина»⁷⁷⁷.

Несмотря на противоречивость, присущую Розанову, его интерпретация творчества Лермонтова достаточно последовательна и целостна. Поэт начинает интересовать Розанова в конце 1890-х гг., когда критик на материале русской литературы разрабатывает концепцию двух творческих начал – стихийного и статического. В статьях «Вечно печальная дуэль» (1898 г.) и «М.Ю. Лермонтов» (1901 г.) Розанов интерпретирует Лермонтова как глубокого мистика, человека, способного по своей природе на «уловление иных миров». В то же время критик ссылается на творчество Лермонтова в рассуждениях о мистической сущности пола. Эти окказиональные упоминания складываются в четкую концепцию в статьях «Демон Лермонтова в окружении древних мифов» (1901 г.), «Концы и начала, «божественное» и «демоническое», боги и демоны (По поводу главного сюжета Лермонтова)» (1902 г.) и «Демон Лермонтова и его древние родичи» (1902 г.). То отношение к полу, которое Розанов усматривает в древних религиях, оказывается свойственным и Лермонтову. Поэтому его творчество, которое ранее было для критика «героическим» и «вечно рвущимся в небеса», теперь становится «романом», священным стремлением друг к другу противоположных полов. По мнению Розанова, естественная система ценностей, утверждающая культ жизни и воспринимающая пол как «божественное», была

⁷⁷⁴ Розанов В.В. Последние листья. С. 166.

⁷⁷⁵ Розанов В.В. Из седой древности // Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. С. 363.

⁷⁷⁶ Розанов В.В. С вершины тысячелетней пирамиды // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 672.

⁷⁷⁷ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С. 355.

перевернута христианством. Поэтому Лермонтов, обращаясь к прежним ценностям, закономерно становится антихристианским поэтом.

Сопоставляя Лермонтова и Гоголя в статье «М.Ю. Лермонтов», Розанов приходит к выводу об их идентичности. Оба писателя «любимы небом», оба имеют глубокую мистическую сущность, хотя и отличаются друг от друга направленностью своей системы художественных образов: у Лермонтова нет ни одного «пятнышка», а творчество Гоголя – это сплошная «кора проказы», покрывающая человека. Однако в «Сахарне» (1913 г.) критик не просто противопоставляет Лермонтова Гоголю, но высказывает предположение, что если бы поэт не погиб на дуэли, то ему удалось бы победить в русском обществе влияние Гоголя. Если Гоголь второй интерпретации Розанова оказывается подобен Лермонтову, то возвращение к первоначальной точке зрения на творчество Гоголя позволяет критику заявить об их полной противоположности. Несмотря на общее критическое отношение Розанова к литературе в 1916 – 1918 гг., имя Лермонтова только один раз упоминается в негативном контексте.

В работах второй половины 1900-х – 1910-х гг. Розанов в основном интерпретирует Лермонтова как «стихийного» поэта. Противопоставление творчества поэта христианству отходит на задний план. Становится возможным сравнить Лермонтова с юродивым, назвать его произведения «золотым нашим Евангелищем», сопоставить его творчество с текстами Ветхого Завета. Несмотря на то, что Розанов противопоставляет Ветхий Завет Новому Завету, сближая первый с древними религиями, при сравнении поэзии Лермонтова с ветхозаветными текстами его прежняя оппозиция христианству становится неактуальной. Все эти колебания у Розанова происходят в рамках одной концепции, что доказывают упоминания о Лермонтове в работах 1916- 1918 гг., которые полностью соответствуют прежним утверждениям критика. Таким образом, в единой интерпретации личности и творчества Лермонтова Розанов создает две версии, представляя поэта то «атавистом», то глубоким мистиком, и в зависимости от выбранной позиции каждый раз возникает иной культурный контекст.

2.4. Тургенев в литературной концепции В.В. Розанова

Личность и творчество И.С. Тургенева занимают достаточно значительное место в работах Розанова. Леа Пильд в статье, посвященной данной проблеме, отмечает, что Розанов обращает особое внимание на фигуру Тургенева в конце 1900-х

– 1910-х гг. в связи с ростом количества литературы на эротическую тему⁷⁷⁸. Однако на самом деле интерес к этому писателю возник у Розанова гораздо раньше, практически с самого начала его деятельности. Уже в книге «О понимании» Розанов включает Тургенева в свою литературную иерархию, определяя его как художника-наблюдателя. В более поздних своих работах Розанов продолжает развивать эту мысль. Так, например, в статье «Три момента в развитии русской критики» (1892) Розанов соотносит литературное направление, к которому принадлежат произведения Тургенева, с последним периодом творчества Пушкина. Повести Тургенева «представляют еще дальнейшую суженность и индивидуализацию этого течения нашей жизни: на ее общем бытовом фоне выделяются люди с особенным выражением лица и необычною судьбой (”Рудин”, тип Базарова)»⁷⁷⁹. Однако в статье «Два вида правительства» (1897) Розанов противопоставляет предельную независимость Пушкина от мнения читающей публики подчиненности Тургенева этому мнению: «...какою мучительною болью через его письма, воспоминания, предисловия к сочинениям проходит то простое отчуждение, какое он почувствовал в себе в 60-е годы со стороны читателя»⁷⁸⁰. В 1898 г. в статье «Вечно печальная дуэль» Розанов снова называет Тургенева «эхом» Пушкина. В статье «Гоголь» (1902) критик высказывает мысль о том, что настоящими последователями Пушкина являются не поэты, а прозаики: «... в Тургеневе он более живет, чем в Языкове; огромные полосы в сотворении ”Войны и мира” имеют в себе пушкинскую ткань»⁷⁸¹. Хотя сами по себе и Тургенев, и Толстой – писатели вполне самостоятельные, «сами суть школа, суть солнца-человеки, а не спутники-планеты другого солнца»⁷⁸².

Достаточно подробно разработанная критическая концепция творчества Тургенева представлена у Розанова уже в «Легенде о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» (1891). Тургенев, с одной стороны, включается Розановым в ряд последователей Гоголя, так как тоже описывает реальную действительность, имеет дело «с положениями, в которых мы все бываем, с отношениями, в которые мы все входим»⁷⁸³, с другой стороны, противопоставляется ему по качеству изображаемого. Тургенев в отличие от Гоголя описывает живую жизнь: «Вот в ряде маленьких рассказов Тургенева те же деревни, поля и дороги, по которым, может быть, проезжал

---

⁷⁷⁸ Пильд Л. В.В. Розанов об И.С. Тургеневе (к проблеме истоков стиля Розанова) // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2002. С. 336.

⁷⁷⁹ Розанов В.В. Три момента в развитии русской критики // Розанов В.В. Легенда... С. 243.

⁷⁸⁰ Розанов В.В. Два вида правительства // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 24.

⁷⁸¹ Розанов В.В. Гоголь // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 121.

⁷⁸² Там же.

⁷⁸³ Розанов В.В. Легенда... С. 18.

и герой "Мертвых душ", и те же мелкие уездные города, где он заключал свои купчие крепости. Но как живет все это у него, дышит и шевелится, наслаждается и любит»⁷⁸⁴. Точно так же обстоит дело и с описаниями природы. Тургенев знал и любил природу: «... множество подробностей у него, очевидно, запало в душу, и он их воспроизвел, хотя, может быть, и бессознательно», а в пейзажах Гоголя «чувствуешь человека, который никогда и не взглянул даже с любопытством на природу»⁷⁸⁵.

По сравнению с Гоголем значение Тургенева оказывается положительным, но в общем и целом Розанов оценивает его творчество достаточно критически. Он называет писателя «суетным и слабым». Мир тургеневского слова «чарующий», но образы его «несколько бледные», хотя и «всегда привлекательные»⁷⁸⁶. Характеры, выведенные Тургеневым, Розанов считает отвечающими интересам минуты, они «были поняты в свое время, и теперь за ними осталась привлекательность исключительно художественная. Мы их любим, как живые образы, но нам уже нечего в них разгадывать»⁷⁸⁷. По мнению критика, Тургеневу свойственна любовь к чистому искусству, но вопреки своим природным склонностям писатель «захотел войти во вкусы людей, для которых весь мир красоты и искусства не заключал в себе никакой значительности и смысла»⁷⁸⁸. Такой противоестественной попыткой идти в ногу со временем Розанов считает роман «Новь». Европейская известность, которой удалось достигнуть Тургеневу, помешала ему стать чем-то большим: «... когда он достиг ее и уже не было времени стремиться еще к чему-нибудь, он вдруг увидел, что достиг чего-то самого малого: все же значительное и ценное от него ускользнуло»⁷⁸⁹. Тургеневу Розанов противопоставляет Толстого и Достоевского (художников-психологов по его классификации), которые обратили внимание не на «внешние формы», а на внутреннюю, религиозную, мистическую жизнь человека.

В дальнейшем Розанов развивает концепцию творчества Тургенева в четырех статьях, не считая многочисленных упоминаний в других его работах. Первую статью, посвященную исключительно Тургеневу, Розанов написал в 1903 г. к 20-летию юбилею со дня смерти писателя. Точно так же, как в «Легенде о Великом инквизиторе» Розанов признал за Тургеневым исключительно историческое значение, в этой статье он пишет о тесной связи писателя с серединой XIX в., а истоки тургеневского мировосприятия находит в старом барском укладе русской жизни.

---

⁷⁸⁴ Там же. С. 21.

⁷⁸⁵ Розанов В.В. Пушкин и Гоголь // Розанов В.В. Легенда... С. 141.

⁷⁸⁶ Розанов В.В. Легенда... С. 26.

⁷⁸⁷ Там же. С. 28.

⁷⁸⁸ Там же. С. 40.

⁷⁸⁹ Там же.

Творчество Тургенева ушло в прошлое вместе со своей эпохой: «Его статуя поставлена в пантеон русской славы, поставлена видно и вечно; ее созерцают, но с нею не переговариваются ни о чем живом живые люди»⁷⁹⁰. Об этом же Розанов упоминает и в статье «Некрасов в годы нашего ученичества» (1908): «Теперь невозможно было бы появление "Отцов и детей" Тургенева, - было бы бессмысленно и неправдоподобно...»⁷⁹¹. Более того, Тургенев изначально ориентировался на будущее общественное значение своих произведений: «... от "Отцов и детей" сейчас же, как они появились, не только начало происходить множество "другого" и "нового", чего до них не было: но Тургенев и писал с полным знанием того, что все это "произойдет"; и, даже не решив твердо, что этому нужно "начать происходить", он едва ли и написал бы самый роман»⁷⁹².

Рассуждая о Диккенсе, Розанов сравнивает его с Тургеневым и находит, что хотя у Диккенса больше таланта и литературного мастерства, значение его произведений меньше именно из-за отсутствия общественного резонанса. Результаты влияния произведений Тургенева Розанов видит, во-первых, в том, что «Записки охотника» сыграли большую роль в освобождении крестьян от крепостной зависимости. Во-вторых, именно с Тургенева в России началось женское движение. Тургенев, по мнению Розанова, расширил круг традиционных женских интересов, приучил женщин к серьезному чтению, «заставил женщин думать о крупных вещах, думать о крупных заботах»⁷⁹³. Также Розанов считает, что в личности Тургенева, который обладал «чрезвычайными, исключительными способностями усвоения всего хорошего и доброго вокруг себя, изящного и благородного»⁷⁹⁴, завершился процесс слияния России с Европой: «... всемирное и русское в нем срослись, соединились, сроднились»⁷⁹⁵.

Литературные способности Тургенева Розанов оценивает как «не гениальные, но необыкновенно изящные»⁷⁹⁶. Критик подчеркивает равновесие умственной и эмоциональной сферы, характерное для писателя: «Тургенев как будто никогда не был поражен исключительной идеей, исключительной по красоте, величию или ужасу. Его ум всегда господствовал над встречаемыми или приходившими самому ему на ум

---

⁷⁹⁰ Розанов В.В. Ив.С. Тургенев // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 138.

⁷⁹¹ Розанов В.В. Некрасов в годы нашего ученичества // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 247.

⁷⁹² Розанов В.В. На книжном и литературном рынке (Диккенс) // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 288.

⁷⁹³ Розанов В.В. О памятнике Тургеневу // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 295.

⁷⁹⁴ Розанов В.В. Ив.С. Тургенев // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 141.

⁷⁹⁵ Там же. С. 140.

⁷⁹⁶ Там же.

идеями: он ими управлял, а не то, чтобы идеи поднимали в нем неожиданный или опасный пожар»⁷⁹⁷. Тургенев гармоничен, и поэтому в статье «Ив.С. Тургенев» снова возникает сопоставление с Пушкиным. Пушкинские цельность и ясность объединяют Тургенева с Гончаровым и «целой плеядой рассказчиков русского быта, мечтателей и созерцателей тихого штиля»⁷⁹⁸. Эта гармоничность отразилась и в словесном мастерстве Тургенева: «Язык его, кроме безусловной правильности и изящества, отличается теплотой и мягкостью»⁷⁹⁹. Но по сравнению с произведениями Толстого и Достоевского у Тургенева обнаруживаются и недостатки: «... некоторая излишняя недвижность его языка, утомительная ровность, недостаток на всем почти протяжении – одушевления»⁸⁰⁰. И несмотря на то, что общий уровень словесного мастерства Толстого и Достоевского, по мнению Розанова, иногда бывает даже ниже, чем у Тургенева, зато для их произведений характерно «восторженное напряжение», которое приковывает к себе внимание читателя. Именно поэтому «большие романы Достоевского читаются теперь живее и интереснее, нежели значительно потускневшие от времени рассказы Тургенева»⁸⁰¹.

Наиболее значимой в творчестве Тургенева Розанов считает тему любви. Тургенев рисует любовь исключительно как романтическую, «любовь не в полном круге ее течения, а только в фазе загорания и обыкновенно несчастного крушения»⁸⁰². Розанов сближает Тургенева с рыцарской литературой, персонажи которой знали только «влюбленность и пренебрежительно относились к более устойчивым и спокойным формам этого чувства»⁸⁰³. Обратной стороной этого сосредоточения на влюбленности является неприязненное отношение Тургенева к старшему поколению, которое «представлено не то чтобы дурным, не то чтобы злым, а каким-то точно застывшим, лишь с одними привычками жизни, но без всякого смысла жизни и чувства жизни»⁸⁰⁴. Писатель не сказал ни одного доброго слова о матерях своих героинь. У Тургенева «все "герои" молоды; даже только в молодых-то и есть ум, энергия, чувство»⁸⁰⁵. Розанов обращает внимание на то, что у Тургенева очень мало

---

⁷⁹⁷ Там же.

⁷⁹⁸ Там же. С. 139.

⁷⁹⁹ Там же.

⁸⁰⁰ Там же.

⁸⁰¹ Там же. С. 140.

⁸⁰² Там же. С. 142.

⁸⁰³ Там же.

⁸⁰⁴ Там же. С. 143.

⁸⁰⁵ Там же.

«быта, жизни, зрелой связанности людей», нет изображения «трудной, хлебной и работной стороны жизни»⁸⁰⁶.

Все эти недочеты искупаются изображением идеальной любви. И с точки зрения целей и задач, целостности творчества Тургенева это невнимание к быту становится чертой положительной: «В рассказах и повестях Тургенева мы входим в мир какого-то рыцарского идеализма, одетого густою русскою плотью. Идеи философские, исторические, общественные смешаны с ароматом любви, и через призму этой "лазури" кажутся лучше, чем может быть есть на самом деле»⁸⁰⁷. При всей своей привязанности к быту Розанов способен оценить и «безбытность» писателя, когда она искупается иными достоинствами произведения. Точно так же идеальная любовь оказывается не менее важной для критика, чем его собственное представление о роли любви как рождающего начала. В статье «Когда-то знаменитый роман» (1905) Розанов сопоставляет Тургенева с Толстым, который любовь «преследовал как собаку и бил как собаку: и она у него битая, льстивая, трусливая, опозоренная какая-то и гадкая»⁸⁰⁸. А Тургенев, отмечает критик, знал «не только "любовь – цемент семьи", но и любовь, как "известное чувство", как восходящие и заходящие звезды, как расцветающие и отцветающие цветы»⁸⁰⁹. В статье «О памятнике Тургеневу» (1908) Розанов противопоставляет творчество Тургенева – «средневекового рыцаря в его прекраснейшем идеале – в возвышенном поклонении женщине»⁸¹⁰ современной литературе, представленной Арцыбашевым и Каменским – «недоношенными литературными поросенками»⁸¹¹. Отношение к женщине в их творчестве Розанов характеризует как «бессилие любви; бессилие к любви самого человека; поношенность, потрепанность его; изнеможенное старчество под молодыми чертами нафабренных господ»⁸¹². Санин – это «лошадь на пружинах, подобная детским конькам»⁸¹³. Образы Лаврецкого и Лизы Калитиной – «идеал великого сосредоточения любви»⁸¹⁴ - ему полностью противоположны.

Для Розанова характерно представление о тесной взаимосвязи жизни писателя с его творчеством. Поэтому не случайно, что причины такого отношения к любви Розанов находит в биографии Тургенева. Любовь для Розанова – чувство великое и

---

⁸⁰⁶ Там же.

⁸⁰⁷ Там же. С. 144.

⁸⁰⁸ Розанов В.В. Когда-то знаменитый роман // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 191.

⁸⁰⁹ Там же.

⁸¹⁰ Розанов В.В. О памятнике Тургеневу // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 294.

⁸¹¹ Там же. С. 295.

⁸¹² Там же.

⁸¹³ Там же.

⁸¹⁴ Там же.

священное, «творящее и стимулирующее»⁸¹⁵. О способности Тургенева любить «горячо, беззаветно, идеально, как юноши»⁸¹⁶, Розанов упоминает в статье «Тут есть некая тайна» (1904). Он ценит писателя, прежде всего, за любовь к Полине Виардо: «... сама способность испытать такое чувство, как и факт испытания, есть великое счастье, сообщающее необыкновенный трепет и нежность сердцу до глубокого поседения»⁸¹⁷. Это чувство так сильно повлияло на литературное творчество Тургенева, что он, по мнению Розанова, «не имел другой темы, кроме любви; все его темы суть незаметная единственная песня любви»⁸¹⁸. Свою интерпретацию истории и сути отношений двух великих людей Розанов дает в статьях «Виардо и Тургенев» (1910) и «Загадочная любовь (Виардо и Тургенев)» (1911). Он считает, что эта любовь была безответной, по-настоящему любил только Тургенев: «Вся история не получила бы такого ореола себе, такой знаменитости <...> будь это счастливая обоюдная любовь»⁸¹⁹. Розанов также отмечает статичность этой любви: «... эта любовь не имела "хода" в себе, движения, а только – стояние»⁸²⁰. И именно поэтому она осталась «вечно юной» и не исчезла даже со смертью Тургенева: «Он старел, умер, но, умирая, любил, как в 25 лет»⁸²¹.

Розанов полагает, что на примере этих отношений можно прояснить вопрос о сущности любви. Любовь – это таинство тела: «Живое же тело и раскрывается в таинстве любви, которая и приходит, когда тело входит в "цвет", и уходит, когда оно отцветает»⁸²². Любовь Тургенева к Виардо, считает Розанов, «не имела никакого материального питания, не поддерживалась никаким общением, кроме духовного, зрительного»⁸²³. В то же время эта любовь была именно «физической», а не духовной: «... любовь его к Полине была вовсе не плотская, <...> хотя объектом ее был "весь образ Виардо", в том числе физический, и даже больше всего физический»⁸²⁴. Розанов дает два объяснения причин этого неодолимого влечения. Первое имеет физиологический характер и заключается в «противоположности кровей»: «В ней была масса густой, темной крови. Кровь Тургенева была белая, слабая, жидковатая, "от северного климата" <...> и предков, живших долгою культурною жизнью и уставших

⁸¹⁵ Там же. С. 296.

⁸¹⁶ Розанов В.В. Тут есть некая тайна // Розанов В.В. Во дворе язычников. С. 309.

⁸¹⁷ Розанов В.В. О памятнике Тургеневу // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 296.

⁸¹⁸ Розанов В.В. Загадочная любовь (Виардо и Тургенев) // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 541.

⁸¹⁹ Розанов В.В. Виардо и Тургенев // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 437.

⁸²⁰ Там же.

⁸²¹ Розанов В.В. Загадочная любовь // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 540.

⁸²² Розанов В.В. Виардо и Тургенев // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 441.

⁸²³ Там же. С. 439.

⁸²⁴ Розанов В.В. Загадочная любовь // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 542-543.

от этой жизни. <...> Вот этот контраст кровей и вспыхнул тем пламенем, которое горело так долго, так прекрасно и так страдальчески»⁸²⁵. По второй версии Тургенев увидел в телесном образе Виардо живое воплощение божества. Ведь, по мнению Розанова, «тело не только "ангелоподобно" или что: оно прямо и без всякого посредства, само собою и само по себе, есть "образ и подобие Божие"!»⁸²⁶ Розанов считает, что в лице Тургенева «мы имеем редчайший случай <...> настоящего обоготворения, обожения человека человеком, женщины мужчиною»⁸²⁷. И в этом «божественном ощущении божественного порядка вещей» он видит возрождение языческого мировосприятия: «... этим двум открылся кусочек языческого мира, мы же ... догадываемся невольно и "само собой", что, ведь, языческий-то мир есть! существует! – но только скрыт от обыкновенных глаз»⁸²⁸.

Розанов находит в этом чувстве не только языческие, но и христианские черты, которые заключаются в «бесплотности» любви. Не случайно, по мнению критика, в произведениях Тургенева любовь никогда не переходит в брак. И то, что в ином случае Розанов непременно бы осудил, здесь вызывает у него восхищение, так как видит он в этом особый тип любви: «... монашеской любви, аскетической любви, самоотверженной любви, самоотрицающейся любви»⁸²⁹. Вот почему так несимпатичны у Тургенева образы замужних женщин: «Все "рождающее" не годится для монаха»⁸³⁰. Именно в этом отношении к «рождающему началу» и находит в нем Розанов христианский дух: «... христианство – дух и даже почти физиология, особенная, личная, вот так и кончающаяся на "жениховстве" <...> и не переходящая отнюдь в супружество»⁸³¹. Ранее о скрытом христианском духе Тургенева Розанов упоминал в связи с рассказом «Живые мощи», в котором, по его мнению, представлена красота умирания, страдание возводится в культ, «к святости ("мощи"), к религии»⁸³².

В работе «Русская церковь» (1905) Розанов отмечает у Тургенева особого рода религиозность, возникающую спонтанно, в переломные моменты жизни: «Самые образованные люди, как Тургенев, как Герцен, и атеисты, нигилисты – в серьезные минуты жизни вдруг видят в себе возрожденную эту древнейшую первоначальную веру своего народа: что умереть – святее, нежели жить, что смерть угоднее Богу (для верующих), Высшему Существо (для философов), чему-то (для атеистов), нежели

---

⁸²⁵ Розанов В.В. Виардо и Тургенев // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 442.

⁸²⁶ Розанов В.В. Загадочная любовь // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 544.

⁸²⁷ Там же. С. 540.

⁸²⁸ Там же. С. 541.

⁸²⁹ Розанов В.В. Виардо и Тургенев // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 440.

⁸³⁰ Там же.

⁸³¹ Розанов В.В. Загадочная любовь // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 545.

⁸³² Розанов В.В. Около болящих // Розанов В.В. Иная земля, иное небо... С. 9.

жизнь»⁸³³. Однако эти скрытые религиозные тенденции Розанов все-таки считает недостаточными. Например, в статье «Величайший мастер слова» (1907) он называет большим недостатком то, что у Тургенева «нигде нет религиозного, христианского глубокомыслия, нигде нет отсложка церковноисторического зиждительства»⁸³⁴. В примечаниях (1913) к переписке с Н.Н. Страховым Розанов также упоминает в негативном контексте о безрелигиозности Тургенева: «"Помилуй мя, Боже": вот этих слов на том свете никак не могут выговорить теперь Тургенев "с Виардо" и Чернышевский "с барышнями"»⁸³⁵. То же самое – во втором коробе «Опавших листьев»: «Шуточки Тургенева над религией – как они жалки»⁸³⁶.

Обращаясь к творчеству Тургенева в статьях, посвященных другим проблемам, Розанов практически не выходит за рамки разработанной им критической концепции. Он высоко оценивает работу Тургенева «Гамлет и Дон-Кихот», которая «до сих пор остается лучшею критическою статьей во всей русской литературе»⁸³⁷. Противопоставляя Тургенева Грибоедову, критик с похвалой отзывается об изображенных им «маленьких людях», над которыми, как ему кажется, смеялся Грибоедов. Тургенев нарисовал «"Гамлета Щигровского уезда", ведь действительно забитого, действительно смешного, - из лица, которое опять-таки Грибоедову показалось бы необыкновенно жалким и неосмысленным»⁸³⁸. Однако, вспоминая в «Уединенном» фразу Тургенева «Человек о многом говорит интересно, но с аппетитом — только о себе», Розанов находит ее высокомерной и циничной: «... бедный человек, у него даже хотят отнять право поговорить о себе. Он не только боли, нуждайся, но <...> и молчи об этом»⁸³⁹. Запись о приходно-расходной книжке в «Опавших листьях» снова подчеркивает невнимание Тургенева к бытовой стороне жизни, его идеализм. Леа Пильд в своей статье сопоставила розановское стремление «не переступить черты» с любовью к Виардо Тургенева, который «не "смел", по Розанову, реализовать свою страсть»⁸⁴⁰. Но у Розанова говорится, скорее, о другом. Тургенев не просто «не смел», он не хотел «реализовать свою страсть», подобная мысль, по мнению критика, даже не приходила ему в голову. В то время как самому Розанову сделать это

---

⁸³³ Розанов В.В. Русская церковь // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. С. 294.

⁸³⁴ Розанов В.В. Величайший мастер слова // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 229.

⁸³⁵ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 118.

⁸³⁶ Розанов В.В. Опавшие листья. Короб второй и последний // Розанов В.В. Метафизика христианства. С. 589.

⁸³⁷ Розанов В.В. В.Г. Белинский // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 504.

⁸³⁸ Розанов В.В. С юга // Розанов В.В. Иная земля, иное небо... С. 29.

⁸³⁹ Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Метафизика христианства. С. 422.

⁸⁴⁰ Пильд Л. Указ. соч. С. 339.

достаточно легко. Отсюда и страх, и усилия, и «удовлетворение, когда ”к 1-му числу” сошлись концы с концами»⁸⁴¹.

Свое мнение об относительной художественной слабости произведений Тургенева, высказанное в «Легенде о Великом Инквизиторе», Розанов повторяет и в статье «Гений формы» (1902), посвященной Гоголю: «... формальные, слабые, глиняные, сравнительно антихудожественные Рудины, Лежневы, Базаровы, <...> все это – слабо, ничтожно, все не изваяно»⁸⁴². В «Homines Novi» (1901) Розанов называет роман Тургенева «Новь» - «произведением бессильным и неясным»⁸⁴³. В «Мимолетном» (1914) Розанов находит образ Базарова не отвечающим действительности, особенно то, что писатель не дал своему персонажу достойного противника: «Тургенев, не любивший дворянства, испуганный с детства своей чудовищной матерью, употребил в романе софизм, сопоставив с острым и зубастым мальчонком gamoli-барина»⁸⁴⁴. Теперь выясняется, что роман «Отцы и дети» большого значения не имеет, в нем лишь доказывается, что «слабый около сильного кажется слюнтявым и глупый около умного кажется ротозеем. Истина, ради иллюстрации которой не стоило усиливаться до романа»⁸⁴⁵.

Еще в 1890 г. в письме к Н.Н. Страхову Розанов с неодобрением отзывался о «демократизме тенденций» Тургенева, которые, по его мнению, были притворными⁸⁴⁶. В статье «В русском подполье» (1906) Розанов противопоставляет истинный демократизм, присущий, по его мнению, революционерам, внешнему и формальному демократизму русских писателей. Для Тургенева точно так же, как для Толстого и Достоевского, утверждение «все ”люди суть братья” - осталось мечтою недостигаемою и недостигнутою: осталось ”шаблоном”, как для дядьки его ”Господи, помилуй”»⁸⁴⁷. Розанов обвиняет писателей в духовном аристократизме, в том, что они «смотрели сверху вниз на стремления ”студентов помочь народу”»⁸⁴⁸. В работе «Некрасов в годы нашего ученичества» (1908) Розанов обращает внимание на сложность Тургенева и Толстого в противовес простоте Некрасова – «настоящего основателя демократической русской литературы»⁸⁴⁹. По мнению критика, Некрасов резко

⁸⁴¹ Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Метафизика христианства. С. 494.

⁸⁴² Розанов В.В. Гений формы // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 350.

⁸⁴³ Розанов В.В. Homines Novi // Розанов В.В. Когда начальство ушло... С. 17.

⁸⁴⁴ Розанов В.В. Мимолетное. 1914 г. // Розанов В.В. Когда начальство ушло... С. 549.

⁸⁴⁵ Там же. С. 550.

⁸⁴⁶ Розанов В.В. Литературные изгнанники... С. 242.

⁸⁴⁷ Розанов В.В. В русском подполье // Розанов В.В. Когда начальство ушло... С. 167.

⁸⁴⁸ Там же. С. 168.

⁸⁴⁹ Розанов В.В. Некрасов в годы нашего ученичества // Розанов В.В. О писателях и писательстве. С. 249.

отличается от Григоровича и Тургенева по своему отношению к народу: «... они относились к крестьянству как к свежему полю наблюдений и живописи, конечно, любя его, однако смешанною любовью живописца и филантропа, а не "кровно", вот как себя или своего»⁸⁵⁰.

В «Апокалипсисе нашего времени» Розанов обвиняет в произошедшей революции всю русскую литературу, соответственно вместе со всеми оказывается виновным и Тургенев. Розанов сопоставляет его с Чернышевским: «Да что же такое написал Тургенев, этот "изящный" Тургенев, этот "примерный Тургенев", как не ту же матерщину, обсмеявшую русскую улицу, которую написал в "Что делать" Чернышевский»⁸⁵¹.

В отличие от других критических концепций Розанова (например, творчества Лермонтова или Гоголя) его мнение о Тургеневе практически не изменялось. С самого начала определив писателя как «художника-наблюдателя», Розанов и в дальнейшем постоянно указывает на нехватку глубины и некоторую поверхностность произведений Тургенева. Двойственное отношение складывается у Розанова к вопросу о религиозности Тургенева и к изображению бытовых подробностей в его произведениях. Если критик обнаруживает у Тургенева скрытые религиозные мотивы, то отсутствие быта кажется ему закономерным, если же на первый план выступают тургеневские «атеизм» и «нигилизм», то эта особенность творчества писателя становится отрицательной. Изображение любви в романах и рассказах и собственную любовную историю писателя Розанов оценивает положительно до самого последнего периода своей жизни, когда «идеальная», не переходящая в семейные отношения любовь Тургенева оказывается проклятием русской семьи: «"Отцы и дети" Тургенева перешли в какую-то чахотку русской семьи, разрушив последнюю связь, последнее милое на Руси»⁸⁵².

Леа Пильд настаивает на том, что Розанов использовал активизацию интереса к Тургеневу в конце 1900-х – 1910-х гг. в целях повышения собственной литературной репутации. Еще одной причиной внимания критика к Тургеневу является его статус «забытого» классика. По мнению Л. Пильд, в розановской статье 1903 г. Тургенев предстает как «литературный изгнанник», который вместе с самим Розановым является хранителем общечеловеческих ценностей и подлинным творцом истории культуры⁸⁵³. Однако нужно отметить, что в этой статье Розанов указывает, прежде

---

⁸⁵⁰ Там же.

⁸⁵¹ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С. 337.

⁸⁵² Там же. С. 347.

⁸⁵³ Пильд Л. Указ. соч. С. 339.

всего, на зависимость творчества Тургенева от исторического времени, на отсутствие связи с современной Розанову действительностью. Романы и рассказы Тургенева утратили свою актуальность, общественную значимость и остались фактом исключительно литературным. Более того, в «Мимолетном» Розанов выстраивает свою литературную иерархию, в которой относит Тургенева к «первоклассным» писателям наряду с Пушкиным, Лермонтовым, Гоголем, Толстым и Достоевским⁸⁵⁴. В этом контексте Тургенев, разумеется, никак не может быть отнесен ни к «забытым» классикам, ни к «литературным изгнанникам».

2.5. Брюсов и декаденты

Как уже упоминалось ранее, современную ему литературу Розанов оценивает достаточно скептически. Из писателей-современников его внимание привлекают Л.Н. Андреев, М. Горький, А.В. Амфитеатров, А.А. Блок, М.П. Арцыбашев, А.И. Куприн, Б.В. Савенков. Две статьи, посвященные А.П. Чехову, написаны Розановым в 1910 г.⁸⁵⁵ В них Розанов рассматривает творчество писателя как законченное явление, а не часть живого литературного процесса рубежа XIX-XX вв. Вопрос отношения Розанова к современной ему литературе достаточно сложен и требует отдельного обширного исследования, поэтому в данной работе для прояснения критериев розановской оценки и общих черт его подхода к творчеству декадентов выбрана фигура Валерия Брюсова.

К творчеству Брюсова Розанов обратился в двух статьях: «Декаденты» (1896 г.) и «То же, но другими словами» (1907 г.). Первая статья представляет собой рецензию на сборник «Русские символисты». Большинство стихотворений, цитируемых Розановым, принадлежит Валерию Брюсову. Это «Мертвецы, освещенные газом...», «Творчество», «О закрой свои бледные ноги» и перевод стихотворения М. Метерлинка «Моя душа больна весь день...», сделанный Брюсовым. Все эти произведения помещены в третьем выпуске «Русских символистов» (1895 г.). На их примере критик рассуждает о новом течении в русской поэзии.

В символизме и декадентстве Розанов видит новый род «стихотворческого искусства, чрезвычайно резко отделяющийся по форме и содержанию от всех когда-либо возникавших видов литературного творчества»⁸⁵⁶. Эротика – это единственное, что объединяет декадентство и искусство прошлого. Казалось бы, критику должно импонировать, что символисты возвращают в поэзию «старого, как мать-природа,

⁸⁵⁴ Розанов В.В. Мимолетное. 1914 г. // Розанов В.В. Когда начальство ушло... С. 591.

⁸⁵⁵ См.: Катаев В.Б. Чехов и Розанов // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 68-74.

⁸⁵⁶ Розанов В.В. Декаденты // Розанов В.В. Легенда... С. 410.

бога», изгнанного «деловой поэзией» 1850 - 1870-х гг. Однако Розанов не может согласиться с тем, как представлена эротика в этой поэзии. По его мнению, декаденты показывают любовь «в форме изуродованной и странной, в форме бесстыдно-обнаженной»⁸⁵⁷. Под обнаженностью критик понимает то, что в этой поэзии «весь смысл, вся красота, все бесконечные муки и радости, из которых исходит акт любви <...>, - все это здесь отброшено»⁸⁵⁸. Поэтому любовь всегда совершается около женщины, но без какого-либо к ней внимания, так что у нее нет не только образа, но даже и имени. Поясняя свою точку зрения, Розанов обращается к моностиху Брюсова, демонстрирующему, по его мнению, угол зрения поэта на человека и человеческие отношения. Взгляд Брюсова «идет не от лица, проникнут не смыслом, но поднимается откуда-то снизу, от ног, и проникнут ощущениями и желаниями, ничего общего со смыслом не имеющими»⁸⁵⁹.

Критик считает данный моностих характерным для определенной тенденции культуры конца XIX в. Этой строчкой «выражено все внутреннее содержание некоторого "субъекта"», оставшегося «на развалинах всех великих связующих институтов: церкви, отчества, семьи»⁸⁶⁰. Декадентство - это «утрировка без утрируемого; вычурность в форме при исчезнувшем содержании»⁸⁶¹. Оно есть прежде всего эгоизм, поскольку «мир как предмет любви или интереса, даже как предмет негодования или презрения – исчез из этой "поэзии"»⁸⁶². По мнению Розанова, в поэзии символистов «умер душевный человек и остался только физиологический»⁸⁶³. Вполне закономерным поэтому оказывается сопоставление поэзии Брюсова и творчества Г. Мопассана, между которыми Розанов не находит практически никакой разницы: и «там и здесь уродливое впало в бессмысленное»⁸⁶⁴.

Причину появления этой поэзии Розанов усматривает в том, что индивидуализм как «религия своего я, поэзия этого я, философия того же я», произведя «ряд изумительных по глубине и яркости созданий»⁸⁶⁵, исчерпал свое содержание. Некоторые черты, присущие поэзии Брюсова, критик находит уже во второй части «Фауста» И. В. Гете. По его мнению, символизм и декадентство – естественное завершение всего гениального и высокого, что было создано

---

⁸⁵⁷ Там же. С. 411.

⁸⁵⁸ Там же. С. 412.

⁸⁵⁹ Там же.

⁸⁶⁰ Там же. С. 418.

⁸⁶¹ Там же. С. 417.

⁸⁶² Там же. С. 419.

⁸⁶³ Там же. С. 416.

⁸⁶⁴ Там же.

⁸⁶⁵ Там же. С. 419.

«несвязанною личностью» и «свободною человечностью» в период от «Возрождения до Эдисона». Свободной несвязанной личности противостоит человек религиозный, «связанный». По мнению Розанова, именно церковь способна остановить распространение «смрадного чудовища» декадентства.

В статье «То же, но другими словами» Розанов разбирает какое-то «посвященное Эросу» стихотворение Брюсова, не процитировав из него ни одной строки. Тема стихотворения для критика очень важна, по его мнению, необходимо начать говорить об «Эросе» «полными словами», однако опыт Брюсова критик находит крайне неудачным. По образному выражению Розанова, Брюсов описывает любовь так, как Петрушка, слуга Фамусова, читает календарь – без чувства, толка и расстановки. По мнению критика, «”Эрос” открывается в полном и настоящем виде только в эротические минуты»⁸⁶⁶, он весь в «свершении» и поэтому «безгласен», и стихи здесь совсем не нужны. Между тем Валерий Брюсов методично, «как по календарю», перечисляет, «как и чем мы наслаждаемся в “этот час”»⁸⁶⁷. Исчисляемые таким образом «цветы Эроса» уже не живые цветы, а мертвые, вместо благоухания они источают зловоние.

Совсем по-другому относились к эротике древние, которые любили друг друга и «ласкались среди стада и как в стадах»⁸⁶⁸. Они наблюдали за жизнью природы и не писали об этом брюсовских стихов. Природа, по мнению критика, «на всех языках говорит одинаково, и на всех говорит невинно», в отличие от Брюсова, который «в пошлом выжатом стихе говорит о том, что розы благоухают»⁸⁶⁹. Подобного рода поэзии Розанов противопоставляет брошюру «Советы матери перед замужеством своей дочери», которая в описании половой любви действует на критика больше, чем стихотворение Брюсова, и даже больше, чем «Египетские ночи» Пушкина: «... это вообще чувственнее, нежели я что-нибудь читал из псевдоэротической литературы, и волнует действительно глубоким волнением»⁸⁷⁰. Розанов восхищается этой брошюрой, потому что в ней представлен естественный подход к половым отношениям, при котором отсутствует чувство стыда, характерное для поэзии декадентов. По мнению критика, такая книга нужнее и ближе к жизни, ведь «никакие стихи и никакая проза не зашли ”так далеко”, как просто есть, совершается»⁸⁷¹. Эрос – «бессмертная стихия мира», по Розанову, он «божественнее всего остального», его красота – «мистическая,

---

⁸⁶⁶ Розанов В.В. То же, но другими словами // Розанов В.В. Легенда... С. 511.

⁸⁶⁷ Там же.

⁸⁶⁸ Там же. С. 512.

⁸⁶⁹ Там же.

⁸⁷⁰ Там же. С. 513.

⁸⁷¹ Там же. С. 514.

внутренняя и всеобъемлющая», ее невозможно выразить словами. И неслучайно Розанов подчеркивает, что статья написана в ночь с 24 на 25 декабря 1906 г. Ее замысел зарождается у критика, когда он наряжает рождественскую елку. Тайна Рождества должна подчеркнуть всю неуместность стихов Валерия Брюсова.

Кроме этих двух статей Розанов несколько раз упоминает имя Брюсова в других статьях и в своей эссеистической прозе. В «Гоголевских днях в Москве» он отмечает речь Брюсова о Гоголе: «... очень умна, смела и дерзка»⁸⁷². Об одобрительном отношении Розанова к статье Брюсова «Испепеленный. К характеристике Гоголя» (1909 г.) свидетельствует негативный контекст упоминания в «Сахарне» (1913 г.) А.Г. Горнфельда, который полемизировал с этой статьей⁸⁷³. В этой же книге Розанов отмечает положительную роль Брюсова и Белого в борьбе с наследием «Чернышевских и Добролюбовых»⁸⁷⁴. И.Н. Розанов, присутствовавший на гоголевских днях, в своих воспоминаниях о Брюсове отметил, что его речь была «попытка познакомить публику с новыми взглядами на Гоголя, взглядами, уже высказанными в печати В.В. Розановым, Мережковским...»⁸⁷⁵.

В «Уединенном», рассуждая о своей «удивительно противной» фамилии, Розанов замечает, что, наверно, «"Брюсов" постоянно радуется своей фамилии»⁸⁷⁶. В этой же книге он рассказывает, что был одним из первых, кто стал использовать слово «декадент». Это произошло раньше, чем кто-либо услышал о Брюсове, а «Белый – не рождался»⁸⁷⁷. В «Последних листьях» (1916 г.), говоря о литературной стилизации, Розанов снова соединяет имена Брюсова и Белого, которые могут «так волшебным и изумительно "стилизовать" в своих новеллах и рассказах и хронику XIII века, и рыцарский роман, и, например, хлыстов»⁸⁷⁸. Это упоминание показывает, что Розанов достаточно внимательно следил за произведениями Брюсова.

В свою очередь, Валерий Брюсов также держал в поле зрения литературную деятельность Розанова. Об этом свидетельствуют его дневники и переписка. В одном из писем Розанову (1902 г.) Брюсов признавался: «Вы знаете, что имеете во мне одного из самых жадных Ваших читателей»⁸⁷⁹. В дневниковой записи от 11 декабря 1897 г. отмечено впечатление, которое произвела на Брюсова статья Розанова, посвященная

---

⁸⁷² Розанов В.В. Гоголевские дни в Москве // Розанов В.В. Мысли о литературе. С. 290.

⁸⁷³ См.: Розанов В.В. Сахарна. С. 83.

⁸⁷⁴ Там же. С. 18.

⁸⁷⁵ Розанов И.Н. Встречи с Брюсовым // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М., 1976. С. 767.

⁸⁷⁶ Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Метафизика христианства. С. 396.

⁸⁷⁷ Там же. С. 407.

⁸⁷⁸ Розанов В.В. Последние листья // Розанов В.В. Последние листья. С. 128.

⁸⁷⁹ Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. М., 1991. С. 527.

памяти Ф. Шперка. В письме к М.В. Самыгину (13 декабря 1897) Брюсов также пишет об этой статье: «Какой ласкающий образ возник перед читателями»⁸⁸⁰. В записи за декабрь 1901 г. Брюсов передает свой диалог с М.С. Соловьевым: «- Так, значит, он вас обошел, - говорил он мне, узнав, что я люблю Розанова»⁸⁸¹.

При этом Брюсов по-разному оценивал качество различных розановских текстов. В письме к Андрею Белому (август 1903 г.), рассуждая о профессиональной журналистике, Брюсов приводит в пример Розанова как писателя, гибнущего от многописания. По его мнению, вся прелесть письма Розанова «именно в неотделанности», «хороши у него только импровизации». Из-за журналистской работы Розанову приходится повторять «в сотый раз все те же приемы речи, которые были в первый раз так «божественны» и которые превращаются в розановский трафарет», «свои откровения, виденные им при "сапфирных" молниях», писатель прилагает «к вопросу о петербургских мостовых»⁸⁸².

Таким образом, отношение Розанова и Брюсова друг к другу было неодинаковым. Если Розанов для Брюсова является признанным и уважаемым автором, имя которого может «иметь влияние на сбыт альманаха»⁸⁸³, к произведениям которого он испытывает постоянный интерес, то Брюсов для Розанова всегда выступает как представитель литературного направления и существует в связи с другими авторами. О том, что для Розанова фигура Брюсова не имела самостоятельного значения, свидетельствует тот факт, что критик не написал ни одной работы, посвященной исключительно ему. В статье «Декаденты» Розанов рассматривает новую поэзию вообще, в статье «То же самое, но другими словами» разбирает творчество не только Брюсова, но и М. Кузмина. Это отношение подтверждает и анекдот, записанный К. Чуковским, о том, как, сидя дома у Брюсова в ожидании хозяина, Розанов спросил у его жены: «Так где же ваш Бальмонт?»⁸⁸⁴

Исключая некоторые эпатажные и явно шутливые высказывания, нужно отметить, что сложившееся к 1896 г. отношение к поэзии Брюсова у Розанова практически не меняется, хотя он признает заслуги символизма в борьбе с позитивизмом и одобряет брюсовскую концепцию творчества Гоголя. В том, что касается эротики, Розанов не чувствует никакого сходства с Брюсовым. Напротив, критик считает изображение любви в стихах Брюсова крайне неудачным и ни в коем случае не соответствующим действительности. В свою очередь, Брюсов в письме

---

⁸⁸⁰ Там же. С. 386.

⁸⁸¹ Брюсов В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 127.

⁸⁸² Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 362.

⁸⁸³ Литературное наследство. Т. 98. Валерий Брюсов и его корреспонденты. Кн. 1. С. 352.

⁸⁸⁴ Фатеев В.А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома, 2002. С. 402.

(апрель 1907 г.) к З.Н. Гиппиус, назвавшей его и Розанова обладателями «разожженной плоти», резко возражает против этого наименования. По его словам, к нему «могут быть приложимы разные эпитеты, но именно не этот»⁸⁸⁵. Брюсов замечает, что «в разных частях своего существа испытывал <...> ”разожженность”, но только не в ”плоти”»⁸⁸⁶. То есть, несмотря на некоторую общность тем, эти писатели по-разному относились к эротике и отрицали какое-либо сходство в своих подходах к этому вопросу. Но это внутреннее отталкивание не исключает размышлений о разном воплощении эротического начала в их творчестве.

---

⁸⁸⁵ Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. С. 693.

⁸⁸⁶ Там же. С. 694.

Заключение

Литература как явление в целом оценивается Розановым, усвоившим все литературоцентрические концепции середины XIX в., очень высоко. Прежде всего, для Розанова характерно особое отношение к слову. При этом он считает слово полностью адекватным явлению, которое оно обозначает. В одной из записей, относящихся к «Апокалипсису нашего времени», Розанов спорит с Кантом. По его мнению, «едва ли бы Бог захотел шутить такую шутку над миром и человеком <...>, чтобы все знание последнего являлось попросту “враньем”»⁸⁸⁷. Сам Розанов убежден в том, что «схемы ума и восприятия человеческого отвечают вполне точно и реально образу мира»⁸⁸⁸. Из полного соответствия слова и явления вытекает прямая и однозначная связь литературы и жизни. В «Опавших листьях» Розанов отмечает, что ужасна не литература, а литературность души и жизни, когда «всякое переживание переливается в играющее, живое слово: но этим все и кончается, - само переживание умерло, нет его»⁸⁸⁹. Именно поэтому Розанов неоднократно высказывается в том роде, что литература отняла у него жизнь, что если бы он мог прожить свою жизнь второй раз, то ничего бы не писал. Совместить жизнь и литературу невозможно, и в этом противостоянии Розанов принимает сторону жизни: «Нужна вовсе не “великая литература”, а великая и полезная жизнь»⁸⁹⁰. И в то же время значение литературы в жизни человека и общества необыкновенно велико, так как именно на нее возложена задача просвещения общества и улучшения его нравов. Не случайно поэтому основную тяжесть вины за произошедшую революцию Розанов приписывает русской литературе, которая не только исчерпала все положительные явления русской жизни, но и не сумела правильно воспитать общество.

Представление о литературе у Розанова изначально было системным, что доказывает обращение к его первой книге «О понимании», в которой Розановым были разработаны основополагающие понятия его эстетики и поэтики. Впоследствии часть этих понятий Розанов пересмотрел, а от некоторых из них вообще отказался, однако концепция литературы Розанова на протяжении всего его творческого пути продолжала сохранять форму системы.

Литературную критику Розанов считает неотъемлемой частью литературного процесса. Очень часто он оценивает критические статьи с художественной точки зрения, включая, таким образом, критику в границы литературы. Однако в общем и

---

⁸⁸⁷ Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. С. 170.

⁸⁸⁸ Там же.

⁸⁸⁹ Розанов В.В. Опавшие листья. Короб первый // Розанов В.В. Метафизика христианства. С. 456.

⁸⁹⁰ Розанов В.В. Опавшие листья. С. 456.

целом представление Розанова о задачах литературной критики вполне соответствует представлениям того времени: критика должна помогать читателям понять литературное произведение. Претензии критики на руководство литературой Розанов отвергает, в некоторых случаях возлагая на нее ответственность за неправильное прочтение произведения, которое, как в случае с Гоголем, имело негативное воздействие на русское общество.

В своей книге П.А. Руднев предлагает «раз и навсегда отказаться от постулата “Розанов – профессиональный критик”»⁸⁹¹. О «вненаходимости розановского дискурса в области литературной критики» пишет также и А.А. Медведев⁸⁹². Сам Розанов, как показано в третьем параграфе первой главы, тоже не считал себя критиком. В данном случае важно выяснить, какой смысл вкладывается в понятие «литературная критика», какое представление о ее задачах существует в тот или иной период времени. По мнению В.Е. Хализева, критика XIX – XX в. «интересуется прежде всего неповторимо-индивидуальным обликом произведения, уясняет своеобразие его формы и содержания (и в этом смысле является интерпретирующей)»⁸⁹³. Одним из видов критики, по Хализеву, является критика-эссеистика, «не притязающая на аналитичность и доказательность, являющая собой опыты субъективного, по преимуществу эмоционального освоения произведений»⁸⁹⁴. Розановские статьи о литературе вполне соответствуют как первому, так и второму определению. Разумеется, творческое наследие Розанова многозначно и многопланово, поэтому свести его исключительно к критике литературных произведений невозможно, однако тот факт, что рассуждения Розанова о литературе являются также и критикой, игнорировать все-таки не стоит.

В результате проведенного исследования выяснилось, что литературная критика является составной частью общей философской системы Розанова. Творчество того или иного писателя всегда интересует Розанова как возможность применения его философских умозаключений, поэтому многие ключевые понятия его философии стали теми ценностями, на базе которых формируются критические оценки.

Главная ценность, по Розанову, – это индивидуальность, и потому именно отношение к человеческой личности является основным критерием оценки литературного произведения. С точки зрения этого критерия наиболее высокого

---

⁸⁹¹ Руднев П.А. Театральные взгляды Василия Розанова. М., 2003. С. 10.

⁸⁹² Медведев А.А. Эссе В.В. Розанова о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом (проблема понимания). Автореф. канд. дисс. М., 1997. С. 11.

⁸⁹³ Хализев В.Е. Теория литературы. 2-е изд. М., 2000. С. 119.

⁸⁹⁴ Там же. С. 120.

положения в литературной иерархии заслуживает Пушкин, который ничего не навязывает личности, и наиболее низкого – Гоголь, который своими произведениями изменил мироощущение не только отдельных людей, но и всего русского общества.

Со второй половины 1890-х гг. не менее важное место в системе ценностей Розанова занимают теория пола и вопросы семьи и брака. Если раньше образцовым поэтом и писателем для Розанова был Пушкин, то теперь на первый план выходит Лермонтов. Также изменяется отношение Розанова к Гоголю, творчество которого он находит полностью соответствующим своим новым идеям. Одновременно меняется содержание понятий «стихия» и «стихийное», которые из отрицательных переходят в разряд однозначно положительных. Стихийными художниками оказываются Гоголь и Лермонтов, и именно они в этот период возглавляют розановскую литературную иерархию. Синонимом «стихий» у Розанова является «движение», что позволяет ему сопоставить развитие русской литературы со своим философским взглядом на историю.

Теория пола присутствует абсолютно во всех литературных концепциях Розанова. Он по-своему интерпретирует семейную историю Пушкина, отыскивает языческие мотивы в произведениях Лермонтова и Гоголя, приписывает особый смысл отношениям Тургенева и Виардо, с сожалением отмечает отсутствие подлинного чувства в современной ему поэзии. В этом случае русская литература становится своеобразным полигоном, на котором Розанов испытывает свои отвлеченные идеи.

Еще одной несомненной ценностью для Розанова является жизнь, которую он иногда отождествляет с бытом. Понятия мертвенности и безжизненности являются основными в его первой интерпретации творчества Гоголя, в этом же Розанов впоследствии упрекает Брюсова и декадентов. Однако отсутствие быта в произведениях Тургенева Розанов считает оправданным, поскольку писатель поставил себе задачей изображение идеальной любви. Весьма сложны у Розанова отношения жизни и литературы, которая тоже является ценностью. В.Г. Полюшина полагает, что основным эстетическим принципом собственного литературного творчества у Розанова было стремление к преодолению литературы и соединению ее с жизнью⁸⁹⁵. Однако обращение к литературной критике Розанова показывает, что жизнь и литература для него изначально едины и он, наоборот, стремился к их разделению, отдавая жизни предпочтение перед литературой. В данном случае главным критерием оценки становится словесное мастерство писателя. И снова литературную иерархию

---

⁸⁹⁵ Полюшина В.Г. Художественно-философская трилогия В.В. Розанова («Уединенное», «Опавшие листья»): образ автора и жанр. Автореф. канд. дисс. Волгоград, 2005. С. 11.

Розанов возглавляет Гоголь, «словечки» которого оказались неодолимыми, изменив весь ход русской истории.

Не только для литературной критики, но и для всей философской системы Розанов необыкновенно важным является религиозное начало, которое в некоторых случаях оказывается очень близким понятию жизни и розановской теории пола. Однозначно религиозным поэтом для Розанова является Лермонтов, а вот религиозное значение Пушкина и Гоголя воспринимается им по-разному: в одном контексте Розанов подчеркивает присутствие в их творчестве трансцендентного и иррационального, в другом – отрицает. Во втором случае Пушкин становится исключительно земным поэтом, которому недоступна область высшего созерцания, а Гоголь выступает в роли богоборца, полностью отрицающего духовную сущность человека.

Народность в качестве критерия оценки литературного произведения встречается у Розанова достаточно редко. В основном Розанов рассуждает о народности применительно к творчеству Пушкина, Некрасова и некоторых представителей современного ему литературного процесса. Более того, в разных статьях в зависимости от контекста меняется смысл этого определения, что свидетельствует о том, что в системе ценностей Розанова понятие народности было важным, но ключевого положения не занимало. Точно так же в исследованном материале практически не встречается критерий «национальное». Очевидно, что эта проблема требует дополнительного исследования с привлечением посвященных «русской идее» публицистических статей Розанова.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить в литературной критике Розанова следующие критерии оценки:

- индивидуальность;
- семья;
- теория пола;
- стихия/движение;
- жизнь/быт;
- слово/литература;
- религиозное начало.

Кроме семи основных, в исследованном материале выделился также дополнительный критерий народности, и еще в отдельных случаях как самостоятельную ценность Розанов рассматривает все творчество Пушкина. Разумеется, этот список имеет гипотетический характер и призван не столько дать

однозначные ответы на поставленные вопросы, сколько обозначить направления и перспективы дальнейших исследований розановского наследия.

Использование принципа хронологии при рассмотрении высказываний Розанова о творчестве различных писателей позволило получить представление также и о внутренней логике развития его критической концепции. Прежде всего, нужно отметить важность контекста для суждений Розанова. Например, в зависимости от того, с кем критик сопоставляет Пушкина, изменяется оценка историко-культурного значения творчества поэта. Принятие тезиса о «всемирной отзывчивости» помешало Розанову сформировать свою собственную концепцию. В результате при обращении к Пушкину он использует ту же схему, по которой многочисленные исследователи изучают творчество самого Розанова: берется клише, которое принимается как аксиома, и производится попытка анализа одной или двух сторон творчества писателя.

Также существенным фактором является стремление Розанова к метонимической образности, когда он идентифицирует писателя с одним из его героев и включает автора в рамки его собственного художественного мира. Кроме того, несмотря на то, что Розанов не стремится к конъюнктуре, на развитие его концепции влияют как обстоятельства его биографии, так и общепринятые культурные штампы. Этот момент также отмечает и В.В. Ерофеев, который считает, что утверждение социальной значимости литературы связывает философа с демократической критикой при полном разрыве с идеологией этого направления. Розанов возражает против реализма как определения художественного метода Гоголя, но, тем не менее, постоянно использует этот термин в своих работах.

При неясном содержании некоторых абстрактных понятий Розанов может менять их значение. Кроме того, он использует различные семантические оттенки одних и тех же дефиниций. Розанов не только демонстрирует разные стороны истины, но и часто доводит до абсурда различные элементы своей концепции. Вовсе не противоречивость, а именно это стремление выявить все возможности, заложенные в данной интерпретации, следует считать главной особенностью его мышления.

Розанов – очень чуткий и внимательный читатель. Его так называемая «ненависть» к Гоголю вовсе не является слепотой к эстетическим достоинствам произведений писателя, а, наоборот, представляет собой сверхчувствительность к ним. Однако Розанов-читатель не всегда совпадает с Розановым–критиком. При очевидной любви к Пушкину или Лермонтову писать о них он начинает тогда, когда возникает к ним его интерес как философа.

Пушкин, Лермонтов и Гоголь составляют для Розанова «золотой век» русской литературы. При всех колебаниях в точке зрения на творчество этих писателей от этой высокой оценки Розанов нигде не отказывается. Все трое представляют собой вершину русской литературы. Противоречивость, присутствующая в интерпретации их творчества, имеет различные причины. Образ Пушкина неясен из-за так и не сложившейся концепции; противоречия в образе Гоголя связаны с наложением и смешением двух точек зрения; при обращении Розанова к личности и творчеству Лермонтова колебания концепции происходят из-за общих изменений в его философии жизни.

Изменения в литературной концепции Розанова чем-то напоминают превращения, совершающиеся в произведениях Гоголя. Во сне Ивана Федоровича Шпоньки жена превращается в колокольню и в отрез материи, что на первый взгляд кажется неожиданным и необъяснимым. Но если восстановить пропущенные логические переходы (колокольня – церковь – венчание – новый костюм – кусок ткани), то все становится на свое место. Точно так же и при рассмотрении суждений Розанова следует принимать во внимание контекст, а также скрытые внутренние связи, существующие между различными интерпретациями.

Сопоставление интерпретаций позволяет выявить тот уровень, на котором снимается пресловутая розановская противоречивость. На основании проведенного исследования можно выделить два этапа восприятия Розановым творчества того или иного автора. Первоначальным и наиболее важным фактором является совпадение либо несовпадение мировосприятия (чувства Бога). Затем достаточно большую роль играют теории, которыми критик увлекается в данный момент. С Пушкиным Розанов чувствует совпадение мироощущения, но не может приспособить его творчество к своим теориям. Гоголь при полном несовпадении мировосприятия частично может быть интерпретирован в соответствии с философскими идеями Розанова. И, наконец, Лермонтов полностью совпадает с чувством Бога, присущим самому критику, и легко вписывается в мировоззренческие концепции Розанова.

В заключение хотелось бы еще раз отметить перспективность аксиологического, и хронологического подходов к творческому наследию Розанова. Все его произведения должны рассматриваться как некая целостность, как совокупность идей, развивающихся во времени под влиянием тех или иных факторов. Только при таком подходе мы сможем приблизиться к пониманию феномена Василия Розанова.

Библиография

I. Труды В.В. Розанова:

1. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2000.
2. Розанов В. В. Загадки русской провокации (Статьи и очерки 1910 г.) / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2005.
3. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995.
4. Розанов В.В. В нашей смуте (Статьи 1908 г.) / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2004.
5. Розанов В.В. В темных религиозных лучах / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1994.
6. Розанов В.В. Во дворе язычников / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1999.
7. Розанов В.В. Возрождающийся Египет / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2002.
8. Розанов В.В. Иная земля, иное небо... Полное собрание путевых очерков 1899-1913 гг. / Под ред. В.Г. Сукача. М., 1994.
9. Розанов В.В. Когда начальство ушло... 1905-1906 гг. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1997.
10. Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1996.
11. Розанов В.В. Листва: Из рукописного наследия. М., 2001.
12. Розанов В.В. Литературные изгнанники: Н.Н. Страхов. К.Н. Леонтьев / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2001.
13. Розанов В.В. Люди лунного света. Репринт изд. 1913 г. М., 1990.
14. Розанов В.В. Метафизика христианства. М., 2000.
15. Розанов В.В. Мимолетное. 1914 г. // Розанов В.В. Когда начальство ушло... 1905-1906 гг. М., 1997. С. 193–596.
16. Розанов В.В. Мимолетное / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1994.
17. Розанов В.В. Мысли о литературе / Вступ. статья и комм. А.Н. Николюкина. М., 1989.
18. Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития: Литературно-эстетические работы разных лет / Сост. и вступ. статья В.В. Ерофеева. М., 1990.
19. Розанов В.В. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995.
20. Розанов В.В. О понимании / Под ред. В.Г. Сукача. М., 1996.

21. Розанов В.В. О Пушкине. Эссе и фрагменты / Под ред. В.Г. Сукача. М., 1999.
22. Розанов В.В. О себе и о жизни своей. М., 1990.
23. Розанов В.В. Около народной души (Статьи 1906–1908 гг.) / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2003.
24. Розанов В.В. Около церковных стен / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995.
25. Розанов В.В. Опавшие листья // Розанов В.В. Метафизика христианства. М., 2000. С. 452-758.
26. Розанов В.В. Последние листья / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2000.
27. Розанов В.В. Религия и культура. М., 2001.
28. Розанов В.В. Религия. Философия. Культура / Сост. и вступ. статья А.Н. Николюкина. М., 1992.
29. Розанов В.В. Русская государственность и общество (Статьи 1906—1907 гг.) / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2003.
30. Розанов В.В. Сахарна / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1998.
31. Розанов В.В. Семейный вопрос в России / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2004.
32. Розанов В.В. Смертное / Под ред. В.Г. Сукача. М., 2004.
33. Розанов В.В. Среди художников / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1994.
34. Розанов В. В. Старая и молодая Россия (Статьи и очерки 1909 г.) / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2004.
35. Розанов В.В. Сумерки просвещения / Под ред. В.Н. Щербакова. М., 1990.
36. Розанов В. В. Террор против русского национализма (Статьи и очерки 1911 г.) / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2005.
37. Розанов В.В. Уединенное // Розанов В.В. Метафизика христианства. М., 2000. С. 383–451.

II. Исследования:

1. Альшевская Л.В. Нравственно-религиозные искания В.В. Розанова: социально-философский анализ. Иркутск, 1999.
2. Ахунзянова Ф.Т. В.В. Розанов и Мережковские: К истории взаимоотношений // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2004. № 9. С. 32-37.
3. Барзукаева Р.А. Философия образования В.В. Розанова. Автореф. канд. дисс. Тверь, 2004.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
5. Белозерцев В.П., Крикунов А.Е., Павленко А.И. Школа и семья в философско-педагогической публицистике В.В. Розанова (1890-е гг.). Елец, 2002.
6. Биbihин В.В. Время читать Розанова // Розанов В.В. О понимании. М., 1996. С. IX-XXV.
7. Биbihин В.В. К метафизике Другого // Начала. М., 1992. № 3. С. 52-65.
8. Богатова О.А. Этические взгляды В.В. Розанова: проблема взаимоотношения природы, культуры и морали. Саранск, 1995.
9. Болдырев Н.Ф. Семя Озириса или Василий Розанов как последний ветхозаветный пророк. Челябинск, 2001.
10. Бочаров С. Холод, стыд и свобода: (История литературы *sub specie* Священной истории) // Вопросы литературы. М., 1995. Вып. 5. С. 126-157.
11. Бугров А.А. Замирающее // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2001. № 1. С. 51-53.
12. Бугров А.А. Под глубокими небесами (Образ провинциального детства: В.В. Розанов и Л.И. Добычин) // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии: Сборник статей. Кострома, 2003. С. 217-223.
13. В.В. Розанов: Pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. В 2 т. СПб., 1995.
14. Василенко В.А. Ценность и оценка. Киев, 1964.
15. Васильев Д.Д. Идея эроса в русской религиозной философии. Уфа, 1997.
16. Венгеров С.А. Русская литература XX в. М., 2000.
17. Виндельбанд В. Избранное: Дух и история. М., 1995.
18. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.
19. Вопросы методологии историко-литературных исследований. Л., 1981.

20. Газданов Г. Эссе о писателях // Литературное обозрение. М., 1994. № 9-10. С. 71-83.
21. Гиппиус З. Задумчивый странник (о Розанове) // Гиппиус З. Живые лица. М., 2002. С. 99-141.
22. Голлербах Э.Ф. В.В. Розанов. Жизнь и творчество // Голлербах Э. Встречи и впечатления. СПб., 1998. С. 39-93.
23. Голубева Л.Н. «Я весь-дух, и весь-субъект: субъективное развито во мне бесконечно...» (О постмодернистском модусе мышления В.В. Розанова) // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2001. № 1. С. 27-30.
24. Горбач К.И. Проблема «Россия-Запад» в философии русского религиозного Ренессанса XX в.: В.Ф. Эрн, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов. Автореф. канд. дисс. М., 1997.
25. Горбунов В.В. Идея соборности в русской религиозной философии. М., 1994.
26. Грюбель Р. Автор как против-герой и против-образ: метонимия письма и видение конца искусства у В. Розанова // Автор и текст. СПб., 1996. Вып. 2. С. 354-386.
27. Гудкова А.А. «Опавший листок» русской литературы. Интерпретация В. Розановым поэзии М. Лермонтова // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2001. № 1. С. 41-44.
28. Гулыга А. «Как мучительно трудно быть русским»: (о жизни и творчестве В.В. Розанова) // Лепта. М., 1991. № 5. С. 143-151.
29. Данилевский А. В.В. Розанов как литературный тип // Классицизм и модернизм. Tartu, 1994. С. 112-128.
30. Дианов Д.Н. Творческие искания Ф.М. Достоевского в оценке русской религиозно-философской критики конца XIX – начала XX веков (К. Леонтьев, Вл. Соловьев, В. Розанов). Автореф. канд. дисс. Кострома, 2004.
31. Дурылин С. В своем углу // Вопросы литературы. М., 1991. № 3. С. 237-248.
32. Ерофеев В.В. Розанов против Гоголя // Ерофеев В.В. В лабиринте проклятых вопросов. М., 1996. С. 12-48.
33. Ефимов И. Жемчужина страдания: Лермонтов глазами русских философов // Звезда. Л., 1991. № 7. С. 189-196.
34. Ефремов А.В. Данилевский и Розанов // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2003. № 7. С. 65-68.

35. Жеребкина И.А. Текстуальные стратегии в философии В.В. Розанова: «женское» как текст // Серебряный век русской литературы: Проблемы, документы. М., 1996. С. 54-63.
36. Захарова В.Т. Импрессионизм мысли: «Уединенное» и «Опавшие листья» В. Розанова // Российский литературоведческий журнал. М., 1994. № 5-6. С. 177-188.
37. Ивин А.А. Основание логики оценок. М., 1970.
38. История русской литературы: XX в.: Серебряный век. М., 1994.
39. Каган М.С. Философская теория ценностей. СПб., 1997.
40. Катаев В.Б. Чехов и Розанов // Чеховиана. Чехов и «серебряный век». М., 1996. С. 68-74.
41. Кашин Е.И. «Дух творчества» и творчество в понимании В. Розанова // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2001. № 1. С. 19-23.
42. Кашина Н.К. В. Розанов и Ю. Айхенвальд в споре о В. Белинском: об основах русской критики // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2001. № 1. С. 45-50.
43. Кибальник С.А. В.В. Розанов «за» и «против» Пушкина // Новый журнал. СПб., 1993. № 1. С. 90-94.
44. Кибальник С.А. Художественная философия Пушкина. СПб., 1993.
45. Ключ Э. Ницше в России: Эволюция морального сознания. СПб., 1999.
46. Кожухин А.Я. Социальные аспекты антропологии К.Н. Леонтьева и В.В. Розанова. СПб., 1997.
47. Колобаева Л.А. Владимир Соловьев и Василий Розанов (Стиль мышления) // Владимир Соловьев и культура Серебряного века: К 150-летию Вл. Соловьева и 110-летию А.Ф. Лосева. М., 2005. С.378-386.
48. Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX –XX вв. М., 1990.
49. Коптелова Н.Г. Розанов и Мережковский: Диалог о Тургеневе // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2004. № 9. С. 107-111.
50. Корниенко Н. Философские аспекты изучения общественно-литературного процесса начала XX в. Новосибирск, 1989.
51. Кошелев В.А. «Пушкинское» у В.В. Розанова (К постановке проблемы) // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии: Сборник статей. Кострома, 2003. С. 159-169.

52. Кривонос В.Ш. «Демон-Гоголь»: Гоголь глазами Розанова // Российский литературоведческий журнал. М., 1994. № 5-6. С. 155-176.
53. Крылов В.Н. Размышления В.В. Розанова о прошлом и настоящем русской литературной критики // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2001. № 1. С. 37-40.
54. Кувакин В.А. В.В. Розанов: «Моя душа сплетена из грязи, нежности и грусти» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. М., 1989. № 3. С. 43-57.
55. Кулагин А. Тайная свобода: Заметки о «возвращенной» Пушкиниане // Литературное обозрение. М., 1991. № 1. С. 33-43.
56. Курганов Е., Мондри Г. Розанов и евреи. СПб., 2000.
57. Лебедев В.Ю. В.В. Розанов в культуре постмодерна // Культура и политика. Сборник научных трудов. Тверь, 2004. С. 127-133.
58. Литературно-эстетические концепции в России конца XIX – начала XX в. М., 1975.
59. Лобовиков В.О. Модальная логика оценок и норм. Красноярск, 1984.
60. Ломинадзе С. Розанов как читатель // Вопросы литературы. М., 1996. Вып. 6. С. 132-159.
61. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. М., 1990.
62. Луначарский А.В. К вопросу об оценке // Луначарский А.В. Этюды. Сборник статей. М.; Л., 1922.
63. Максимов А.Н. Философия ценностей. М., 1997.
64. Мандельштам А.И. Серебряный век: русские судьбы. СПб., 1996.
65. Матюшкин А.В. К вопросу о символизме Розанова // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2003. № 7. С. 46-50.
66. Масленников И.О. Политические воззрения В.В. Розанова // Культура и политика. Сборник научных трудов. Тверь, 2004. С. 118-127.
67. Медведев А.А. Эссе В.В. Розанова о Ф.М. Достоевском и Л.Н. Толстом (проблема понимания). Дисс. на соискание уч. степ. кандидата фил. наук. М., 1997.
68. Мильдон В.И. О литературном значении В.В. Розанова // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии: Сборник статей. Кострома, 2003. С. 149-159.
69. Миночкина Л.И. Новый взгляд на роль русской критики на рубеже XIX – XX вв.: Леонтьев и Розанов // Вестник Челябинского университета. Серия 2. Филология. Челябинск, 1997. № 2. С. 32-37.

70. Михайлова М.В. Проблема реализма в народнической критике конца 90-х – начала 900-х гг. // Русская литература XX века (дооктябрьский период). Республиканский сборник. Тула, 1977. Вып. IX. С. 3-17.
71. Мондри Г. А.С. Пушкин - «наше» или «мое»: О восприятии Пушкина В. Розановым // Вопросы философии. М., 1999. № 7. С. 66-73.
72. Мондри Г. О «некрасивой» андрогинности: Статуя как политика тела у Василия Розанова // Russian Literature. XLVIII (2000). С. 71-86.
73. Налепин А. «Разноцветная душа» Василия Васильевича Розанова // Литературная учеба. М., 1988. № 1. С. 113-119.
74. Налепин А.Л. Розанов и народная культура // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2001. № 1. С. 5-18.
75. Нива Ж. Розанов, русский «эготист» // Нива Ж. Возвращение в Европу: Статьи о русской литературе. М., 1999. С. 169-177.
76. Николюкин А.Н. В.В. Розанов – литературный критик // Розанов В.В. Мысли о литературе. М., 1989. С. 5-40.
77. Николюкин А.Н. В.В. Розанов и Н.В. Гоголь: (По материалам периодики) // Н.В. Гоголь: материалы и исследования. М., 1995. С. 149-165.
78. Николюкин А.Н. Возвращенная книга // В темных религиозных лучах. М., 1994. С. 439-442.
79. Николюкин А.Н. Голгофа Василия Розанова. М., 1998.
80. Николюкин А.Н. Живописец русской души // Розанов В.В. Среди художников. М., 1994. С. 5-18.
81. Николюкин А.Н. «Забытое возле Толстого»: (В.В. Розанов и Л.Н. Толстой) // Российский литературоведческий журнал. М., 1993. № 1. С. 101-123.
82. Николюкин А.Н. К вопросу о мифологеме национального в творчестве В.В. Розанова // Розанов В.В. Сахарна. М., 1998. С. 414-420.
83. Николюкин А.Н. Магия слова как философия. О своеобразии мирозерцания В.В. Розанова // Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С. 3-10.
84. Николюкин А.Н. Розанов. М., 2001.
85. Николюкин А.Н. «Я стою только за Русь» (Глава из книги о В.В. Розанове) // Российский литературоведческий журнал. М., 1997. № 11. С. 269-281.
86. Носов С.Н. В.В. Розанов: Эстетика свободы. Дюссельдорф, 1990.
87. О «безвидной дружбе»: (Письма В. Розанова к М. Горькому) // Вопросы литературы. М., 1989. № 10. С. 149-176.

88. Обатнина Е.Р. «Огонь вещей» А. Ремизова и миф о Гоголе начала XX века // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. СПб., 1994. С. 129-141.
89. Осминина Е.В. Пушкинская гармония – основа понимания своеобразия личности и творчества В.В. Розанова // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2004. № 9. С. 95-98.
90. Осминина Е.В. Творение мифа и интерпретация культурного героя: Розанов и Пушкин. Автореф. канд. дисс. Кострома, 2005.
91. «От Пушкина до Лейкина»: Путь русской литературы в интерпретации В.В. Розанова / Вступ. заметка Панова А.В., Хализева В.Е.; Подборка фрагм. из произведений В.В. Розанова Панова А.В. // Русская словесность. М., 1994. № 3. С. 3-14.
92. Павленко А.И. Социология versus метафизика. Семейная тема публицистики В.В. Розанова (1890-1894 гг.) // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2001. № 1. С. 31-36.
93. Панфилов О.М. Ценностные отношения: природа и генезис. СПб., 1994.
94. Паперный В.М. В поисках нового Гоголя // Связь времен. М., 1994. С. 21-47.
95. Перепелкина Л. Литературно-критическая деятельность Владимира Соловьева в системе его философских идей. Tampere, 1995.
96. Пильд Л. В.В. Розанов об И.С. Тургеневе (к проблеме истоков стиля Розанова) // Тыняновский сборник. Вып. 11: Девятые Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М., 2002. С. 336.
97. Пишун В.К., Пишун С.В. «Религия жизни» В. Розанова. Владивосток, 1994.
98. Пишун С.В. Социальная философия В.В. Розанова. Владивосток, 1993.
99. Полюшина В.Г. Художественно-философская трилогия В.В. Розанова («Уединенное», «Опавшие листья»): образ автора и жанр. Автореф. канд. дисс. Волгоград, 2005.
100. Попова Е.В. Ценностный подход в исследовании литературного творчества. Владикавказ, 2004.
101. Птицына О.В. Эрос в русской философии конца XIX – начала XX в. Автореф. канд. дисс. М., 1999.
102. Религиозно-идеалистическая философия в России конца XIX – начала XX в. М., 1989.
103. Репников А.В. К истории взаимоотношений В.В. Розанова и К.Н. Леонтьева // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии: Сборник статей. Кострома, 2003. С. 249-258.

104. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М., 1998.
105. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск, 1998.
106. Руднев П.А. Гоголевская тема и Апокалипсис у Розанова: театральный контекст // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии: Сборник статей. Кострома, 2003. С. 181-194.
107. Руднев П.А. Соблазн запретной мысли Василий Розанов и античный цикл Александрийского театра // Современная драматургия. М., 2000. № 1. С. 191-201.
108. Руднев П.А. Театральные взгляды Василия Розанова. М., 2003.
109. Рябинина Т.В. Философия любви и пола в наследии русских мыслителей конца XIX – начала XX в. Автореф. канд. дисс. Мурманск, 2002.
110. Сарапульцева А.В. Религиозно-идеалистическая философия В.В. Розанова: становление и развитие. Автореф. канд. дисс. Екатеринбург, 1996.
111. Седакова О. Из дневника: Заглядывая в Розанова // Храм. М., 1991. Вып. 1. С. 61-70.
112. Серебряный век / Под ред. Ж. Нива. М., 1995.
113. Серебряный век в России. М., 1993.
114. Серебряный век. Философско-эстетические и художественные искания. Кемерово, 1996.
115. Синявский А.Д. «Опавшие листья» Василия Васильевича Розанова. М., 1999.
116. Слободнюк С.Л. «Дьяволы» Серебряного века: древний гностицизм и русская литература 1890-1930 гг. СПб., 1998.
117. Смирнов С.В. Обращения В.В. Розанова к некрасовской идеологической биографии // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии: Сборник статей. Кострома, 2003. С. 194-206.
118. Соловьев С.М. Вл. Соловьев: Жизнь и творческая эволюция. М., 1997.
119. Сукач В. Воспоминания о Розанове: почти опавшие листья // Новое литературное обозрение. М., 1997. № 23. С. 346-361.
120. Сукач В. Жизнь В.В. Розанова «как она есть» // Москва. М., 1991. № 10-11. С. 135-176.
121. Сурат И. Пушкинист Владислав Ходасевич. М., 1994.
122. Сурина И.А. Ценности. Ценностные отношения. Ценностное пространство: Вопросы теории и методологии. М., 1997.
123. Терлецкий А.Д. Ф.М. Достоевский и философская критика рубежа XIX-XX веков. Симферополь, 1994.

124. Тихонова Е.Ф. Творческое наследие В.В. Розанова: опыт культурологической реконструкции. Автореф. канд. дисс. Ростов-на-Дону, 1997.
125. Фатеев В.А. «Вечное пререкание – моя жизнь»: Парадоксальный мир В.В. Розанова // Волга. Саратов, 1989. № 6. С 82-87.
126. Фатеев В.А. В.В. Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991.
127. Фатеев В.А. Откровение св. Иоанна Богослова и «Апокалипсис нашего времени» В.В. Розанова // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2003. № 7. С. 28-35.
128. Фатеев В.А. Публицист с душой метафизика и мистика // В.В. Розанов: pro et contra: Личность и творчество Василия Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей. В 2-х тт. СПб., 1995. Т. 1. С. 5-36.
129. Фатеев В.А. С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. Кострома, 2002.
130. Федякин С.Р. Жанр, открытый В.В. Розановым // Розанов В.В. Когда начальство ушло... 1905-1906 гг. М., 1997. С. 597–604.
131. Федякин С.Р. О последней книге Василия Розанова // Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. М., 2000. С. 380-386.
132. Фокина Н.С. Особенности розановского патриотизма // Незавершенная энтелехийность: отец Павел Флоренский, Василий Розанов в современной рефлексии: Сборник статей. Кострома, 2003. С. 258-264.
133. Фомин А. И. Ноумены Розанова // Материалы XXXIV Международной филологической конференции. Вып. 6. Русский язык и ментальность. СПб., 2005. С. 83-88.
134. Фомина З.В. Человеческая духовность: бытие и ценность. Саратов, 1997.
135. Фридлендер Г.М. Гоголь: истоки и свершения: Статья вторая // Русская литература. СПб., 1995. № 2. С. 3-31.
136. Фридлендер Г.М. Пушкин. Достоевский. «Серебряный век». СПб., 1995.
137. Фролова Л.Н. Проблемы творчества Д.С. Мережковского. М., 1996.
138. Хализев В.Е. Теория литературы. 2-е изд. М., 2000.
139. Хапсироков А.Я. Отражение и оценка. Горький, 1972.
140. Ценности и оценка. М., 1972.
141. Шестов Л.И. Статьи о русской литературе // Русская литература. Л., 1991. № 3. С. 38-64.

142. Шилкина И.С. К проблеме нравственной теодицеи в «Апокалипсисе нашего времени» // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2003. № 7. С. 35-40.
143. Шкловский В.Б. Розанов // Шкловский В.Б. Гамбургский счет. М., 1990. С. 120-129.
144. Щербаков В.Н. Второе пришествие В.В. Розанова // Розанов В.В. Сумерки просвещения. М., 1990. С. 595-621.
145. Эткинд А.М. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996.
146. Юрьева Т.В. Портрет мирского человека: (В.В. Розанов. «По тихим обителям») // Энтелехия. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия «Культурология». Кострома, 2001. № 1. С. 24-26.